М
900
524

ДОВИК
ДО

СЬМА
ОЙНЕ
С
НИЦЕЙ

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

Русск.-япон. в-на

ЛЮДОВИКЪ НОДО

Письма о войнѣ съ Японіей

Переводъ съ французскаго

Н. М. Лагова

Складъ у В. А. Березовскаго,
Комиссіонера Военно-Учебныхъ Заведеній
С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14
1906

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

между прочимъ продаются:

А. Верещагинъ. **ВЪ КИТАѢ** Воспоминанія и разсказы 1901—1902 гг. съ рисунками и портретами . **1** р. **25** к.

Отзывъ „...Я бы усердно совѣтовалъ прочитать книгу г. Верещагина тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ судьбы міра: вѣдающіе судьбы міра должны глубоко задуматься надъ тѣмъ, что говоритъ г. Верещагинъ. Помимо этого, книга А. В. Верещагина читается съ захватывающимъ интересомъ: его пребываніе въ Мукденѣ, древней столицѣ Китая, въ Портъ-Артурѣ, въ „Дальнемъ“, въ Пекинѣ—во всемъ этомъ читателя увлекаетъ мастерское изложеніе“.

«Новости» 1903 г. № 88. ***В. В. Стасовъ.***

ПРИРОДА И ЛЮДИ КОРЕИ.

40 к.

женіемъ ... дать достаточно полное, ясно... леніи и бытѣ Кореи. Книжка отлично издана, ... исполненными рисунками и снабжена картой театра военныхъ дѣйствій (на отдѣльномъ листѣ)“. ***А. З—овъ.*** *«Развѣдчикъ» № 706.*

Н. И. Сувировъ. **ПРОШЛОЕ и НАСТОЯЩЕЕ ЯПОНІИ.** Культурно-историческій очеркъ. **75** к.

Его-же. **МАНЧЖУРІЯ.** Ея населеніе, богатство и роль въ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, предшеств. Русско-Японской войнѣ. Очеркъ . **70** к.

Обѣ эти изящно изданныя книжки выгодно отличаются какъ по внѣшности, такъ и по содержанію отъ другихъ однородныхъ съ ними по цѣли, но не однородныхъ по достоинству изданій, въ массѣ появившихся за послѣднее время на книжномъ рынкѣ.

Обѣ книги снабжены отчетливо исполненными картами и многочисленными рисунками. (*«Развѣдч.», 1905 г. № 742—743*). ***А. З—овъ.***

Это („Манчжурія“) дѣльно выполненная компилятивная работа, выполненная по основательнымъ иностраннымъ и русскимъ трудамъ о Манчжуріи и передающая свѣдѣнія, достаточно провѣренныя и не фантастическія.

(*«Бирж. Вѣд.» 7 апр. № 1904 г. (1-е изд.)*).

Письма о войнѣ съ Японіей

„Событія, очевидцемъ которыхъ я былъ,
будутъ интересны еще сотню лѣтъ“
Людовикъ Нодо

(Телеграмма изъ плѣна)

1671

М 900/522

ВО
КиМ

ЛЮДОВИКЪ НОДО

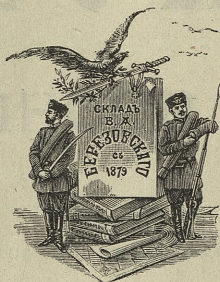
ПИСЬМА О ВОЙНѢ СЪ ЯПОНІЕЙ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. М. Лагова

Складъ у В. А. Березовскаго,
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14
1906

2022537151

1926.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

12964-65

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Отъ переводчика	7
Они не знали...	
I—XIII	11
Чья вина?	
XIV—XV	92
Дурные признаки.	
XVI—	114
Изъ записной книжки.	
XVII—XXIII	
Первая фаза сраженія.	
XXIV	195
Вторая фаза сраженія.	
XXV—XXVI	204
Военныя приключенія.	
XXVII—XXXVII	227
Заключеніе	326

Отъ переводчика

Изъ числа иностранныхъ корреспондентовъ, сопровождавшихъ русскую армію въ войнѣ съ Японіей, первое мѣсто безспорно принадлежитъ корреспонденту парижскаго Journal'я Людовику Нодо.

Никто изъ его собратьевъ такъ долго какъ онъ не пробылъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и ничьи письма съ войны не вызывали бо̀льшихъ, чѣмъ его, толковъ въ печати и обществѣ, какъ за границей, такъ тѣмъ болѣе и у насъ. Стоитъ для примѣра припомнить хотя бы лишь сенсаціонное появленіе его писемъ „Они не знали...“ Интересъ, возбуждаемый письмами Нодо, объясняется ихъ высокими достоинствами. Съ внѣшней художественностью изложенія въ нихъ счастливо сочеталось глубокое знаніе

трактуемыхъ предметовъ и—что намъ русскимъ особенно дорого—искреннія его симпатіи къ намъ.

Изъ огромнаго числа появившихся въ печати, на французскомъ языкѣ, писемъ этого автора, мы взяли въ эту книгу лишь двѣ серіи ихъ, во первыхъ, уже выходившую брошюрой серію „Они не знали...“ (эти письма здѣсь нами печатаются въ значительно исправленномъ и еще больше дополненномъ видѣ) и во вторыхъ, серію писемъ, посвященныхъ „Паденію Мукдена“.

Читатель теперь можетъ самъ оцѣнить глубокій интересъ избранныхъ нами серій, и мы лишь напомнимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ (не говоря о серіи „Они не знали...“, которая буквально обошла всю нашу прессу и теперь еще время отъ времени упоминается различными, ссылающимися на нее авторами) при появленіи своемъ въ Journal'ѣ цитировались нашей печатью, какъ нѣчто совершенно исключительное въ литературѣ о войнѣ. Таковы, напримѣръ, письма подъ заглавіемъ „Чья вина?“

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что нами собраны здѣсь избранныя

письма Людовика Нодо лишь о русской арміи и русской сторонѣ войны; и совсѣмъ не тронуты его письма изъ плѣна, поскольку рѣчь въ нихъ касается Японіи, японской арміи и японской закулисной стороны войны. Лишне говорить, насколько интересны для насъ въ этой области хотя бы, напримѣръ, обѣщанныя Людовикомъ Нодо „Истинныя причины портсмутскаго договора“... Но все это затрогиваетъ совершенно иныя сферы и должно составить самостоятельную книгу „Писемъ изъ Японскаго плѣна“.

Н. Л.

Они не знали

Мукденъ, ноябрь 1904 г.

I

Во время аттаки Ту-Мынь-Лина

Между горными откосами, въ извилинахъ долинъ, и на неприступныхъ вершинахъ кроваво-красныхъ скалъ, и у подножія гранитныхъ, вѣками спаленныхъ солнцемъ горъ кипѣла битва бурная, безформенная, необъятная.

Какъ въ гигантской кузницѣ пушки то били подобно молоту, то, казалось, сверлили, рвали и плющили все кругомъ.

Цѣлыя баттареи палили залпами, не видя во что, и падали снаряды, летѣвшіе неизвѣстно откуда. Шелъ бой на разстояніи, издалека, бой невидимыхъ силъ, таинственный.

Уже два дня и двѣ ночи не прекращалась сплошная, однообразная, наводящая уныніе трескотня ружей. Казалось, лилъ чудовищный градъ, и подъ нимъ стономъ стонала сама земля.

Такъ было 11-го октября *) у Штакельберга.

Вдругъ, на югѣ, изъ-за самой огромной и дикой изъ горъ, образовавшихъ здѣсь сплошную цѣпь, вдоль которой двигалась наша армія,—въ долинѣ, скрытой лишь отъ нашихъ глазъ лабиринтомъ скалъ, этихъ морщинъ угрюмаго великана—горнаго хребта,—оттуда донеслись ружейные залпы, своимъ шумомъ подобные морю. Съ каждой секундой перестрѣлка тамъ разгоралась и катилась къ намъ, какъ огромная морская волна, какъ снѣжная лавина. Видимо, вся цѣликомъ пѣхота, выдвинутая впередъ, открыла ожесточенный огонь противъ позицій, откуда несся на насъ ураганъ снарядовъ.

Что случилось?

Мы всѣ это знали.

Пошелъ въ аттаку третій корпусъ.

Въ то самое время, когда нашъ 1-й Сибирскій корпусъ ожесточенно нападалъ съ фронта на упорныхъ защитниковъ дэфиле, закрывавшаго отъ арміи Штакельберга долины, по которымъ генералъ разсчитывалъ проникнуть и ударить въ тылъ главнымъ силамъ японцевъ; въ это самое время 3-й Сибирскій корпусъ устремился впередъ параллельно намъ и тоже бросился къ проходу, къ ко-

*) Всѣ указанія времени по новому стилю.

торому онъ проникъ съ фланга, считая его съ этой стороны болѣе уязвимымъ.

Сколько могло это длиться времени? Едва-ли даже полчаса. Моментъ былъ критическій. Это былъ циклонъ залповъ. Буря поднялась въ воздухѣ, словно въ пространство вдругъ ворвались магнетическіе токи. Насталъ какой-то ужасаюшій пароксизмъ, водоворотъ грома. Угнетенные и подавленные мы слышали въ этотъ моментъ, какъ японскіе пулеметы автоматически, какъ швейныя машины, отчеканивали пачки снарядовъ.

Происходилъ приступъ.

Но очень скоро шумъ началъ ослабѣвать. Стрѣльба порѣдѣла, и мы догадались, что человѣческій прибой, пробушевавшій тамъ до самой плотины, которая остановила и всѣхъ насъ, разбился о нее. Мы поняли, что теперь эта укрощенная, подхваченная внезапнымъ отливомъ волна, откатилась далеко назадъ.

Аттака 3-го корпуса была отбита.

И только.

Изъ того, что происходило тамъ, за хребтомъ, мы ничего не видѣли, но мы обо всемъ догадались, все поняли, почувствовали.

И тѣ, кто не участвуя въ этой битвѣ, лишь зрителями сопровождали 1-й Сибирскій корпусъ,

они теперь, замерли на мѣстѣ и искаженные, дрожащіе, до боли стиснувъ руки, слушали отголосокъ этой прогремѣвшей драмы. И понявъ, что снова миражъ побѣды окончательно разсѣялся и на этотъ разъ, они печально смотрѣли на позиціи, откуда 33-й и 34-й Сибирскіе полки еще продолжали свою упорную стрѣльбу.

II

Кошмарная война

Я находился со штабомъ одного изъ самыхъ молодыхъ, самыхъ разсудительныхъ и любимыхъ во всей русской арміи генераловъ. И генералъ и его офицера размѣстились среди камней и кустарниковъ на гребнѣ холма, откуда имъ можно было опредѣлить общій планъ японскихъ позицій. Недалеко отъ нихъ находилась непріятельская баттарея. Наблюдатель, управлявшій этой баттареей, повидимому, устроился въ замѣчательно удачно выбранномъ пунктѣ, такъ какъ его орудія производили огромныя опустошенія въ русскихъ рядахъ, хотя стрѣляли не торопясь, съ большими промежутками.

Два японскихъ снаряда, только два, просвистѣли надъ холмомъ, гдѣ помѣщался русскій генералъ и затѣмъ, обогнувъ эту возвышенность, съ дьявольской точностью полетѣли взрываться

въ долинѣ, по которой сомкнутыми рядами двигались русскія подкрѣпленія. Тридцать человѣкъ пало сразу. Сраженіе развернулось.

Понимаете-ли вы теперь характеръ современной войны? Вотъ генералъ; онъ старательно выбралъ для себя удобную позицію, чтобы мочь руководить своими войсками. Сраженіе идетъ въ двухъ-трехъ тысячахъ метрахъ передъ нимъ. А снаряды падаютъ за тысячу метровъ позади его. Самъ онъ въ крайне рискованномъ положеніи. Его могутъ открыть японскіе охотники, его могутъ осыпать шрапнелью и уложить на мѣстѣ, какъ это случилось съ генераломъ Келлеромъ.

Хорошо. Видитъ-же что нибудь этотъ генералъ? Часто онъ ничего не можетъ разсмотрѣть, или почти ничего, и, если онъ все-таки знаетъ всѣ перипетіи сраженія, то только потому, что получаетъ все время свѣдѣнія, доставляемыя ему со всѣхъ сторонъ. Правда, напряженными наблюденіями и соображеніями онъ можетъ опредѣлить мѣстоположеніе непріятельской артиллеріи и намѣтить подходящую вершину, куда можно бы бросить свою пѣхоту. У него могутъ быть предчувствія, вдохновенія; онъ соображаетъ передвиженія своей бригады, дивизіи или корпуса съ общимъ положеніемъ арміи; но рѣдко вообще об-

стоятельства слагаются такъ, чтобы онъ могъ своими глазами видѣть съ точностью всѣ детали происшествій, гдѣ онъ однако играетъ такую важную роль.

Въ современной войнѣ все таинственно, разсѣяно, далеко, невидимо, отвлеченно. Это борьба жестовъ, воздушной сигнализаціи, электрическихъ или геліографическихъ сношеній; это—соперничество отважныхъ охотниковъ и опытныхъ наблюдателей, развѣдчиковъ и шпіоновъ; это борьба ума, хитрости, сообразительности и проникновенія. Приблизьтесь къ сражающимся. И, за исключеніемъ рѣдкихъ минутъ, да,—самыхъ краткихъ и рѣдкихъ моментовъ штурмовъ, вы ничего не увидите предъ собой, кромѣ траншеи, изъ которой виднѣются только головы и ружья. Если это баттарея, то укрытая за какою-нибудь складкою почвы, она, кажется, безъ цѣли и смысла палитъ въ пространство. Отойдите отъ сражающихся, и въ панорамѣ, растилающейся передъ вашими глазами, тотчасъ всѣ подробности скрадываются, сливаются. Позиціи пѣхоты исчезаютъ такъ, какъ будто надъ ними закрывается земля. Баттареи, даже и тѣ уходятъ изъ вида, маскируясь складками почвы. Тысячи и тысячи людей сражаются и умираютъ на пространствѣ, которое вы охва-

2

тываете своимъ взглядомъ; вы это знаете; вы слышите трескъ ихъ стрѣльбы, но ихъ самихъ, притаившихся, запрятанныхъ въ траншеяхъ,—вы ихъ не видите, или же совсѣмъ мало! Вы только видите клубы шрапнельнаго дыма, весело взлетающіе на воздухъ, какъ мыльные пузыри. Вы постоянно обмануты фантасмагоріей, которая здѣсь, кажется, не признаетъ никакихъ законовъ оптики и перспективы. Иной разъ вы здѣсь каждое мгновенье рискуете жизнью: идете подъ градомъ пуль, но вы не въ состояніи ничего замѣтить, развѣ лишь какую-нибудь лишенную въ общемъ ходѣ операцій всякаго значенія мелочь.

Это—война. Она такова; война невидимая, безъ красокъ, безъ художественности, безъ поэзіи; вся раздробленная, расчлененная, безформенная, скрытая, раскиданная, лишенная единства; война крадущаяся; мрачное дѣло, злосчастная работа, удѣлъ осужденныхъ.

Я подошелъ къ генералу и, уже обдумывая эту статью, спросилъ его, какъ называется этотъ перевалъ, предъ которымъ уже много дней стоятъ 1-й и 3-й Сибирскіе корпуса. Онъ на меня посмотрѣлъ нерѣшительно и смущенно, подумалъ одно мгновенье и сказалъ:

— Признаться, я самъ этого не знаю.

Онъ не знаетъ! Даже онъ. Положительно они ничего не знаютъ. Всѣ! До какихъ же это поръ продлится? Сколько же времени они будутъ воевать, ничего не зная? И я задумался о томъ, что можетъ впереди ждать нашу армію—армію Штакельберга—за этими почти неизвѣстными горами, простирающимися къ юго-востоку отъ Ляояна. И мнѣ припомнились вѣчныя колебанія генераловъ, ихъ долгіе и тревожные разспросы китайскихъ проводниковъ, ихъ совѣщанія съ переводчиками, которыхъ они упрашивали справляться у крестьянъ на всѣхъ перекресткахъ, какой дорогой надобно идти. Я вспоминаю всю ихъ досаду, весь страхъ, когда имъ приходилось убѣждаться, насколько неполна, приблизительна, лжива та единственная карта, которая была въ ихъ распоряженіи.

И 7-го октября; почему армія была вдругъ остановлена? Почему она бездѣйствовала, тогда какъ обстоятельства требовали поспѣшности, когда слѣдовало дѣйствовать какъ можно скорѣе, бурно дѣйствовать, отъ чего зависѣлъ исходъ всего сраженія? А! Почему? Потому что генералъ Штакельбергъ, сознавая на себѣ всю тягость отвѣтственности, лишенный всякихъ свѣдѣній относительно мѣстности, гдѣ ему приходилось распоряжаться 50,000 солдатъ, и найдя, что долины, гдѣ

ему нужно было дѣйствовать, имѣютъ характеръ чрезвычайно запутанный и угрожающій,—генералъ Штакельбергъ думалъ, что необходимо телеграфировать Куропаткину, чтобы посвятить и его въ свои опасенія; и эта телеграмма оканчивалась такими словами: „На картѣ главнаго штаба вмѣсто горъ, вздымающихся предо мною, я нахожу бѣлое мѣсто“.

Припоминается мнѣ и первоначальный самообманъ генераловъ, та увѣренность, которая, кажется, была общей въ арміи Штакельберга, что японцы начнутъ медленно отступать предъ русскимъ авангардомъ и отступятъ до самыхъ береговъ Тахо. И вспоминаю я ихъ изумленіе, ихъ безпокойство, когда этотъ авангардъ сразу же былъ задержанъ у перевала, о существованіи котораго русскій главный штабъ ничего не зналъ, и расположеніе и подходы къ которому ему были совершенно неизвѣстны. Какое-то дефиле, которое неожиданно оказалось неприступнымъ. Это былъ Ту-Мынь-Линскій перевалъ.

III

Въ невѣдомыхъ горахъ

Нѣсколько часовъ спустя послѣ моего разговора съ генераломъ, одинъ капитанъ главнаго штаба былъ посланъ имъ съ спеціальнымъ порученіемъ въ горы. Я получилъ разрѣшеніе отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Мы долго шагали, пробираясь вдоль извилинъ самаго гребня горъ; за нимъ мы прятались, что бы не попасться на глаза японскимъ охотникамъ, которые, разумѣется, засѣли на всѣхъ возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ нашими.

Нѣсколько разъ японская шрапнель, подобно болиду, описывала высоко-высоко надъ нашими головами дугу и взрывалась далеко позади насъ, надъ долиной, занятой русскими резервами.

Мы шли въ ногу, большими шагами; глыбы красной гальки на каждомъ шагу осыпались изъ-

подъ насъ, и скатывались по уклону, поросшему терновникомъ. Ружейная пальба трещала безъ отдыху. Внизу подъ нами мы различали стрѣлковъ 33 и 34 полковъ Сибирской пѣхоты. Мой спутникъ показывалъ на эти отвѣсныя стѣны, на нагроможденія каменныхъ глыбъ и на крутые осыпающіеся галькой склоны, которые со всѣхъ сторонъ запирали эту печальную долину; зловѣщій навѣвающій тоску пейзажъ; самая подходящая обстановка для работы смерти, которая здѣсь развернулась во всю. Онъ печально улыбнулся и, прежде чѣмъ я позволилъ себѣ задать вопросъ, самъ, будто ощущая потребность дать выходъ своимъ, давно накопившимся, печальнымъ размышленіямъ, сказалъ мнѣ:

— Война, которую мы ведемъ, это война ради изслѣдованій. Это уже кое чего стоитъ. Правда? Совершенно неизвѣстное намъ стало уже не такъ неизвѣстно. Да, теперь мы положительно знаемъ, что вотъ здѣсь находится крайне тѣсное дэфиле, защищенное почти отвѣсными высотами, штурмъ которыхъ невозможенъ. Нынѣ мы это знаемъ, а четыре дня тому назадъ еще не знали. Мы начали наше большое обходное движеніе, совершенно не думая, что намъ, для его успѣшнаго выполненія, придется брать позицію, сильнѣе которой,

можетъ-быть, нѣтъ во всей Маньчжуріи; такую, у которой, кажется, сама природа позаботилась устроить самыя неопреодолимыя укрѣпленія. Собственнымъ опытомъ мы пріобрѣли эти свѣдѣнія. Но дорого стоилъ этотъ опытъ. За то теперь на нашей бѣдной картѣ мы можемъ набросать контуры Ту-Мынь-Линскаго дэфиле. Ахъ, какъ-же не слишкомъ нападаютъ на тѣхъ, кто руководитъ текущими операціями! Они исполняютъ, какъ могутъ, свой долгъ. Они борятся съ невозможными трудностями. Вы здѣсь сами можете судить о всей сложности этой кампаніи. Вы находитесь въ арміи, которая идетъ впередъ безъ картъ, безъ провожатыхъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться; среди горъ, которыхъ не знаетъ ни одинъ географъ; идетъ отъ открытія къ открытію. Огромное зло, огромная и единственная ошибка, породившая собою и всѣ остальныя, та, что наша армія должна была начать эту войну, не имѣя ничего, кромѣ примитивнаго плана, гдѣ, кажется, собраны однѣ ошибки. Если уже казалась неизбѣжной эта война, то нужно было готовиться къ ней; въ крайнемъ случаѣ необходимо было оттянуть ее до тѣхъ поръ, пока наши офицера могли окончить достовѣрную карту мѣстности предполагаемыхъ операцій. И, пока у насъ еще

не было такой карты, до тѣхъ поръ во что-бы то ни стало необходимо было избѣгать столкновенія. Легко сказать: наступать! Но какъ-же при условіяхъ современной войны производить большія передвиженія среди горъ, расположеніе которыхъ совершенно не знаешь? Взгляните, легко-ли взять дэфиле, въ родѣ этого?

Предъ нами тѣснились крутыя хаотическія горы; онѣ словно хотѣли совершенно задавить узкое ущелье, чрезъ которое армія Штакельберга напрасно стремилась проникнуть. Ихъ зазубренные гребни напоминали крѣпостные зубцы, а разсѣлины были какъ амбразуры; ихъ толща походила на валы, которыхъ не разрушитъ никакая артиллерія. А за ними высятся, тѣснятся, толпятся другія; онѣ будто ревниво всѣ берегутъ эти тѣснины и проходы, зажатые между ними. Онѣ казались живыми, эти вооруженныя артиллеріей горы, какъ несокрушимые соучастники желтолицыхъ солдатъ; словно это были великаны, поставленные защищать отъ Славянъ тайну своихъ долинъ и дѣвственность проходовъ.

Да, несомнѣнно, ихъ бдительность можно было преодолѣть, можно было на ихъ флангахъ найти уязвимые пункты, подходящіе проходы, удобные перевалы. Но для этого ихъ нужно было

знать, а Русскіе не знали. Они ничего не могли знать.

Корабль пустился въ путь и поплылъ безъ компаса и безъ кормчаго по неизвѣстному морю. И какому морю! Вѣтеръ, какъ ураганъ,— напротивъ и подъ волнами—подводные камни. И врагъ скрывается въ каждой бухтѣ, за каждымъ мысомъ. На приключенія пошелъ корабль...

IV

Карта, которую нужно было приготовить

Если-бы, послѣ моего десятимѣсячнаго пребыванія въ Маньчжуріи, меня спросили, чѣмъ объясняю я главнымъ образомъ тотъ успѣхъ, который Японцы одержали надъ Русскими,—то я бы отвѣтилъ:

— Японцы знали, а Русскіе не знали.

Объ этой странѣ, которую Японцы многіе годы изучали съ величайшимъ стараніемъ, и въ которой они въ совершенствѣ узнали горныя цѣпи, направленіе рѣкъ, времена года, степень культурности, средства; въ которой они старательно изслѣдовали всѣ ея физическія особенности и всѣ естественныя отличія съ такою-же подробностью, какъ ихъ родные острова; объ этой странѣ большая часть русскихъ, явившихся сюда воевать, абсолютно ничего не знала; и тѣ изъ

русскихъ офицеровъ, которые служили здѣсь до войны, они никогда не полюбопытствовали заглянуть за предѣлы узкой полосы къ востоку и западу отъ желѣзной дороги. И само собой разумѣется, что никогда это полное невѣдѣніе, это отсутствіе готовности къ войнѣ не обнаружилось съ большей очевидностью, чѣмъ во время обходнаго марша, предпринятаго арміей Штакельберга, когда на опытѣ обнаружилось, что десять мѣсяцевъ спустя, послѣ начала непріязненныхъ дѣйствій, русскій главный штабъ не обладалъ никакими вѣрными данными о мѣстности въ 50 километрахъ къ востоку отъ желѣзнодорожной линіи, соединяющей столицу Маньчжуріи Мукденъ съ русскимъ оплотомъ Ляояномъ.

Карту Маньчжуріи Русскіе могли-бы и должны-бы начать еще съ 1895 г. Они не могутъ сказать, что бы хоть разъ, начиная съ этого года, подобный трудъ могъ возбудить серьезныя затрудненія или быть задержанъ какими-нибудь матеріальными препятствіями. Нѣтъ, они не предпринимали топографической съемки края просто потому, что не думали объ этомъ; можетъ быть, даже и потому, что охота къ этому у трудолюбивыхъ офицеровъ парализовалась нѣкоторыми недостатками, присущими русскому режиму. Всякая другая на-

ція, занявъ Маньчжурію, на мѣстѣ Русскихъ начала-бы исправлять карту начиная съ 1895 или 1896 года, а Русскіе довольствовались своимъ „Ничего!“.

Во всякомъ случаѣ даже въ періодъ натянутыхъ отношеній, то-есть въ теченіе цѣлаго 1903 года, Русскіе должны были поспѣшить пополнить столь ощутительный пробѣлъ. Но они не считались серьезно съ требованіями Японцевъ и, въ своемъ ослѣпленіи собственнымъ могуществомъ, не придавали никакого значенія силамъ противника. Изъ самаго достовѣрнаго источника я знаю, что одинъ изъ генераловъ дѣйствующей арміи, съ весьма вліятельнымъ въ ней положеніемъ, въ началѣ войны слѣдующимъ образомъ высказался предъ однимъ полковникомъ, который подѣлился съ нимъ своими опасеніями:

— Не безпокойтесь, пожалуйста. Будьте увѣрены, что Японцы должны и сражаться и быть побиты, какъ Китайцы.

Очевидно, такое настроеніе умовъ было крайне неблагопріятно для разумной подготовки войны.

Но эту карту, которой не приготовили съ 1895 года, которой не сдѣлали и въ 1903 году,— не слѣдовало-ли, по крайней мѣрѣ, ее приготовить во время войны?

Съ 8 февраля и до первыхъ дней сентября война происходила къ югу отъ Ляояна. Поэтому Русскіе все время оставались хозяевами той области, о которой я говорю, и которую они имѣли полную возможность изучать. Увы! Меня увѣряли, что они ни одной минуты не думали, что сюда имъ придется двинуть войска и потому не позаботились поторопить своихъ картографовъ или хоть своихъ офицеровъ главнаго штаба. Ну, а на войнѣ именно надо предвидѣть, надо думать. Да, я убѣжденъ, что для того, чтобы не запутаться въ сложномъ механизмѣ современной войны, главнокомандующему необходимо обладать прежде всего дальновидностью.

Если-бы у меня въ рукахъ не было данныхъ, опирающихся на показанія многихъ очевидцевъ, я не позволилъ-бы себѣ написать, что карта всей области, простирающейся къ юго-востоку отъ Мукдена, то-есть къ югу отъ линіи Фулинъ—Фушунъ и Импань, была начата только въ сентябрѣ, ровно за нѣсколько дней до того, какъ армія Штакельберга предприняла свой обходный маршъ.

Впрочемъ, съ самаго начала войны самыя тяжкія ошибки Русскихъ могли быть приписаны невѣдѣнію русскихъ генераловъ физическаго

устройства края, въ которомъ имъ приходилось оперировать.

Съ самаго перехода Японцами Ялу, съ битвы при Тюренченѣ уже ясно обнаружилось, что Японцы надъ Русскими, въ отношеніи знанія мѣстности и приспособленности къ горной войнѣ, обладаютъ такимъ превосходствомъ, которое на словахъ можно выразить развѣ сравненіемъ: громада и ничтожество.

Множество разъ, можно сказать, сотни разъ съ начала войны несовершенство путеводныхъ картъ причиняло Русскимъ непріятности, ошибки, если не цѣлыя катастрофы. Множество разъ, положившись на недобросовѣстныя указанія картъ, маленькіе отряды, сбившись съ дороги, опаздывали туда, куда ихъ посылали, или даже натыкались на главныя силы противника. Множество разъ, справившись по невѣрнымъ картамъ, русскіе генералы и полковники ошибались въ опредѣленіи вершинъ различныхъ горъ и признавали недоступными такія, откуда внезапно появлялась японская пѣхота, а еще чаще даже горная артиллерія.

V

Когда нужно будетъ отвоевывать перевалы

Но, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ тяжкимъ послѣдствіемъ слишкомъ поверхностнаго знанія страны, обнаруженнаго главнокомандующимъ и его начальниками отрядовъ, является слишкомъ легкій захватъ Японцами всѣхъ проходовъ, открывающихся къ юго-востоку отъ Ляояна и безусловно командующихъ надъ всѣми подступами къ этой стратегически сильной мѣстности. Мы собственными глазами видѣли русскія аттаки, и какія аттаки!—когда всѣ Сибирскіе полки разбились о дэфиле Ту-Мынь-Линъ, а между тѣмъ мы постоянно слышали, что Японцы оставили тамъ только ничтожныя силы; они знали, что тамъ они выйдутъ побѣдителями, пуская въ ходъ даже не всю, а только часть своей артиллеріи.

И за тѣ часы, что я провелъ подъ Ту-Мынь-Линомъ, я часто припоминалъ обращенныя ко мнѣ въ концѣ іюля пророческія слова одного изъ иностранныхъ принцевъ, служащихъ въ русской арміи.

„Мы очищаемъ теперь, не завязывая сраженія дальше арріергарда, такіе проходы, которые, на мой взглядъ, образуютъ настоящую систему защиты всей Маньчжуріи. Эти проходы, если-бы были разумно использованы нами, то могли-бы задержать Японцевъ на цѣлые мѣсяцы и укрыть себя ихъ трупами. А въ тотъ день, когда русская армія перейдетъ въ наступленіе, и когда мы натолкнемся только на одно изъ этихъ дэфиле, то, можетъ-быть, намъ безуспѣшно придется пожертвовать здѣсь цѣлыми полками. Эта линія проходовъ, оставляемыхъ нами теперь такъ благодушно, она намъ обойдется, когда мы захотимъ ее отвоевать назадъ, въ полтораста тысячъ человѣкъ“.

Да, вѣрно. Но вѣдь, чтобы защищать эти проходы, нужно было заботливо изучить всѣ горы, которыя ихъ окружаютъ. Надо было изслѣдовать, какіе склоны доступны, какіе—нѣтъ, какіе гребни могли быть вооружены артиллеріей и какіе—нѣтъ: какія вершины дѣйствительно господствуютъ надъ другими и командуютъ всѣмъ горнымъ мас-

сивомъ? Японцы это знали, а Русскіе—нѣтъ. И потомъ согласимся-же, чего могла достичь здѣсь русская армія, лишенная горной артиллеріи, дѣйствуя противъ японской арміи, снабженной цѣлыми сотнями этихъ маленькихъ пушекъ, такихъ легкихъ, сподручныхъ, легко поднимаемыхъ на возвышенности, кажущіяся недосягаемыми только людямъ, недавно пришедшимъ со своихъ равнинъ. Безъ горной артиллеріи! Русскіе не знали, что для войны въ Маньчжуріи имъ было необходимо имѣть горныя пушки? Они не знали, что ихъ предполагаемый противникъ выставитъ противъ нихъ цѣлую линію баттарей горной артиллеріи? Воевать въ горахъ, да еще вести наступательную войну—немыслимая вещь для войска, лишеннаго картъ. Русскіе, оказывается, этого не знали?

И вотъ, Русскіе не только не были снабжены хорошими картами, но—это уже вещь безпримѣрная, они даже на девятый мѣсяцъ со дня перваго нападенія на Портъ-Артуръ, въ октябрѣ, не получили еще этихъ картъ въ достаточномъ количествѣ. Мнѣ припоминаются нѣкоторые офицера главнаго штаба, обиженные въ душѣ патріоты, но въ то время еще крѣпившіеся; много разъ приходилось ихъ видѣть въ ожиданіи, когда кто-нибудь изъ товарищей соблаговолитъ одолжить имъ одинъ

изъ этихъ документовъ. Я бы могъ сказать больше, но я преднамѣренно умалчиваю...

Приходится постоянно возвращаться къ начальной истинѣ, которая доминируетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ надъ всѣми другими. Всѣ огорченія, несвязность и смятенія перваго года кампаніи являются результатомъ неожиданности нападенія 8-го февраля *).

Она, эта война, война ненормальная, это—несчастный случай, скажемъ прямо — катастрофа. Русскіе начали ее, ничего заранѣе не предвидя, безъ всей обычной предварительной работы стратегіи и тактики.

Относительно страны Русскіе ровно ничего не знали, даже ея самыхъ характерныхъ особенностей. Припоминается мнѣ, какъ въ маѣ мѣсяцѣ, когда гаолянъ еще не поднялся выше колѣнъ пѣшаго человѣка, одинъ изъ старшихъ офицеровъ разспрашивалъ, что это за растеніе и на что оно годно. Онъ и не подозрѣвалъ, что два мѣсяца спустя страна на громадномъ пространствѣ покроется настоящей дженглей, которая совершенно измѣнитъ условія военныхъ дѣйствій, сдѣлаетъ

*) 27 января.

почти невозможной развѣдочную службу и чрезвычайно облегчить нападеніе. Японцы, тѣ, несомнѣнно, были предупреждены относительно того, что такое гаолянъ...

V

Сенегамбія и Гренландія

Лѣтомъ, нездоровымъ и смертоноснымъ, глядя на жалкій маскарадъ офицеровъ и солдатъ, я часто задавался мыслью, „если-бы только всѣ эти молодцы, отправляясь въ Маньчжурію, имѣли хоть маленькое представленіе о томъ, что за климатъ въ этой странѣ, куда они пришли воевать?“ Но и по этой части я долженъ былъ придти къ заключенію, что они тоже не знали. Трудно придумать что-нибудь болѣе нескладное, несвязное, вообще болѣе невоенное, чѣмъ тѣ лѣтнія одежды, какія завело себѣ изъ китайскихъ матерій большинство офицеровъ. Они явились въ Маньчжурію со своими зимними мундирами, и я не думаю, чтобы начальство предупредило ихъ насчетъ здѣшняго климата. Приходилось видѣть, какъ торговцы и разносчики, прибывъ на станціи Мукдена и Ляояна, втридорога продавали куртки изъ хаки; офицера брали ихъ нарасхватъ, буквально ссорились изъ-за нихъ. Повидимому, ранѣе никому въ голову не приходило, что въ іюльскія и августовскія жары офицерамъ потребуются эти легкіе кос-

тюмы. Очевидно—нѣтъ. Точно такъ-же, какъ не подумали обуть посылаемыхъ на войну въ горы солдатъ въ подбитые гвоздями сапоги, чтобы облегчить имъ подъемъ на высоты. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось видѣть убитыхъ или раненыхъ Японцевъ, мнѣ бросалось въ глаза, что они всѣ носили полусапожки, подбитые крѣпкими гвоздями, какъ дѣлается настоящая альпійская обувь. А я всякій разъ, когда, обувшись въ свои, русской работы, сапоги съ ихъ тонкими и гладкими подошвами, предпринималъ даже самую ничтожную экскурсію въ горы, то все время оскальзался и портилъ себѣ ноги. Но мнѣ это не было въ диковину, такъ какъ горы я видѣлъ во Франціи и зналъ, что въ горы нельзя отправляться въ обуви съ неустойчивыми и лишенными шиповъ подошвами. Японцы это тоже знали.

Сколько разъ охватывало меня глубокое чувство жалости, когда я видѣлъ, съ какимъ терпѣніемъ несчастные русскіе солдаты въ періодъ лѣтнихъ дождей мокли подъ ливнями, которые сразу пробивали ихъ бѣдныя отрепья. Да разумѣется, въ Россіи знали, что въ Маньчжуріи бываетъ періодъ дождей, и принимали противъ этого мѣры: въ армію были отправлены непромокаемыя одежды, но, къ несчастью, слишкомъ поздно и

въ слишкомъ незначительномъ количествѣ. Въ результатѣ большая часть солдатъ была вымыта и перемыта всѣми лѣтними и осенними дождями. Истомленный длиннымъ переходомъ и удушающей жарой, весь потный, съ желудкомъ, набитымъ сырыми огурцами, безпрепятственно собираемыми на поляхъ, такой солдатъ неизбѣжно долженъ былъ стать жертвою дизентерiи. Вотъ почему и оказалось ихъ около тридцати тысячъ больными въ госпиталяхъ Ляояна, Мукдена и Харбина. Къ счастью, смертность среди нихъ развивалась сравнительно слабо, но за то множество ихъ надолго остались анемичными и обезсиленными. Кончилось, конечно, тѣмъ, что солдатамъ запретили пользоваться огурцами, но это было сдѣлано слишкомъ поздно. Однако, должны-же бы съ самаго начала войны знать, что европейскiе солдаты, даже принадлежащiе къ самой выносливой расѣ, не смогутъ безъ тяжкихъ послѣдствiй перенести маньчжурское лѣто, если не будутъ приняты хоть какiянибудь предосторожности.

Сколько разъ мнѣ приходилось подумать: что если-бы войска французскiя или англiйскiя были отправлены на колонiальную войну при подобныхъ столь неудовлетворительныхъ условiяхъ,—какаябы въ Парижѣ или Лондонѣ вспыхнула бурная

полемика; министры слетѣли-бы съ своихъ мѣстъ, а генералы попали-бы подъ судъ...

Мнѣ очень пріятно засвидѣтельствовать, что русскую армію не допустили быть внезапно захваченной холодами, какъ она была застигнута лѣтнимъ зноемъ. Этотъ удивительный край, въ которомъ мы безъ единой радости пробыли съ февраля мѣсяца, лѣтомъ подверженъ жарамъ, какія впору южному Алжиру и Марокко, а зимой его климатъ точь-въ-точь, какъ въ Гренландіи. Тяжко проученная тропическимъ лѣтнимъ зноемъ русская армія начала свои зимнія приготовленія съ сентября мѣсяца. Единовременно съ тѣмъ, какъ прибывали тысячи мѣховыхъ тулуповъ, были пущены въ дѣло и китайскіе матеріалы; у Китайцевъ запасались платьемъ, правду сказать, противнымъ, но—теплымъ, и къ первому ноября всѣ войска уже получили добавочное платье, безусловно необходимое тѣмъ, кто долженъ былъ здѣсь жить на открытомъ воздухѣ.

Русскіе знаютъ холода. Они привыкли съ ними бороться. И въ ихъ зимнихъ приготовленіяхъ не случилось никакихъ замѣшательствъ.

Въ этомъ отношеніи Русскіе оказались немного знающими.

VII

Въ Китаѣ говорятъ по-китайски

Но за то сколькаго не знали они въ другихъ отношеніяхъ. О народѣ, среди котораго имъ приходилось жить, они ничего не знали: ни его нравовъ, ни характера, ни учрежденій, ни языка. И на каждомъ шагу они грубо ошибались въ своихъ сужденіяхъ, о чемъ я уже и говорилъ. Они навлекли на себя ненависть населенія, подвергая его иногда за мнимые проступки наказаніямъ, нерѣдко равносильнымъ несправедливымъ жестокостямъ. Въ то-же время Японцы чувствовали себя совершенно свободно въ этой странѣ, разговорный языкъ которой многіе изъ нихъ знали и большинство которыхъ умѣли читать и понимать надписи; а Русскіе должны были пользоваться указаніями переводчиковъ, не всегда одинаково надежныхъ и стоющихъ довѣрія. Трудно сказать, сколько ущерба причинило Русскимъ незнаніе языка страны! Пе-

реводчики, какъ бы плохи они не попадались, конечно, все-таки были полезнѣе, чѣмъ если-бы ихъ не было; но развѣ можно дать переводчика каждой сотнѣ, каждой ротѣ, каждому курьеру? Сколько разъ, когда я слѣдовалъ за арміей, у меня справлялись офицера и отсталые солдаты. Сбитые съ толку, запутавшіеся въ дорогахъ, по которымъ имъ надо было нагонять свой корпусъ, обманувшись по картѣ, они закидывали прохожихъ именами деревень, рѣкъ или нумерами дивизій. Иногда, благодаря моему толмачу, мнѣ удавалось имъ помогать. Но чаще я самъ зналъ меньше ихъ (потому что иностранные журналисты никогда не могли завладѣть ни однимъ экземпляромъ карты главнаго штаба) и долженъ былъ отвѣчать имъ традиціоннымъ:

— Я не могу знать.

Когда я покинулъ корпусъ Штакельберга, чтобы какъ можно скорѣе вернуться къ центру арміи, то больше двадцати разъ натыкался на заблудившихся военныхъ, явно отчаявшихся найти тотъ пунктъ, куда они получили приказаніе явиться. Постоянно я встрѣчалъ цѣлыя группы солдатъ, блуждавшихъ по полямъ въ совершенномъ невѣдѣніи дороги, по которой имъ слѣдовало настигать свой полкъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

поистинѣ геройскія усилія, чтобы оріентироваться и задавали туземцамъ на безтолковомъ русско-китайскомъ жаргонѣ всевозможные вопросы, на которые тѣ качали головами, произнося свое вѣчное: „пу-тунди". Были и такіе, которые скрывались въ гаолянѣ и такимъ полудезертирствомъ спасались отъ опасностей битвъ.

Летучій отрядъ изъ отборныхъ, владѣющихъ китайскимъ языкомъ солдатъ, оперирующій въ тылу арміи, могъ-бы оказать ей огромные услуги, но такого отряда толмачей не было; а всѣ его жаждали.

VIII

Служить русскимъ, да, но...

Это огромное несчастіе, что во всемъ, что касается разстояній, мѣстонахожденій, направленій рѣкъ, строенія почвы или передвиженія Японцевъ, — русскій главный штабъ часто долженъ былъ сообразоваться съ указаніями китайскихъ проводниковъ, переводчиковъ, туземныхъ шпіоновъ, которыхъ онъ иногда нанималъ. И штабъ этими индивидуумами вводился въ заблужденіе; иногда они сами ошибались и говорили о томъ, чего не знали, но иногда они мистифицировали штабъ, предлагая ему свои услуги, а въ дѣйствительности состоя на службѣ у Японцевъ. На туземныхъ наемниковъ нельзя было положиться въ самой ничтожной степени, потому что они всецѣло находятся подъ гнетомъ китайскихъ властей, а сообщничество

этихъ послѣднихъ съ Японцами всѣмъ извѣстно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мукденскій цзянь-цзюнь (губернаторъ) поддерживаетъ съ Японцами ежедневныя сношенія. Еще меньше сомнѣнія можетъ быть въ томъ, что всѣ Китайцы, считающіеся на русской службѣ, подверглись бы ужаснѣйшимъ преслѣдованіямъ, если-бы начали слишкомъ ревностно исполнять свои обязаности. Служить Русскимъ, да, но... измѣняя имъ; этотъ тайный властный приказъ, подсказанный Японцами вышелъ изъ Пекина и поддерживается мандаринами въ Мукденѣ. Вотъ почему столько разъ Русскіе были обмануты и преданы своими лучшими агентами. Измѣняя, эти послѣдніе спасаютъ свою голову и сверхъ того получаютъ добавочный заработокъ.

Въ Ляоянѣ, послѣ ухода Русскихъ, ужасные примѣры безжалостныхъ наказаній уже показали туземцамъ всю рискованность пренебреженія коварными совѣтами мандариновъ-приверженцевъ японо-китайскаго соглашенія.

Такимъ образомъ у Русскихъ было только одно средство собирать необходимыя свѣдѣнія, но и то плохое. И съ тѣхъ поръ они идутъ впотьмахъ. И, избѣжавъ одной ловушки, попадаютъ въ другую. Но что-же дѣлать?

Когда вы услышите, что Русскіе подверглись новому пораженію, что они попались въ новую западню, вы, несомнѣнно, тогда не такъ будете этимъ поражены и скажете, что, можетъ-быть, это несчастіе съ ними приключилось только потому, что они не знали.

IIX

Сила тайны

Да, великая слабость Русскихъ заключается въ томъ, что они никогда не могли ничего узнать касающагося Японцевъ. Огромная-же сила Японцевъ это—возможность всегда быть также хорошо освѣдомленными относительно Русскихъ, какъ сами Русскіе. Японцы съумѣли систематически удержать за собой эти два преимущества и этого одного достаточно для объясненія ихъ успѣха. Съ одной стороны, они съумѣли почти постоянно держать Русскихъ въ абсолютномъ невѣдѣніи своихъ операцій и мѣшать имъ предугадывать свои планы. Они съумѣли маскировать свою численность, свои передвиженія и свои средства. А съ другой стороны, они, благодаря своей стачкѣ съ Китайцами, съумѣли обезпечить себѣ доставку точныхъ свѣдѣній.

Надо съ этимъ согласиться, что, если Японцы

иногда доводили свою осторожность до крайности; если они обидно, чаще безполезно, задерживали военныхъ атташе и иностранныхъ журналистовъ, то, по меньшей мѣрѣ, именно этой осторожности, доведеннной до мельчайшихъ деталей, они обязаны достиженіемъ намѣченной цѣли. Имъ удалось провести свои операціи въ самомъ строгомъ секретѣ. Они достигли возможности помѣшать своему противнику получить относительно ихъ малѣйшее, заслуживающее довѣрія, свѣдѣніе.

И я, которому приходилось указывать, насколько велико было въ теченіе всей первой кампаніи замѣшательство Русскихъ и до какой степени они были неосвѣдомлены и парализованы вѣчнымъ отсутствіемъ свѣдѣній объ ихъ противникѣ, — я долженъ признать, что Японцы, безпрерывно прилагая усилія еще болѣе сгустить этотъ покровъ тайны надъ своими передвиженіями, тѣмъ самымъ чрезвычайно увеличили силу и дѣйствительность своей арміи.

Японцы съ перваго-же раза обнаружили огромное пониманіе потребностей современной войны; ихъ генералы съ самаго начала операцій систематически принимали самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы помѣшать Русскимъ предугадать, когда и съ какими силами ихъ будутъ аттаковать.

И имъ, въ большинствѣ случаевъ, удавалось совершенно отвлекать вниманіе русскихъ генераловъ отъ тѣхъ пунктовъ, которые заслуживали наибольшаго интереса и освѣщенія.

Скажемъ прямо. Секретъ военныхъ дѣйствій имѣетъ столь рѣшительное значеніе, а этотъ секретъ, въ европейской войнѣ, можно будетъ такъ легко разоблачать (благодаря близости сосѣднихъ нейтральныхъ государствъ и быстротѣ средствъ сообщенія), что, если когда-нибудь Франція вынуждена будетъ на большое столкновеніе, то я изо всѣхъ моихъ силъ буду желать (пусть въ видѣ исключенія будетъ выслушанъ голосъ скромнаго журналиста), чтобы французскій главный штабъ примѣнилъ со всей строгостью самыя радикальныя мѣры противъ обнаруженія передвиженій и расположенія нашихъ различныхъ войскъ.

Въ войнѣ отчаянной, въ которую можетъ быть вовлечена наша страна, въ такой войнѣ, гдѣ мы будемъ рисковать утратить не какую-нибудь желѣзную дорогу или колонію, но нашу самобытность, не должно допускать даже вопроса о томъ, чтобы въ нашу армію можно было командировать военныхъ атташе, иностранныхъ журналистовъ или даже французскаго корреспондента. Печати должно быть разрѣшено опубликованіе только

матеріала оффиціальнаго, прошедшаго цензуру главнокомандующаго. Всякія подозрительныя личности, бродящіе около нашихъ войскъ, должны подвергаться задержанію и въ 24 часа самому строгому примѣненію военнаго суда. Интересы страны этого заслуживаютъ...

Какими-же средствами Японцы добивались возможности скрывать отъ Русскихъ свои передвиженія и лишать ихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о своемъ числѣ въ извѣстный часъ и въ извѣстномъ мѣстѣ? Достигали они этого, несомнѣнно, своими поблажками Китайцамъ. Явныя симпатіи къ нимъ населенія Маньчжуріи въ высшей степени способствовали тому, что извѣстія о нихъ не достигали русскаго главнаго штаба. Но самой главной причиной недостатка освѣдомленности, отчего такъ много терпѣлъ русскій штабъ, является — если можно такъ выразиться — обнаружившееся банкротство казаковъ, если не всей кавалеріи.

X

Банкротство казаковъ

Въ европейскихъ арміяхъ до сихъ поръ держатся ложнаго понятія о томъ значеніи, котораго можно ожидать на войнѣ отъ кавалеріи, считая, что кавалерія явится на нее вооруженной холоднымъ оружіемъ, тѣмъ самымъ, которое непріятеля не убиваетъ, а губитъ того, кто его носитъ.

Въ концѣ ноября одинъ иностранный военный, лейтенантъ Б., пріѣхалъ въ армію съ тѣмъ, чтобы поступить волонтеромъ (съ сохраненіемъ своего чина) въ одинъ изъ казачьихъ полковъ. Генералъ Мищенко встрѣтилъ его нѣсколькими доброжелательными словами, на которыя молодой, только что прибывшій изъ Европы энтузіастъ, отвѣтилъ такъ:

— Да, генералъ, я пріѣхалъ сюда потому, что захотѣлось послушать свиста пуль, захотѣлось хорошенько ударить саблей, а, если придется, то и получить самому такой ударъ.

— Это превосходно,—отвѣчалъ знаменитый кавалерійскій генералъ, — превосходно. И я обѣщаю вамъ, что вы можете даже очень скоро услышать свистъ пуль. Это, да. А вотъ, что касается добраго удара саблей, то я боюсь, что вы ошиблись. Не могу обѣщать вамъ случая ни ударить, ни получить ударъ, потому, знаете, сабля, — въ наше время,—предметъ не изъ употребительныхъ.

Въ этомъ-же самомъ году въ Парижѣ одной военной книготорговлей издана брошюра, касающаяся японской арміи; она содержитъ утвержденія, которыя дѣйствительность на нашихъ глазахъ опровергла самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Авторъ этой брошюры увѣрялъ, что во время текущей войны между Русскими и Японцами эти послѣдніе, обладая незначительной и посредственной кавалеріей, будутъ лишены возможности получить даже ничтожнѣйшее свѣдѣніе о своемъ противникѣ. И даже больше того, имъ совсѣмъ невозможно будетъ проникнуть за „занавѣсъ“ изъ русской кавалеріи, позади которой русская армія сможетъ въ абсолютной тайнѣ производить эволюціи.

Въ дѣйствительности случилось какъ разъ наоборотъ.

Японцы всегда были отлично освѣдомлены посредствомъ шпіоновъ и потому предпринимали са-

мое ограниченное число развѣдокъ. Что-же касается ихъ кавалеріи, то, по признанію самихъ русскихъ офицеровъ, она оказалась куда лучше, чѣмъ о ней думали. Но, когда ея эскадроны натыкались на болѣе значительныя силы противника, то всегда уловчались, бдагодаря быстроходности своихъ австралійскихъ коней, уходить отъ разгрома.

Впрочемъ, уже съ самаго начала войны стало замѣтно, что японская кавалерія признаетъ несомнѣнное превосходство надъ собой кавалеріи русской и рѣдко отходитъ далѣе чѣмъ на 3.000 метровъ отъ своей пѣхоты, которая всегда приходитъ къ ней на помощь своимъ огнемъ.

Что касается русской кавалеріи, то она-то именно и натыкается очень часто на непроницаемый „занавѣсъ", но—„занавѣсъ" пѣхоты, которая обычно располагается въ долинахъ, куда кавалеріи становится невозможнымъ проникнуть для своихъ развѣдокъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что русская кавалерія и, главнымъ образомъ, та, что находится подъ начальствомъ Мищенко и Самсонова, не разъ исполняла блестящія военныя порученія. Она умѣла и собрать кое-какія полезныя данныя.

Но, вообще, опытъ показалъ, что кавалерійская тактика, какъ она понимается европейскими

главными штабами, не соотвѣтствуетъ болѣе потребностямъ современной войны и должна подвергнуться значительнымъ реформамъ.

Несомнѣнно, однако, что двѣ рѣзкія особенности, исключительно свойственныя маньчжурской кампаніи, лишили поучительность этой кампаніи ея полнаго значенія.

Первая изъ этихъ особенностей та, что война вплоть до взятія Ляояна происходила почти все время въ мѣстности, очень пересѣченной, часто даже въ обрывистыхъ горахъ, гдѣ долины съуживались до размѣровъ настоящихъ ущелій. Десятокъ ловкихъ пѣхотинцевъ, съумѣвшихъ здѣсь забраться на кручи склоновъ, всегда могъ задержать цѣлую сотню кавалеристовъ.

Въ горахъ кавалеристу еще чаще, чѣмъ на равнинѣ, рано или поздно приходится спѣшиваться и драться въ пѣшемъ строю.

Вторая же особенность кампаніи та, что казаки, хотя и подтвердили свою старую репутацію относительно ихъ наѣзднической выносливости (о чемъ никто и не споритъ), но за то глубоко разочаровали спеціалистовъ своими военными дѣйствіями, и даже—русскихъ офицеровъ.

Мнѣ разсказывали, что за двѣ или за три не-

дѣли до начала войны одинъ извѣстный японскій генералъ подлинно высказалъ такое мнѣніе

— Да, знаю, насъ хотятъ напугать казаками. Но вспомните, что предъ нашей войной съ Китаемъ насъ также хотѣли напугать монгольской конницей, которая,—предвѣщали намъ,—ураганомъ смететъ нашу маленькую армію. Мы скоро увидимъ, что особенно большой разницы между монгольской конницей и казаками нѣтъ. И любое одно изъ этихъ двухъ пугалъ не страшнѣе другаго.

Разумѣется, это мнѣніе японскаго генерала очень преувеличено и, можетъ-быть, въ его словахъ слѣдуетъ скорѣе видѣть самохвальство, чѣмъ сужденіе спеціалиста.

Но теперь (это уже мнѣніе самихъ русскихъ офицеровъ) опытъ убѣдительнѣйше показалъ, какъ и почему современная война не допускаетъ старой тактики, по которой казаки призывались, ополчались и шли первыми навстрѣчу непріятелю. Казаки — превосходные наѣздники, люди смѣлые, необычайно выносливые, но они скорѣе милиціонеры, чѣмъ солдаты.

Теперь, понемногу, на практикѣ подъ непріятельскимъ огнемъ ихъ военная подготовка закончена, но въ началѣ войны она была самая жал-

кая; можно сказать, что ея почти не было, или-же она была самаго стараго типа.

Эти темные люди относились къ войнѣ безъ всякаго энтузіазма, потому что имъ осталась неясной ни ея цѣль, ни польза, и у нихъ не было ни малѣйшаго понятія о томъ, почему имъ надо стараться; и въ началѣ они еле поворачивались и пользы приносили очень мало.

Конечно, если-бы имъ почаще приходилось, какъ это было въ стычкѣ при Вафангоу (за нѣсколько дней до большаго сраженія того-же имени), налетать и разносить своими пиками японскіе эскадроны, то у нихъ-бы тогда-же пробудилась любовь къ этому спорту, и они-бы смогли, какъ въ доброе старое время, показать свою наѣздническую удаль и свою физическую силу.

Но—японская шрапнель и огонь пѣхоты имъ пришлись не по вкусу, и скоро стало ясно, что эта иррегулярная кавалерія мало способна къ усвоенію пріемовъ новой тактики.

Много разъ, въ первые мѣсяцы 1904 года, я слышалъ, какъ новые прибывающіе изъ Европы офицера жаловались на недостатокъ дисциплины и предпріимчивости, на отсутствіе развитія и энергіи, замѣченныя ими у ихъ казаковъ. Много разъ приходилось слышать разсказы—настоящіе анек-

доты,—какъ эти отряды кавалеріи, посланные на развѣдки, преспокойно останавливались въ деревушкѣ и занимались своимъ любимымъ чаепитіемъ, не замѣчая того, что мѣстность занята Японцами...

Недостатокъ военнаго жара въ нѣкоторыхъ казачьихъ полкахъ достигъ однажды у кавказцевъ съ Кубани степени открытаго ослушанія. Вообразивъ, что ихъ призвали только для отбыванія шестимѣсячной службы, эти первобытныя созданія однажды вдругъ отказались продолжать служить дальше и въ первыхъ числахъ октября начали распродавать своихъ лошадей.

Пришлось судить ихъ военнымъ судомъ и вожаковъ, десять человѣкъ этого полка, приговорить къ смерти, чтобы заставить остальныхъ, если не воодушевиться военной отвагой, то хоть повиноваться.

Я видѣлъ этотъ десятокъ осужденныхъ пѣшими, безъ оружія и подъ конвоемъ пѣхоты, которая, кажется, вела ихъ къ мѣсту экзекуціи.

Разстрѣляли-ли ихъ? Не знаю...

Неразумные бѣдняки! Жалкіе, сбитые человѣческой бурею обрывки, подхваченные вихремъ роковой судьбы! Кто знаетъ, какіе золотые посулы надавали этимъ невѣдующимъ и ограниченнымъ мусульманамъ тѣ наборщики, которые убѣдили

ихъ принять приглашеніе въ манчжурскую армію? Кто знаетъ, какія держались къ нимъ соблазнительныя рѣчи, какіе говорились обманчивыя, обольстительныя слова? Не увѣряли ли ихъ, что они найдутъ здѣсь богатѣйшую добычу, женщинъ и наслажденія, и что вся война будетъ однимъ блестящимъ тріумфальнымъ шествіемъ.

Я смотрѣлъ, какъ они удалялись, шагая безмолвно, съ искаженными лицами. Они видимо чувствовали, какъ въ ихъ отупѣлыхъ головахъ ворошились самыя разнообразныя мысли, возникшія тамъ въ первый разъ.

Смутно эти мусульмане понимали, что они стали, какъ многіе другіе, жертвой жестокой неправды. Покидая свой Кавказъ эти воины думали, что быстрота ихъ поджарыхъ коней и крѣпость ихъ кривыхъ сабель одни имъ обезпечивали побѣду и всѣ радости, какія влечетъ она за собой. Но увы! Многіе изъ нихъ пали подъ пулями невидимаго врага; они страдали многіе мѣсяцы; они вынесли всѣ тягости ужасной кампаніи, уже начались жестокіе зимніе холода, а они даже не слыхали и рѣчи о томъ, что миръ близокъ.

И тогда, коль скоро все въ этой проклятой землѣ шло наперекоръ тому, что имъ говорилось, коль скоро война повидимому должна была длиться

безконечно, то они и попросились, чтобы ихъ вернули на ихъ милый Кавказъ. Но ихъ намѣревались задержать въ Манчжуріи во имя принциповъ, о которыхъ раньше они даже не слышали рѣчи: во имя любви къ отечеству, которое черезъ чуръ велико и совсѣмъ не ихъ отечество, котораго они не знали даже языка; во имя преданности царю, котораго они никогда не видали; во имя ненависти къ врагу, котораго они до своего отъѣзда съ родины совсѣмъ не знали даже по имени.

И они шагали, дѣти Аллаха, шагали и думали, насколько человѣческія дѣла хитрѣе того, чѣмъ они когда либо себѣ представляли; они покорились всему, смутно чувствуя, что въ вихрѣ гигантскихъ событій, которыя захватили ихъ въ свое стремленіе, какой-нибудь одинъ человѣкъ, отдѣльная личность значитъ не больше, чѣмъ одинокая подхваченная бурей песчинка. Куда ихъ вели? Куда вели бѣдныхъ кавказцевъ? Ахъ, лучше бы они не пріѣзжали!

Разумѣется, душевное настроеніе этихъ бунтовщиковъ нельзя считать общимъ всѣмъ казакамъ арміи. Наоборотъ, много прославленныхъ примѣровъ говоритъ о противномъ. Но, вообще, можно сказать, что казачья конница совсѣмъ не

оказала тѣхъ услугъ, какія можетъ оказать регулярная строевая европейская кавалерія, маневрирующая и сражающаяся съ такимъ совершенствомъ, какое проявилъ, напримѣръ, великолѣпный полкъ Приморскихъ драгунъ.

Да, видно прошло то время, когда можно было импровизовать эскадроны; время иррегулярной кавалеріи; время пресловутыхъ наѣздовъ, отчаянныхъ аттакъ, время отчаянныхъ рубакъ и охотниковъ.

Въ будущемъ кавалерія, какъ всякая другая часть войска, и даже больше чѣмъ всякая другая, должна быть организмомъ регулярнымъ и спеціальнаго назначенія, превосходно обученнымъ и дѣйствующимъ по послѣднимъ правиламъ военнаго искусства.

Вполнѣ возможно, что кавалерія, лучше обученная и подготовленная къ войнѣ, чѣмъ казаки, дѣйствовало-бы и теперь съ большей производительностью, тѣмъ не менѣе настоящая война вполнѣ обнаружила, что теперь кавалеріи стало трудно противостоять огню дисциплинированной пѣхоты.

Даже, находясь въ условіяхъ, допускавшихъ ей развернуться на ровномъ пространствѣ, и то русская кавалерія оказывалась въ извѣстной сте-

пени парализованной и неспособной дѣйствовать.

Въ первые два дня битвы при Ляоянѣ огромная масса русской кавалеріи занимала равнину, простирающуюся къ западу отъ этого города. Что же она смогла сдѣлать? На что она, по крайней мѣрѣ, только попыталась? Съиграла-ли она свою рѣшительную или какую-нибудь значительную роль въ эти критическіе часы? Исторія этой битвы уже опредѣлилась, и она на это даетъ отрицательный отвѣтъ. Во время Ляоянской битвы русская кавалерія ничего не могла предпринять противъ линіи японской пѣхоты. Но мы не видимъ далѣе, что бы она сыграла болѣе счастливую роль и въ большомъ октябрьскомъ сраженіи, когда русское наступленіе разбилось о контръаттаку Японцевъ. При Ляоянѣ, какъ и на берегахъ Шахэ, побѣда подготовлена была артиллеріей, а докончена пѣхотой.

Въ этотъ самый моментъ, когда я пишу эти строки, здѣсь говорятъ о большомъ наѣздѣ, предпринимаемомъ русской кавалеріей противъ японской коммуникаціонной линіи. Проэктъ этотъ, едва возникнувъ, уже подвергся многочисленной критикѣ. Меня увѣряютъ, что одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ русскихъ кавалерійскихъ генераловъ

даже отказался командовать этой экспедиціей, которую онъ считаетъ чистѣйшимъ безуміемъ. Насколько мнѣ дано судить, и я недалекъ отъ этого мнѣнія, потому что для дѣйствительности нападенія на коммуникаціонную линію Японцевъ, русскимъ сотнямъ придется снова дѣйствовать въ горахъ, а здѣсь, какъ это многократно показалъ опытъ, Японцы „у себя дома".

Изъ всѣхъ-же предшествующихъ дѣйствій приходится заключить, что задача раціональнаго использованія кавалеріи еще не разрѣшена и эта задача непремѣнно возбудитъ живѣйшую полемику въ европейскомъ военномъ мірѣ.

Во всякомъ случаѣ, четыре пункта для этого можно считать намѣченными:

1. Впредь сабля и пика почти выйдутъ совсѣмъ изъ употребленія.

2. Всѣ кавалеристы должны быть снабжены ружьемъ и, не больше какъ только винтовкой или револьверомъ, какъ это пратикуется въ значительномъ числѣ европейской кавалеріи. Слѣдуетъ ихъ вооружить ружьемъ потому, что чаще всего, можно—сказать почти всегда кавалеристы, приблизившись къ непріятелю на коняхъ, сражаться могутъ не иначе, какъ спѣшившись и ставъ пѣхотинцами.

3. Недостаточно, чтобы кавалеристы были

снабжены ружьемъ (вся русская кавалерія ружье носитъ съ турецкой войны, но такъ и кажется, что до своего прихода она ни разу не выстрѣлила изъ него), нужно, чтобы они умѣли имъ пользоваться такъ же искусно, какъ лучшіе стрѣлки.

4. Кавалеристы не должны быть только солдатами верхомъ. Въ кавалерію должны быть исключительно отобраны люди смѣтливые, очень умные очень осторожные, съ превосходнымъ зрѣніемъ. Имъ должны даваться порученія совершенно тождественныя съ задачами авангардовъ. И новобранцы, на видъ неспособные къ этому спеціальному дѣлу, должны быть безъ исключенія сдаваемы въ пѣхоту, гдѣ всякій простой рядовой, зятерянный въ огромной ихъ массѣ, имѣетъ менѣе случаевъ проявлять свою инициативу и разсудительность.

Согласимся же, какъ это уже и сдѣлали наученные въ Маньчжуріи горькимъ опытомъ Русскіе, что сабля, пика и шпага въ будущемъ скорѣе должны считаться за символическія украшенія, чѣмъ за дѣйствительное оружіе. Очередь теперь за ружьемъ.

XI

Недоумѣніе! Недоумѣніе!

Въ первой части этой статьи мы видѣли восточную армію барона Штакельберга, занятой въ неизслѣдованномъ лабиринтѣ горъ, вздымающихся къ сѣверу отъ рѣки Тачехо.

Остановленная непроницаемымъ дэфиле Ту-Мынь-Линъ, какъ желѣзными воротами, и будучи не въ состояніи быстро овладѣть этимъ проходомъ, чтобы въ нужный моментъ обрушиться на японскій флангъ, эта армія кончила тѣмъ, что отступила къ центру русскихъ силъ, съ трудомъ оборонявшемуся тогда, и подкрѣпила его.

По правдѣ говоря, если бы понадобилось пересчитать всѣ случаи, когда русскій главный штабъ не имѣлъ свѣдѣній о мѣстности или о непріятелѣ, то это было бы все равно, что предпринять трудъ написать полную исторію войны.

Если вы прочитаете описанія первыхъ столкновеній, то увидите, что, внѣ всякаго сомнѣнія, пораженія Русскихъ, почти во всѣхъ случаяхъ, явились результатомъ неизвѣстности, въ которой они пребывали или относительно числа сосредоточенныхъ противъ нихъ Японцевъ, или относительно доступности или недоступности какой-нибудь вершины или прохода, или относительно пригодности какого-нибудь брода или морского рукава.

Предположенія Русскихъ насчетъ общей численности Японцевъ все время измѣнялись съ самаго перехода Ялу и до большого сраженія подъ Мукденомъ. Въ первой половинѣ войны, т. е. до конца іюня мѣсяца, Русскіе кажется, думали, что дѣйствительный итогъ японскихъ войскъ не можетъ превышать 170.000 человѣкъ.

Но на чемъ, въ дѣйствительности, основаны были эти ихъ предположенія?

Въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ я нашелъ слѣдующую замѣтку, помѣченную 12-мъ іюля: „Полнѣйшее невѣдѣніе какъ силъ непріятеля, такъ и его передвиженій. Въ одинъ и тотъ же день я слышалъ, какъ одинъ генералъ говорилъ, что Японцевъ въ Маньчжуріи не больше 150.000 человѣкъ, а другой генералъ замѣтилъ, что не-

пріятель располагаетъ двацатью шестью дивизіями по 15.000 человѣкъ каждая, т. е. 390.000 человѣкъ. А въ дѣйствительности, никто ничего не знаетъ. За бутылкой вина полковникъ X (здѣсь имя офицера очень вліятельнаго по причинѣ своей храбрости и значительныхъ петербургскихъ связей) меланхолично мнѣ сказалъ: „Бѣдный нашъ Куропаткинъ, онъ въ большомъ затрудненіи. Онъ не знаетъ, что дѣлать. Работаетъ попусту. Ему не достаетъ свѣдѣній".

И эта замѣтка въ точности совпадаетъ съ другими отъ той же эпохи и съ моими воспоминаніями, относящимися къ серединѣ года. Офицера не пытались скрывать даже отъ иностранныхъ корреспондентовъ (впрочемъ это было слишкомъ замѣтно) ту истину, что они ничего не знаютъ о противникѣ.

— Мы можемъ приблизительно опредѣлить сколько людей на японскихъ аванапостахъ, но не больше. А что происходитъ за аванпостами— тайна!

Вотъ что можно было слышать на каждомъ шагу отъ офицеровъ въ мрачномъ тонѣ. Въ такомъ состояніи духа они были и тогда, когда нагрянула аттака Ляояна. Врагъ былъ для нихъ таинственнымъ, невидимымъ, всѣ силы котораго

еще не обнаружились и который, можетъ быть, обладалъ еще нетронутыми рессурсами.

Въ началѣ сентября, въ теченіе нѣсколькихъ дней, слѣдовавшихъ за Ляоянской битвой, всей арміей овладѣлъ глубокій упадокъ духа. Родъ паники охватилъ даже самые сильные характеры. Ждали въ самомъ близкомъ времени очищенія и Мукдена. Каждый, казалось проникся идеей, что врагъ—рѣшительно неодолимъ.

Узнавали, что японскія подкрѣпленія безъ перерыва высаживались въ Инкоу—Нью-Чуангѣ. Никто точно не зналъ размѣровъ этихъ подкрѣпленій.

Но въ кругу русскихъ офицеровъ допускали что японскій главный штабъ долженъ располагать отъ 400.000 до 450.000 человѣкъ. Считалось, что японскіе резервы неистощимы, и что они будутъ безъ конца идти на смѣну первыхъ бойцовъ.

Но вскорѣ Русскіе воспрянули духомъ. Послѣ Ляоянской битвы Японцы не воспользовались своей побѣдой и не пошли на Мукденъ, куда они могли войти безъ ружейнаго выстрѣла, и этимъ они показали своему противнику, какъ они сами были ослаблены этой огромной битвой.

Въ это же самое время къ Русскимъ, кажется,

пришли и свѣдѣнія относительно дѣйствительныхъ силъ Японцевъ, и эти свѣдѣнія приняты ими были на вѣру, какъ евангельскія истины.

И въ кругу иностранныхъ атташе и иностранныхъ корреспондентовъ тогда съ удивленіемъ узнали, что главный штабъ наконецъ съ точностью опредѣлилъ составъ дѣйствующихъ армій Куроки, Оку и Нодзу. Оказалось, эти три генерала никогда не располагали болѣе, чѣмъ 144.000 человѣкъ пѣхоты, 6.360 кавалеристами и 648 пушками.

Когда-же стали изслѣдовать эти данныя, то оказалось, что они по истинѣ трогательнымъ образомъ совпадаютъ съ статистическими данными, опубликованными годъ тому назадъ въ одной французской военной работѣ, и послѣ этого подумали про себя, что, можетъ-быть, тутъ вовсе и не было другого источника...

Во всякомъ случаѣ, во второй половинѣ сентября и въ первыхъ числахъ октября преувеличенный оптимизмъ царилъ во всей арміи. Смѣялись надъ враньемъ, ошибками и нерѣшительностью, всецѣло владѣвшими воображеніемъ всѣхъ въ предыдущемъ мѣсяцѣ.

Наконецъ-то узнали правду! Вся непріятельская армія, исключая осаждавшей Портъ-Артуръ,

содержитъ въ себѣ не больше 150.000 человѣкъ; Русскіе говорили между собой, что если-бы они знали это въ августѣ мѣсяцѣ и если-бы не побоялись тогда встрѣтиться къ сѣверу отъ Ляояна съ превосходными силами Куроки, то не отдали-бы этой позиціи; на оборотъ, можетъ-быть, смогли-бы нанести нападающему кровопролитный ударъ.

Да, радостный оптимизмъ оживлялъ офицеровъ главнаго штаба, начиная съ 20 сентября. Тогда-же на императорскихъ могилахъ я встрѣтился съ Куропаткинымъ. Онъ соблаговолилъ оказать мнѣ честь обратиться ко мнѣ съ нѣсколькими ласковыми словами, въ которыхъ очень прозрачно намекнулъ на готовящееся наступленіе. Во внѣшности главнокомандующаго тогда все обнаруживало глубокое спокойствіе; даже долженъ сказать, это существительное мною взято слишкомъ слабо, потому что въ его спокойствіи, въ его улыбающемся спокойствіи можно было почти видѣть родъ самоувѣренности; его спокойствіе—было спокойствіе главнокомандующаго. И такъ, наступленіе! Всѣ о немъ говорили, всѣ его пророчили. Знали, что оно рѣшено, и знали, почему рѣшено? Потому что,—вольно или невольно, но мысль была та, что численно японская армія уступала русской.

Какъ началось это наступленіе и какъ оно было

остановлено неодолимой контръ-аттакой Японцевъ—все это давно всѣмъ прекрасно извѣстно. Но каковы-же въ дѣйствительности были въ это время силы Японцевъ? По этому вопросу мнѣ, какъ журналисту, исключительно находившемуся при русской арміи, невозможно было получить иныхъ данныхъ, чѣмъ тѣ, коими обладалъ главный штабъ этой арміи. Одно могу сказать утвердительно: штабъ генерала Штакельберга, находясь предъ дэфиле Ту-Мынь-Линъ, повидимому, обладалъ самыми неопредѣленными свѣдѣніями насчетъ численности Японцевъ, которымъ поручена была охрана этого прохода.

Какъ-бы то ни было, но послѣ большой битвы при Шахэ у Русскихъ, кажется, возобладало и вполнѣ сознательно мнѣніе, что Японцевъ подъ Мукденомъ было не больше 150.000—180.000 человѣкъ.

Находясь въ вѣчной неизвѣстности насчетъ численности Японцевъ, Русскіе теперь еще менѣе были освѣдомлены относительно ихъ передвиженій. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: іюня, іюля и августа имъ въ этомъ отношеніи приходилось стоять предъ неразрѣшимой задачей. Какъ это у всѣхъ на памяти, Японцы цѣлымъ рядомъ аттакъ съ юга на сѣверъ и въ то же время угрожая лѣвому

флангу Русскихъ въ горахъ Востока, принудили русскую армію безпрерывно отступать, чтобы не быть отрѣзанной. Кончила армія тѣмъ, что вся увѣровала въ обходное движеніе Японцевъ. Въ іюнѣ ходилъ слухъ, что Куроки, описавъ огромную дугу по горамъ, идетъ съ значительными силами прямо на Мукденъ. На востокѣ, какъ и на югѣ о дѣйствительныхъ размѣрахъ японскихъ силъ ничего не знали. Проникнуть дальше аванпостовъ, чтобы разузнать что-нибудь,—не удавалось. Вѣчно подъ угрозами быть обойденными, очистили послѣ аррьергарднаго дѣла Кайджоу-Кайпингъ.

Потомъ, когда этотъ городъ уже былъ Японцами занятъ, и тѣ нѣкоторое время не проявляли никакой дѣятельности, офицеровъ охватила настоящая эпидемія оптимизма. Всѣ вообразили (не имѣя въ подтверждніе ни одного факта), что большая часть силъ непріятеля отодвинулась на югъ къ Портъ-Артуру.

Именно такое мнѣніе преобладало въ арміи около половины іюля. Въ Ташичао съ нескрываемымъ удовлетвореніемъ всѣ повторяли, что наконецъ-то японское наступленіе сломлено, и теперь Японцы не посмѣютъ двинуться далѣе къ сѣверу; ихъ аванпосты между Кайджоу и Таши-

чао—только остовъ силъ, только самая тонкая за вѣса изъ пѣхоты.

Почему такъ думали Русскіе? Это такое „почему“, на которое никогда не получишь необходимое „потому-что“. Во всякомъ случаѣ ихъ увѣренность казалась настолько обоснованной, что къ ней присоединилось и нѣсколько иностранныхъ атташе.

Но 18 іюля—огромный сюрпризъ. Возникаетъ слухъ, что Куроки, пренебрегши Ляояномъ, предпринялъ съ 100.000 человѣкъ обходный маршъ прямо на Мукденъ. Нѣсколько дней спустя: эта новость оказалась ложной. Но за то съ безпокойствомъ узнали, что Японцы въ большомъ количествѣ появились къ востоку отъ Ляояна за Ампингомъ. Куропаткинъ, не колеблясь, оставляетъ свою главную квартиру при Ташичао, ѣдетъ въ Ляоянъ и изъ Ляояна въ Ампингъ, гдѣ становится во главѣ войскъ, которымъ поручается оспаривать у нападающихъ побѣду.

И, вдругъ, происходитъ чисто-театральный эффектъ и измѣняетъ все. На японскихъ позиціяхъ на югѣ, вмѣсто остова арміи, оказывается грозная масса. Русская армія, защищавшая Ташичао, видитъ себя подъ угрозой быть отрѣзанной и стремительно отступаетъ. Отсюда слѣдуетъ паде-

ніе Ташичао, влекущее за собой такую-же участь и Инкоу-Ньючуанга.

Тогда только генералъ Куропаткинъ замѣтилъ, что онъ былъ плохо освѣдомленъ; но было уже поздно. Тамъ, гдѣ ему говорили, что у Японцевъ лишь незначительныя силы, оказалось вдругъ ихъ подавляющее число. Выдвинувъ и обнаруживъ часть своихъ силъ у Ампинга, Японцы только симулировали приготовленія къ серьезной аттакѣ, а на дѣлѣ и не собирались совсѣмъ ее предпринимать. Уловка удалась какъ нельзя лучше. Русскимъ пришлось поставить на ноги два корпуса къ востоку отъ Ляояна.

Они не знали...

Но, когда Русскіе съ воздушныхъ шаровъ подтвердили показанія развѣдчиковъ, и когда стало ясно, что огромная японская армія, сконцентрированная при Ампингѣ,—не болѣе не менѣе какъ маленькій отрядъ,—Ташичао уже былъ въ рукахъ у Японцевъ. Куропаткинъ торопливо (но слишкомъ поздно) отправился въ Ляоянъ, и позиція на Хайченгѣ вскорѣ пала,

Мнѣ разсказывали за нѣсколько дней до отступленія отъ Хайченга, что Куропаткинъ, просматривая содержаніе телеграммы въ Москву одного виднаго русскаго писателя, вычеркнулъ изъ

нея нѣсколько мѣстъ, слишкомъ мрачныхъ на его взглядъ, а на поляхъ написалъ слѣдующее: „Отступленіе русской арміи теперь окончено. Армія занимаетъ нынѣ позиціи, на которыхъ она готова дать сраженіе“.

Измѣненная въ этомъ духѣ телеграмма едва успѣла попасть на телеграфный аппаратъ, какъ русская армія спѣшно очистила Хайченгъ.

Почему?

Потому что Японцы, удивительно пользуясь горами, снова начали свое вѣчное обходное движеніе лѣваго фланга Русскихъ. Движеніе это Японцы вели уже нѣсколько дней, но объ этомъ до самаго послѣдняго момента плохо освѣдомленный русскій главнокомандующій не имѣлъ достаточно точныхъ свѣдѣній.

Послѣ занятія Японцами Хайченга тайна вокругъ нихъ стала еще непроницаемѣе, а русскіе офицера все болѣе и болѣе жаловались, что недостатокъ у нихъ заслуживающихъ довѣрія сообщеній постоянно парализуетъ всѣ ихъ усилія. и крайне затрудняетъ задачи главнокомандующаго. Снова прошла вѣсть, что Куроки, во главѣ грозной арміи, двинулся къ Мукдену. Около 15 августа эта новость считалась многими русскими офицерами вполнѣ вѣроятной. Нѣкоторые даже

называли ее несомнѣнной и уже совѣтовали журналистамъ ѣхать въ Мукденъ, гдѣ, по ихъ словамъ, и произойдетъ грозная битва. Нѣсколько человѣкъ корреспондентовъ, положившись на основательность этихъ совѣтовъ, на самомъ дѣлѣ собрались въ Мукденѣ и, сбитые такимъ образомъ съ толку, оказались далеко отъ Ляояна, когда именно тамъ началось ужасное наступленіе 30 августа.

XII

Кошмаръ

Кто взялъ Ляоянъ? Японская армія? Да, конечно, японская армія, но съ помощью кошмара. И тѣ, кому придется писать исторію маньчжурской войны, тѣ военные теоретики, кои соблаговолятъ потомъ преподать простымъ смертнымъ свои совѣты и повѣдать благодарному человѣчеству результаты своихъ изысканій, эти ученые не должны терять изъ виду тотъ огромный психологическій феноменъ, который въ концѣ августа мѣсяца 1904 года оказалъ столь могущественное вліяніе на русскую армію.

Вполнѣ возможно, что если-бы Куропаткинъ 30 августа былъ болѣе точнымъ образомъ освѣдомленъ относительно дѣйствительнаго состава трехъ японскихъ армій, то Ляоянъ далеко не

достался-бы имъ такъ легко. Возможно, но не навѣрное, что Японцы захватили-бы въ концѣ-концовъ позиціи, но послѣ усилій, безконечно болѣе значительныхъ и продолжительныхъ чѣмъ тѣ, при помощи которыхъ имъ досталась побѣда на дѣлѣ.

Увы, въ концѣ августа русская армія была въ какомъ-то навожденіи и шатаніи. Это шатаніе овладѣло даже самыми крѣпкими, самыми разсудительными умами. Поколебленные цѣлой серіей неудачъ, многіе офицера прониклись предчувствіемъ, что ихъ ляоянскія позиціи, несмотря ни на что, будутъ обойдены, сильная японская армія прорвется на сѣверъ, разрушитъ мостъ на Тачехо и отрѣжетъ Русскимъ всѣ пути къ отступленію.

И кто изъ иностранныхъ атташе или военныхъ корреспондентовъ смѣлъ сказать, что онъ не раздѣляетъ этихъ опасеній? Да тотъ, кто 29 августа въ Ляоянѣ сталъ-бы увѣрять, что японская армія теперь съ мѣста не двинется къ сѣверу, онъ попалъ-бы въ число самохвальщиковъ.

Даже еще лучше. Нерѣдко можно было слышать, что Японцы начали два обходныхъ движенія. И одна изъ ихъ армій будто-бы шла на сѣверъ восточными горами, а другая, на западѣ, поднималась на джонкахъ вверхъ по теченію рѣки Ляо.

И мысль объ оставленіи Ляояна мало-по-малу стала казаться роковой необходимостью. Всѣхъ насъ давилъ кошмаръ. И какъ я могу судить по пришедшимъ къ намъ изъ Европы газетамъ, тоже самое думали всюду.

Когда читаешь статьи, появившіяся послѣ отступленія русской арміи къ Мукдену, то получаешь такое впечатлѣніе, будто всѣ были удивлены, какъ это Куропаткинъ смогъ отступить безъ помѣхи и недопустилъ простой неудачѣ стать цѣлой катастрофой?

Вздохъ облегченія у однихъ націй; разочарованіе—у другихъ. А всюду изумленіе, всюду такое впечатлѣніе, что Японцы оказались ниже того, чѣмъ о нихъ думали. А въ Европѣ о нихъ думали точь въ точь, какъ и въ русской арміи, которой приходилось оставаться безъ свѣдѣній. И, если Куропаткинъ въ эти рѣшительные часы, при всей своей ясности взгляда и спокойствіи, могъ преувеличить дѣйствительность, то потому, что и онъ тоже находился подъ вліяніемъ кошмара. И ему онъ видѣлся; да, и Куропаткинъ его видѣлъ. Изъ вѣрнаго источника я знаю, что 27 августа Куропаткинъ, озабоченный больше всего тѣмъ, чтобы сохранить свою армію цѣлой и,

опасаясь оказаться окруженнымъ, уже колебался защищать Ляоянъ.

Угроза обходнаго движенія Японцевъ казалась настолько серьезной, что уже заставляла предвидѣть мысль объ очищеніи мѣстности, оставляя на ней только арріергардъ для прикрытія отступленія.

Куропаткинъ собралъ совѣтъ, состоявшій изъ главныхъ генераловъ арміи. Если на этомъ совѣтѣ возобладало мнѣніе о защитѣ мѣста и если Куропаткинъ согласился на это, то только потому, что большая часть генераловъ заявили, что теперь во что бы то ни стало и безъ того деморализованнымъ войскамъ надо избѣжать печальныхъ впечатлѣній, какія могли возникнуть отъ новаго отступленія.

Первая аттака Японцевъ, 30 августа, была побѣдоносно отбита 1-мъ и 3-мъ Сибирскими корпусами. Аттака продолжалась всю ночь и вплоть до полудня 31 августа, послѣ чего огонь ослабъ, и настало затишье. Японцы, послѣ того, какъ продвинулись по равнинѣ, простирающейся къ западу отъ Ляояна, совсѣмъ близко къ вокзалу, были далеко отброшены къ юго-востоку.

Въ 11 часовъ утра 31 августа я видѣлъ японскіе трупы на фермахъ, лежащихъ едва въ 3 ки-

лометрахъ отъ вокзала. Въ промежутокъ между полуднемъ и 2 часами въ главной квартирѣ уже чувствовалась побѣда. Японцы, повидимому, совершенно отступали. Они уже далеко ушли отъ русскихъ позицій. Одинъ образованный военный атташе,—его имени теперь я ни за что не назову,— встрѣчаетъ меня и буквально говоритъ: „Японцы побиты. Ихъ аттака разбилась объ укрѣпленія Ляояна. Можете телеграфировать эту новость въ Европу“.

Однако, въ тотъ же день, съ наступленіемъ ночи, пронеслась злополучная вѣсть, что началось очищеніе Ляояна, и первая линія мѣстныхъ укрѣпленій уже брошена.

Почему принялъ Куропаткинъ это прискорбное рѣшеніе? Да, несомнѣнно, потери русской арміи были ужасны, а тиски изъ японскихъ армій вокругъ Ляояна еще нѣсколько сомкнулись, но защита могла-бы еще долго длиться, и тысячи японскихъ солдатъ еще пали-бы мертвыми на передовыхъ позиціяхъ, прежде чѣмъ Русскіе могли считать себя побѣжденными.

Почему-же генералъ Куропаткинъ очистилъ мѣсто? Онъ узналъ, что армія Куроки къ востоко-сѣверо-востоку отъ Ляояна переходитъ Тачехо. Онъ боялся, что большая часть японскихъ силъ,

аттаковавшихъ его 30 августа, могла проскользнуть на востокъ и на сѣверъ, чтобы подкрѣпить Куроки. И тотъ, пожалуй, будетъ имѣть въ рукахъ цѣлую грозную армію между Мукденомъ и Ляояномъ.

Вотъ почему Куропаткинъ оставилъ на второй линіи ляоянскихъ укрѣпленій недостаточно силъ для сдерживанія армій Оку и Нодзу, а самъ, собравъ всю массу своихъ войскъ на правомъ берегу Тачехо, двинулся съ ними противъ Куроки на Янтай.

Но онъ шелъ неувѣренно свѣдѣній у него не было; прежній кошмаръ продолжалъ стоять предъ нимъ; армію Куроки онъ считалъ много сильнѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Его помощникъ Орловъ, плохо освѣдомленный и совсѣмъ не зная непріятельскихъ позицій, преждевременно ринулся впередъ и подвергся ужасному удару, и вотъ, нечаянно представлявшійся случай застать армію Куроки врасплохъ на подготовленыхъ позиціяхъ и разнести ее,—исчезъ. И теперь много Русскихъ поняло и, пожалуй, совершенно справедливо, что потеря Ляояна явилась исключительной случайностью, и, можно думать, ея не произошло бы, если бы генералъ Куропаткинъ зналъ.

Во время янтайской битвы я ушелъ впередъ вдоль желѣзнодорожной линіи, ведущей къ копямъ,

которыя уже были въ рукахъ у Японцевъ. Я рискнулъ пройти до самыхъ русскихъ баттарей, скрытыхъ въ гаолянѣ и изнемогавшихъ отъ шрапнели. Это былъ тотъ моментъ, когда отрядъ Орлова, совершенно разбитый, отсупалъ въ направленіи къ станціи. Замѣтивъ меня офицера, полковникъ и даже солдаты съ безпокойствомъ закидали меня вопросами:

— Станція еще занята Русскими?

— Много русскихъ солдатъ видѣли вы у станціи?

— Желѣзная дорога къ сѣверу отъ станціи еще не атакована Японцами?

Весь этотъ бравый народъ охваченъ былъ кошмаромъ. Всѣ они боялись, чтобы не была отрѣзана ихъ линія отступленія. И вдругъ, — мнѣ самому повѣрилось, что ихъ опасенія могутъ оправдаться и опасное положеніе осуществиться: — неожиданно открылся жестокій ружейный огонь по отдыхавшему полку, въ рядахъ котораго я былъ.

Уходить мнѣ пришлось подъ градомъ снарядовъ. Нѣсколько времени спустя, я уже долженъ былъ понять, что этотъ сюрпризъ не имѣлъ никакого стратегическаго значенія; тѣмъ не менѣе вечеромъ, вернувшись на станцію Янтай, я засталъ тамъ много иностранныхъ корреспондентовъ, которые были очень встревожены, увидя, что всѣ

русскія войска среди ночи уходятъ въ Мукденъ. Китайское населеніе разнесло, что Японцы кишатъ въ гаоляновыхъ плантаціяхъ къ сѣверо-востоку отъ Янтая. Мы были убѣждены, что немного спустя японская армія уже бросится на желѣзную дорогу, и, чтобы не попасться въ осужденную на обложеніе часть русской арміи къ югу отъ Янтая, мы, не теряя ни минуты и не щадя измученныхъ коней, пустились въ двадцати-километровый путь вдоль полотна.

Какія только были здѣсь дороги, онѣ всѣ были заняты военнымъ обозомъ, спѣшившимъ на сѣверъ. Глубокое безпокойство охватило всѣ умы. Кошмаръ поработилъ всѣ мысли. Каждую минуту мы ждали, грянетъ первый выстрѣлъ нападающихъ, и, согнувшись на нашихъ измученныхъ лошадяхъ, мы спѣшили дальше впередъ, даже и не подозрѣвая, что Японцы въ это самое время тоже отступали и были далеко-далеко отъ насъ.

Потребность въ надеждѣ, иллюзіи, фанфаронады однихъ, смертельная боязнь другихъ, апатія, фантазіи, приступы пессимизма, отчаяніе вслѣдъ за сумасшедшей самоувѣренностью, дни безразсудствъ вслѣдъ за днями паники, подвиги героизма, переплетшіеся съ актами слабости, ложныя

новости, небылицы, разочарованія, ошибочныя соображенія, незнаніе дѣйствительности — вотъ изъ чего состоялъ первый годъ кампаніи.

Возвращаясь въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ Кайчжоу въ Ташичао, встрѣчаю казачьихъ офицеровъ; сообщаютъ мнѣ добрую вѣсть: къ сѣверо-востоку отъ Хайченга одинъ проходъ, захваченный было Японцами, отбитъ у нихъ штыками. Самъ Куропаткинъ, со шпагой въ рукѣ, велъ войска, взявшія у непріятеля 18 пушекъ.

Неправда.

Нѣсколько дней спустя въ Ташичао утверждаютъ, что одному русскому крейсеру удалось потопить японскій транспортъ съ 140 тяжелыми орудіями, предназначавшимися противъ осажденнаго Портъ-Артура.

Неправда.

Тутъ же нѣсколько офицеровъ отводятъ васъ къ сторонкѣ:—Часъ наступленія пробилъ. Японцевъ завлекли на сѣверъ только для того, что замышляютъ разбить ихъ совершенно. Секретно прибыли два корпуса; да, два цѣлыхъ корпуса, не считая тѣхъ войскъ, прибытіе которыхъ не держится въ секретѣ...

Неправда.

Сообщаютъ вамъ о прибытіи дивизій, которыя

даже и не покидали Россіи; объявляютъ о немедленномъ вступленіи въ дѣйствіе полковъ, которые еще не достигли и Иркутска. 10-го августа въ одной группѣ офицеровъ меня увѣряли, что Балтійскій флотъ скоро придетъ къ берегамъ Китая. А, когда я позволилъ себѣ высказать, что на мой взглядъ эта новость преждевременна, такъ они между собою говорили, не прикидиваюсь ли я только ихъ братомъ. 29-го августа превосходная вѣсть распространилась по Ляояну, и всѣ ее охотно повторяли. Въ восточныхъ горахъ Русскіе одержали побѣду и захватили 46 японскихъ пушекъ. Офицера, проходившіе, чуть не видѣли эти пушки.

Увы, и это неправда.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ самыя несбыточныя мечты кружили даже положительные умы. Послѣ Вафангоу одинъ полковникъ мнѣ сказалъ:

— Что вы хотите. Эти сибирскія войска, которыя терпятъ пораженія, войска вялыя, безъ энтузіазма, не энергичныя. А вотъ посмотрите, когда пойдутъ въ дѣло наши кавказцы. Это— неустрашимые, привычные сражаться въ горахъ бойцы; мусульмане, которыхъ услаждаетъ одна мысль объ опасности, которыхъ веселитъ свистъ вражескихъ пуль.

И вотъ кавказцы въ ихъ цирковыхъ костюмахъ съ посеребренными патронами и безчисленными кинжалами пошли въ дѣло, и тутъ же множество офицеровъ заявляетъ, что они составляютъ далеко не лучшіе армейскіе полки.

Весь іюль и августъ мѣсяцы въ арміи было модой свысока отзываться о сибирскихъ войскахъ; слышалось на каждомъ шагу:

— Ахъ, вы посмотрите, когда здѣсь будутъ у насъ русскіе корпуса; вотъ когда начнется настоящая война, большая война.

Русскіе корпуса прибыли, и это именно ихъ охватывала самая плачевная паника. У нихъ-то и приходилось меньше всего наблюдать увлеченія войной и энтузіазма, но за то самое пламенное желаніе, какъ можно скорѣе вернуться домой, въ родной край; тѣмъ лучше, теперь сибирскія войска, недавно обезславленныя, заняли положеніе отборной части арміи.

Осенью большое число офицеровъ на всѣ тоны кричали, что русская армія возьметъ свой реваншъ зимой. Пришла зима—и уже шепчутся, что, къ сожалѣнію, зимой нельзя воевать. Чего еще! И сколько другихъ разбитыхъ надеждъ, сколько другихъ несостоятельныхъ проектовъ, сколько другихъ химеръ, мистификацій, ошибокъ!

Бѣдные друзья! Имъ вполнѣ было извинительно вознаграждать себя на словахъ, удовлетворяться мечтами, принимать желаніе за дѣйствительность и мѣшать возможное съ невозможнымъ.

Они не знали...

XIII

Они узнаютъ

Они не знали, но они узнаютъ! Масса происшедшихъ ошибокъ привела къ выясненію и возстановленію истины. Множество обманчивыхъ заблужденій превратилось въ дѣйствительность.

Пріобрѣсти опытность на войнѣ для арміи есть два способа: на свой собственной счетъ или на счетъ непріятеля. Русскіе пріобрѣли опытность на свой собственный счетъ. За эту опытность они заплатили дорогую цѣну; но подъ конецъ они ее достигли. Ихъ артиллерія уже несравненно выше того, что была она въ началѣ кампаніи; и компетентные люди въ одинъ голосъ говорятъ, что если ихъ армія вообще еще не поставлена на современную высоту, то по меньшей мѣрѣ она ушла безконечно впередъ со времени Вафангоу.

Карта, которую они забыли составить въ 1895 г.

и которую не изготовили и въ 1903 году, эту карту они по крайней мѣрѣ составили подъ громъ пушекъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Они отступили, это вѣрно; но по крайней мѣрѣ они мѣстность, которую уступили врагу, теперь знаютъ, и когда они попытаются въ нее вернуться, то имъ уже не придется въ ней плутать. Они узнали все, что не знали объ этой странѣ. У нихъ было время собрать всѣ свѣдѣнія, которыхъ имъ не доставало.

Они навсегда истребили и низвели въ ничто свой кошмаръ; да, кошмаръ разсѣялся въ великой битвѣ подъ Мукденомъ. И впредь русскіе не будутъ смущаться отъ мысли, что японцы располагаютъ безконечными рессурсами и въ состояніи осуществить сверхестественныя вещи.

Въ началѣ войны русская армія была арміей сборной, безъ согласія, безъ нравственной связи, безъ вѣры въ себя. Но эта армія билась много мѣсяцевъ и теперь пріобрѣла самую лучшую сплоченность, ту, которую даютъ вмѣстѣ вынесенныя страданія и избѣгнутыя опасности. Не хватившее ей увлеченіе и возможный недостатокъ военныхъ познаній манчжурская армія пріобрѣла понемногу на большихъ маневрахъ войны.

Два послѣднихъ сраженія для нея совсѣмъ не

были такими полными пораженіями, что бы ей въ нихъ не оставалось никакого утѣшенія. Генералы и солдаты на будущее время утѣшены сознаніемъ, что они могли бы побѣдить подъ Ляояномъ и что японцы послѣ отчаянныхъ усилій не могли разбить ихъ подъ Мукденомъ.

Нѣтъ больше неразрѣшимыхъ задачъ и въ развѣдочной службѣ. И русскіе, какъ ни какъ, а на китайское шпіонство отвѣчаютъ китайскимъ же шпіонствомъ.

Если правда, какъ теперь увѣряютъ и чему я еще колеблюсь вѣрить, что сезонъ больщихъ холодовъ долженъ пройти безъ большого сраженія, если воюющіе должны будутъ остаться въ бездѣйствіи на своихъ зимнихъ квартирахъ, одни передъ другими, то тогда можно сказать, что кампанія перваго, т. е. 1904 года, хотя бы она была такою, несчастнѣе чего быть не можетъ, —она была для русской арміи предварительнымъ ученіемъ, своего рода генеральной репетиціей,— тяжкой, но за то и какъ полезной!

Если въ самомъ дѣлѣ перерывъ дѣйствій продлится всю зиму, то русская армія послѣ таянія, то есть въ рединѣ апрѣля, по самому умѣренному разсчету, будетъ насчитывать приблизительно 300.000 человѣкъ.

Какова же можетъ быть тогда численность японцевъ? Что станетъ съ Портъ-Артуромъ? Побѣдитъ или будетъ разсѣянъ балтійскій флотъ? Вотъ гдѣ задача, предрѣшать которую было бы сумасшествіемъ.

Но есть одна вещь — вѣрная. Она вотъ: если дѣйствительно ни русскіе ни японцы не предпримутъ зимой никакихъ дѣйствій, то величайшее сраженіе нашихъ временъ, произойдетъ въ началѣ мая мѣсяца между Мукденомъ и Ляояномъ. И тогда наконецъ русскіе побьются съ японцами равнымъ оружіемъ, и они могутъ побѣдить.

Шесть или семьсотъ тысячъ человѣкъ будутъ состязаться въ этой борьбѣ. Она, эта борьба, не рѣшитъ участи Кореи или Портъ-Артура, но по меньшей мѣрѣ покончитъ съ участью всей остальной Манчжуріи.

И послѣ этого гигантскаго напряженія, послѣ этого смертнаго боя, побѣдитель въ которомъ можетъ считать себя избранникомъ изъ высшихъ силъ, которыя управляютъ міромъ, — побѣжденный долженъ будетъ не стыдясь преклониться предъ рѣшеніемъ судилища, основаннымъ на гибели сотни тысячъ людей.

Въ это время оба противника развернутъ всѣ свои способности, всѣ свои средства, всю свою

энергію, и тотъ, кто побѣдитъ, по истинѣ будетъ, самый годный, самый способный и самый достойный назначенія быть владыкою азіатскаго міра.

Можетъ быть такъ же, что судьба не захочетъ произнести своего приговора; можетъ быть послѣдняя битва подъ Мукденомъ окажется не рѣшительной и возобновится весной разъ и много разъ; можетъ быть, послѣ грознаго столкновенія, подготовлявшагося всю зиму, оба противника сохранятъ свои прежнія позиціи?

Но тогда,—истощившись, будучи не въ состояніи дѣйствовать, побѣжденные оба, побѣжденные другъ другомъ,—они, наконецъ, должны будутъ оба подчинить разуму свои вожделѣнія и свой пылъ.

Паденіе Мукдена.

Токіо, май—іюнь 1905

Чья вина?

XIV

Основныя истины нужно кричать прежде всего: онѣ управляютъ судьбами исторіи; онѣ освѣщаютъ событія, какъ солнце освѣщаетъ землю.

Паденіе Мукдена—произошло ли оно благодаря неспособности Куропаткина, или благодаря низшему качеству русской арміи сравнительно съ японскою?

Такъ какъ Куропаткинъ зналъ недостатокъ единства между своими командирами корпусовъ; чувствовалъ расшатанность остова своей арміи; зналъ объ отсутствіи единой общей системы, единой общей направляющей мысли, то хотѣлъ отважиться на такую невыполнимую задачу, какъ

лично командовать на полѣ сраженія арміей въ четыреста тысячъ человѣкъ. Слишкомъ приблизившись къ дѣйствіямъ, онъ не могъ охватить ихъ всѣхъ; онъ не могъ больше видѣть „свое“ сраженіе, потому что захотѣлъ увидѣть его черезчуръ близко. И въ концѣ концовъ онъ надорвался и палъ.

11-го марта я попалъ въ плѣнъ и 18-го былъ доставленъ къ японскому главнокомандующему въ Янтай, то есть за двѣнадцать километровъ къ югу отъ позицій на Шахэ.

Въ то время какъ въ тылу отступающихъ русскихъ японская армія зашла уже на двадцать километровъ сѣвернѣе Мукдена, Ойяма и Кодама все еще пребывали въ этомъ отдаленномъ городкѣ. Оба великіе стратега, или скорѣе великіе сообразители движеній японскихъ армій знали о сраженіи лишь то, что доносили имъ по своему полевому телеграфу Ноги, Оку, Нодзу, Куроки и Кавамура. Баронъ Кодама принялъ меня не торопясь; онъ былъ спокоенъ и говорилъ безъ возбужденія.

Этотъ человѣкъ, умомъ котораго направлялось однако передвиженіе пяти армій, былъ спокоенъ какъ какой нибудь ученый въ своей лабораторіи.

Главнокомандующій!

За нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ сношеніи съ японскою арміей я отчетливо понялъ, что превосходствомъ своей стратегіи эта армія обязана совсѣмъ не геніальности начальника, и отнюдь не личному вдохновенію какого нибудь великаго полководца. Управляется она совсѣмъ не „великимъ человѣкомъ", а группой таланта, энергіи и воодушевленія. И этому соединенію,—этимъ личнымъ волямъ, соединившимся въ единую волю она обязана всѣмъ своимъ успѣхомъ.

Дѣло главнокомандующаго, какъ его понимаютъ японцы, не имѣетъ, можно сказать, никакого даже отдаленнаго сходства съ ролью, которую нѣкогда игралъ на полѣ сраженія Наполеонъ или даже Мольтке.

Выборъ плана дѣйствій больше не предоставляется исключительному наитію одного человѣка. Онъ является результатомъ совмѣстной работы самыхъ лучшихъ генераловъ арміи.

Эти послѣдніе продолжительно изслѣдовали каждое предположеніе, взвѣсили всѣ возможности, обсудили всѣ данныя, удалили одну за другой всѣ неточности и предусмотрѣли всѣ опасности. Въ концѣ концовъ они одобрили такой планъ, въ которомъ былъ предусмотрѣнъ весь рядъ измѣ-

ненiй, которыя могли оказаться необходимыми въ силу какого-нибудь предпрiятiя противника.

Матерiальная подготовка сраженiя такъ же больше не является дѣломъ одного человѣка. Тѣмъ болѣе сложная и тѣмъ болѣе обширная, чѣмъ предполагаемое сраженiе кажется должно быть длиннѣе и ожесточеннѣе, съ предвидѣнiемъ въ любой моментъ перейти въ быстрое наступленiе, — вся эта основная схема является дѣломъ группы.

Что касается осуществленiя общаго плана, то оно предоставляется начальникамъ отдѣльныхъ армiй, главнокомандующiй же, сидя далеко отъ дѣйствiй, въ центрѣ огромной телеграфической сѣти, и слѣдя за перипетiями дѣйствiй, вмѣшивается въ ихъ дѣла лишь какъ регуляторъ, обязанный слѣдить за совпаденiемъ и за точнымъ соотвѣтствiемъ ихъ дѣйствiй.

Успѣшность этого военнаго коллективизма объясняется нѣкоторыми очень благородными и почтенными качествами японской души. Если японецъ, черезъ край переполненъ чувствомъ своей личной отвѣтственности, до степени убѣжденности, что солдатъ, не исполняющiй своего долга, подвергаетъ опасности всю нацiю, то тотъ же японецъ, наоборотъ, не имѣетъ ни претензiй, ни даже

зародышей тщеславія. Ему достаточно быть хорошимъ слугою отечества. Для самого себя онъ не ищетъ славы. Всѣ его семейныя и общественныя воззрѣнія побуждаютъ его затеряться въ массѣ, и пожертвовать тѣломъ и душой личію націи. Если онъ хочетъ блистать, то только, какъ одинъ изъ камешковъ общественной мозаики. Онъ чувствуетъ себя только какъ часть цѣлаго.

Вотъ какимъ образомъ мысль, составленная изъ многихъ объединившихся мыслей, можетъ такъ счастливо направлять Манчжурскую кампанію, не вѣдая ни соперничества, ни ревности, ни той взаимной ненависти между генералами, которая на каждомъ шагу готова тормазить и ослаблять успѣхъ. Чтобы два генерала препирались изъ-за соперничества, нужно, чтобы они добивались одного и того-же титула или однѣхъ и тѣхъ же почестей. Японскіе же генералы для себя лично ничего не добиваются. Они думаютъ лишь объ увеличеніи славы Японіи; они думаютъ, какъ бы имъ лишь послужить отечеству, а не самимъ попользоваться на его счетъ.

Это сотрудничество, въ которомъ каждый только о томъ и помышляетъ, чтобы подчиняться всѣмъ къ вящему благу Японскаго отечества, этой единственной страны прошлаго и вѣчной дѣйствитель-

ности, каждый гражданинъ которой, отъ самаго высшаго до самаго послѣдняго, смотритъ на себя лишь какъ на преходящее явленіе.

Кто будетъ говорить о самопожертвованіи, о высокихъ качествахъ японскихъ начальниковъ? Эти военные подвижники, исключительно отдавшіеся своей жертвѣ, они въ славѣ націи находятъ достаточное удовлетвореніе за свои жертвы. Они все изучили, все предусмотрѣли, все устроили. Они ничего не предоставили случаю. Всѣ пламенно стремясь къ общей цѣли, всегда подчиняясь общему интересу и образуя такое сочетаніе волей которыя развиваются всѣ безъ всякаго взаимнаго тренія, какъ колеса превосходной машины,—они не столько жаждутъ обогнать или устранить какого нибудь соперника, сколько быть какъ можно полезнѣе своей странѣ; не столько пережить себя въ великихъ подвигахъ, какъ точно исполнить свою задачу, слѣдуя столь чистому и краснорѣчивому старинному французскому выраженію „честно служить". Самоотверженію до самоотреченія каждаго изъ этихъ людей, этому обобщенію всѣхъ воодушевленій и всѣхъ умовъ, страстному стремленію каждаго офицера и каждаго солдата должна быть обязана Японская армія своей сплоченностью, точностью своихъ движеній и безукоризненною согласованностью своихъ дѣйствій.

Главнокомандующій?

Кто знаетъ, что даже въ Европѣ сраженія будущаго, при необъятности приготовленій, которыя для нихъ потребуются; при сложности матеріальныхъ вопросовъ, которые будутъ ими затронуты; при огромности силъ, которыя они соберутъ и— пространства, которыя они охватятъ,—онѣ смогутъ намѣчаться и управляться только однимъ умомъ. Война будущаго, повидимому, должна будетъ отодвинуть на второй планъ всѣхъ кандидатовъ въ геніи, всѣхъ спасателей, хватовъ и помѣшанныхъ на Наполеонѣ. Безусловно возможно, что великія побѣды двадцатаго столѣтія будутъ выигрываться уже не какъ въ прошлыя времена, какимъ-нибудь блестящимъ вдохновеніемъ, а штабомъ, составленнымъ изъ внимательныхъ и осторожныхъ людей. Они явятся результатомъ не „орлинаго взгляда", а строгой системы и безукоризненнаго метода.

Въ огромныхъ битвахъ будущаго, гдѣ лишь вопросъ о доставкѣ снарядовъ составитъ задачу, все будетъ тщательно предусматриваться и организоваться сотрудничествомъ трудолюбивыхъ людей, такъ что въ рѣшительный моментъ случаи для какого нибудь генерала сыграть важную роль будутъ не такъ многочисленны, какъ прежде.

Нужно будетъ не столько стараться отличиться и выслужиться, сколько „честно послужить“.

* * *

Я повторяю это, что для того, чтобы заполнить отсутствіе единой системы и поддержать слабую согласованность между различными своими корпусами, Куропаткинъ, силясь лично командовать 400.000 человѣкъ,—взялъ на себя задачу выше человѣческихъ силъ.

Большинство изъ тѣхъ, кто теперь критикуетъ Куропаткина, сами, можетъ быть, сдѣлали бы не лучше его; многіе же—безконечно хуже. И „знатоки“, которые, не задумываясь, теперь бросаютъ презрительные отзывы о русской арміи и ея начальникахъ, лишь заслуживаютъ, вмѣсто всякаго отвѣта, простого пожатія плечами.

Если бы имѣли понятія о тѣхъ трудностяхъ, какія Куропаткинъ встрѣтилъ въ Манчжуріи, то согласились бы, что уже одна организація Мукденскаго лагеря, за девять тысячъ километровъ отъ Москвы, является результатомъ безпримѣрныхъ усилій.

Какъ при пораженіихъ такъ и при побѣдахъ все приписывается противнику, съ которымъ бьются, и препятствіямъ, какія должно было преодолѣть. И конечно для любого генерала больше

чести быть побѣжденнымъ въ Маньчжуріи японцами послѣ двадцати дневной битвы, чѣмъ мочь кичиться тѣмъ, что удалось въ двадцать минутъ обратить въ бѣгство какое нибудь голое негритянское племя въ экваторіальной Африкѣ.

XV

Способны ли господа критики, дать себѣ отчетъ въ томъ, что японскіе солдаты, тщательно усвоивъ себѣ военные принципы наиболѣе передовыхъ армій, въ то же самое время воодушевлены такимъ патріотическимъ пыломъ, который побуждаетъ ихъ смотрѣть на мысль о своей собственной смерти, какъ на случай ничтожнѣйшаго значенія. Герои бываютъ во всѣхъ арміяхъ. Но много ли есть въ Европѣ такихъ армій, чтобы вся масса ихъ была охвачена неизсякаемымъ героизмомъ?

На полѣ сраженія японскій солдатъ является такъ же хорошо вооруженнымъ и такъ же хорошо обученнымъ, какъ наилучшій французскій или нѣмецкій солдатъ, но кромѣ того онъ весь проникнутъ спиритуалистическими вѣрованіями, своего рода національнымъ мистицизмомъ, смыслъ котораго съ трудомъ можетъ разгадать западный человѣкъ. Какъ истинная психологическая загадка,

истинное соціологическое чудо, японскій солдатъ представляется мнѣ бойцомъ исключительной мощи.

Знаютъ ли господа критики, что несчастный Куропаткинъ со своими помощниками въ февралѣ 1905 года, совсѣмъ какъ въ августѣ 1904 года, были абсолютно лишены свѣдѣній о численности и расположеніи Японскихъ армій. Они получали извѣщенія, но къ несчастью, эти свѣдѣнія всегда были лживыми. Дьявольская ловкость, съ какою высшій японскій главный штабъ опять умѣлъ скрыть отъ русскаго главнокомандующаго свое сосредоточеніе, мнѣ кажется была однимъ изъ рѣшающихъ элементовъ всей войны. Послѣ Мукдена я самолично могъ убѣдиться, какимъ всепредусматривающимъ предосторожностямъ обязаны были хитрые японцы возможностью закончить всѣ свои приготовленія въ непроницаемой атмосферѣ тайны. И вспоминая о халатности и неизлѣчимой беззаботности ихъ противниковъ я думалъ: Бѣдные русскіе!

Побѣда, правда, иногда колебалась во время мартовскаго сраженія. Почему же русскіе, опираясь на свои окопы на югѣ, не могли сумѣть отрѣзать армію Ноги во время его отважнаго марша? Зачѣмъ было нужно, чтобы столько необычайныхъ приготовленій, столько фортифика-

ціонныхъ работъ, столько выстроенныхъ мостовъ, проложенныхъ дорогъ, построенныхъ запасныхъ путей, столько накопленнаго провіанта, столько перенесенныхъ трудовъ, столько пожертвованныхъ жизней, столько всего этого привело лишь къ разгрому?

Всякій разъ, когда наблюдатель маньчжурской драмы, пытается оформитъ свое мнѣніе по одному изъ вопросовъ этого рода, его умъ теряется въ головокружительной путаницѣ причинъ и слѣдствій. И подъ конецъ онъ находитъ лишь одного виновнаго: русскій режимъ.

Если-бы неожиданно какой нибудь вліятельный генералъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ мукденской арміи, то ему прежде чѣмъ осмѣлиться примѣнить на полѣ битвы, годные для одержанія побѣды пр іемы, ему было бы необходимо попробовать преобразить свою армію духовно, матеріально, радикально. Ему бы нужно было сдѣлать ее другою.

Но онъ скоро бы замѣтилъ, что въ нѣсколько недѣль или въ нѣсколько мѣсяцевъ не передѣлаешь такихъ людей, которые пропитаны, перенасыщены злосчастнымъ наслѣдствомъ. Онъ бы понялъ, что нельзя дать новую душу, современную душу, такимъ крестьянамъ, предки которыхъ

въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ лишены были права знать и мыслить; которымъ запрещена была всякая иниціатива, которыхъ мозгъ былъ сведенъ закономъ въ ничто и которые изъ рода въ родъ прозябали, скорѣе напоминая животныхъ, чѣмъ людей.

Русскіе люди и русскіе солдаты остались тѣмъ, чѣмъ были въ 1850 году; война измѣнилась. Вотъ почему японцы и вступили въ Мукденъ. Разумѣется, не физическихъ качествъ недостаетъ въ русской арміи. Очень дерзокъ былъ бы также и тотъ, кто осмѣлился бы обвинить ее въ томъ что она не проявила достаточно мужества. Она завѣдомо зря проявляетъ такую неустрашимость, которая ошеломляетъ. Солдаты ея умираютъ съ поразительной покорностью. Но, увы! когда же освободится она отъ своего безпечнаго фатализма, который гибель предпочитаетъ борьбѣ и смерть—напряженію.

Русской арміи недоставало для побѣдъ лишь умственныхъ качествъ. Вооруженная пушками и снарядами лучше, чѣмъ у непріятеля и чаще всего успѣшно сражавшись оборонительно, она однако постоянно оказывалось побѣжденной, потому что ея офицера и ея солдаты хуже офицеровъ и солдатъ японскихъ, не по храбрости, а по уму, по воспитанію, по воодушевленію.

Настоящая война это торжественно подтверждаетъ: офицеръ теперь уже долженъ быть не „веселымъ мушкетеромъ“, а военнымъ подвижникомъ, вѣчно жаждущимъ увеличить свои военныя познанія; солдатъ больше не долженъ быть пассивной вещью, которую какъ автоматъ, какъ комъ пушечнаго мяса, толкаютъ впередъ; нѣтъ, а пламеннымъ и мыслящимъ созданіемъ, которое разъ получило приказаніе, то способно осуществить его точно и ловко.

Армія есть порожденіе націи, и армію не реформируютъ иначе, какъ реформируя націю, продуктомъ которой она является. Русскій народъ можетъ столько же и даже больше всякаго другого народа проявить ума и энергіи. И если большинство русскихъ офицеровъ всегда готово умереть, то оно же рѣдко готово поработать; и если они, въ ожиданіи момента, когда имъ нужно итти и жертвовать собою, только и думаютъ о томъ, чтобы пожить безъ заботъ, безъ хлопотъ, безъ труда; это, несомнѣнно, потому, что за очень долгій періодъ ихъ политическій строй ослабилъ ихъ добрыя наклонности, презирая трудолюбивыхъ, подозрѣвая стоющихъ людей, и очень часто предоставляя высокія должности любимцамъ, интриганамъ, развратникамъ и глупцамъ.

Если солдаты обладаютъ лишь такими качествами, какъ покорность, пассивное упорство и стойкость, то отчасти потому, что ихъ обучали, слѣдуя военнымъ правиламъ, видимо, восходящимъ къ эпохѣ Крымской войны и совершенно не измѣнявшимся со времени введенія скорострѣльнаго и дальнобойнаго вооруженія; но также и въ особенности потому, что такимъ людямъ, которымъ систематически запрещается пользоваться своей мыслью, своей волей и своей свободой, такіе люди не могутъ, какъ по магіи, превратиться въ ловкихъ предпріимчивыхъ и дѣйствительно годныхъ для современнаго наступленія бойцовъ.

Да, это вѣрно, при оборонѣ подъ Мукденомъ какъ и подъ Ляояномъ русскія войска, зарывшись въ свои траншеи, проявили традиціонную стойкость. Но всякій разъ, когда имъ приходилось выходить изъ своихъ окоповъ и бросаться впередъ въ аттаку или контраттаку, они оказывались не въ состояніи прорвать непріятельскую линію, и это просто потому, что они наступали, слѣдуя методамъ, которые уже тридцать лѣтъ какъ оставлены всѣми современными арміями. Ихъ бы обучить по другому? Возможно ли это?

Въ серединѣ года одинъ знатный военный агентъ, удивляясь, что никогда не видѣлъ, чтобы

русскіе офицеры обучали своихъ солдатъ, усердно просилъ одного корпуснаго командира дать ему возможность присутствовать при какомъ-нибудь маневрѣ. Благодаря настойчивости онъ добился благосклоннаго отвѣта, и нѣсколько русскихъ батальоновъ на его глазахъ продѣлали цѣлый рядъ упражненій, которыя оказались вышедшими изъ моды еще въ 1870 году. А въ сраженіи на Шахэ этотъ иностранный офицеръ съ изумленіемъ увидѣлъ какъ тѣ же самыя движенія продѣлывались подъ непріятельскимъ огнемъ: и русскія колонны, наступавшія сомкнутымъ строемъ, были смяты раньше, чѣмъ они могли достигнуть японцевъ.

Съ арміей, проникнутой такими отсталыми принципами, могъ ли Куропаткинъ сдѣлать что-нибудь лучше того, что онъ сдѣлалъ?

Но не Куропаткина — главнокомандующаго нужно тутъ винить; нѣтъ, а скорѣе Куропаткина—прежняго военнаго министра, виноватаго въ томъ, что задолго до открытія непріязненныхъ дѣйствій онъ не настоялъ ввести въ управляемую имъ армію такія полевыя упражненія, которыя лучше отвѣчаютъ потребностямъ современной войны.

Однажды, будучи безучастнымъ очевидцемъ одной изъ такихъ безполезныхъ гекатомбъ, я

спросилъ молодого блестящаго офицера, почему русскій главный штабъ вопреки всякой логикѣ упорствуетъ на своемъ, бросая свои войска въ аттаку сомкнутымъ строемъ?

— Это потому,—сказалъ мнѣ спрошенный,— что мы должны считаться со взглядами нашего солдата. Этотъ несравненный защитникъ позицій совсѣмъ не обладаетъ наступательнымъ духомъ. Онъ мало способенъ къ личной дѣятельности. Чтобы итти на непріятеля, ему нужно чувствовать, что онъ составляетъ часть массы, что имъ управляютъ, онъ на міру, окруженъ своими, съ нимъ идутъ, ему помогаютъ, что онъ не предоставленъ самому себѣ. Тогда онъ со своимъ фатализмомъ, со своимъ духомъ безропотной покорности, своимъ инстинктомъ согласія, онъ наступаетъ—безъ колебаній, локоть къ локтю со своимъ товарищемъ, непоколебимый до самой смерти, подъ самымъ ужаснымъ огнемъ непріятеля. Но тотъ же самый солдатъ, если его предоставить самому себѣ въ моментъ аттаки, если его широкими промежутками отдѣлить отъ его сосѣдей, если сказать ему пользоваться мѣстностью, ползти, прыгать, укрываться, дѣлать себѣ прикрытіе въ любой бороздѣ, за любымъ камнемъ, словомъ дѣйствовать такъ, какъ изумительно умѣетъ это любой японецъ, и

какъ это продѣлаютъ французы или нѣмцы,— тогда онъ не найдетъ въ себѣ ни желанія, ни опытности, ни предпріимчивости, ни даже необходимой подвижности. Онъ не справится, заколеблется, онъ будетъ сбитъ съ толку, не пойметъ, и можетъ быть, не сумѣетъ. Что вы хотите? У каждаго народа есть свои достоинства и свои недостатки!

Эти мысли, которыя я было забылъ, теперь упорно возстаютъ въ моей памяти, когда я въ самомъ Токіо услышалъ слѣдующія разсужденія одного японскаго полковника, раненаго на западѣ отъ Мукдена:

— Мы храбры, это правда; но если быть храбрымъ состоитъ въ томъ, чтобы безъ содроганія итти на встрѣчу вѣрной гибели, то русскіе храбрѣе насъ; потому что они сомкнутымъ строемъ ходятъ въ аттаку на наши позиціи, стоя, не стараясь спрятаться, не стараясь избѣжать смерти. Мы японскіе офицеры, если бы даже захотѣли добиться отъ нашихъ солдатъ, чтобы они такъ шли на непріятеля, то мы съ трудомъ бы добились повиновенія, до такой степени у нихъ заложено въ инстинктѣ постараться воспользоваться для своего укрытія малѣйшей кочкой земли, малѣйшей ямкой, малѣйшимъ бугоркомъ, если только

они окажутся. Да, съ этой точки зрѣнія русскіе храбрѣе насъ. Когда они насъ аттакуютъ, то словно лишь для того, чтобы погибнуть. Къ счастью, наша храбрость полезная, а ихъ храбрость менѣе полезная.

Соблаговолите перечитать оба эти заявленія сдѣланныя почти въ одно время двумя героями Мукдена, и вы поймете смыслъ послѣдняго сраженія. Русскіе были постоянно побиты, потому что они никогда не производили аттаку и не бросались въ контръ-аттаку, слѣдуя методамъ, употребляемымъ современными арміями. Предъ скорострѣльными ружьями и пушками они наступали точно такимъ же манеромъ, какъ ихъ дѣды дрались въ Крыму или съ турками.

Я знаю теперь это несомнѣнно, что съ 4-го по 10-е марта ихъ жестокія контръ-аттаки противъ арміи Ноги, къ западу отъ Мукдена, могли бы удасться много разъ. Производимыя огромными силами противъ очень растянутой и мѣстами очень жидкой линіи, они подвергали ее огромной опасности. Каульбарсъ непремѣнно побилъ бы Ноги, если бы его тяжелые батальоны ходили въ аттаку не такимъ способомъ, который осуждалъ на гибель половину ихъ силъ, раньше чѣмъ они могли начать ударить по непріятелю.

Мукденъ палъ потому, что русскій солдатъ—солдатъ несовременный. И несовременный солдатъ онъ потому, что человѣкъ русскій—человѣкъ несовременный. И русскій человѣкъ—несовременный потому, что сдѣлаться ему такимъ не позволяетъ русская политическая система.

Мнѣ конечно грустно оказаться теперь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій и вдали отъ этой русской арміи, къ которой я питаю симпатію, порожденную изумленіемъ и въ то же самое время жалостью. Но съ другой стороны, во время моего краткаго плѣна я узналъ столько вещей, сдѣлалъ столько замѣтокъ въ Мукденѣ у генерала Оку, въ Янтаѣ у генерала барона Кодамы, въ Ляоянѣ, въ Дальнемъ на транспортѣ „Авамару“, въ главной квартирѣ плѣнныхъ въ Шидзуоку, и, наконецъ, въ Токіо,—что я смотрю теперь на моментъ, въ который я попалъ въ плѣнъ, какъ, если не на одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, то по меньшей мѣрѣ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ во всей моей карьерѣ.

Попавъ неожиданно въ японскую армію, я невольно открылъ всѣ „потому что“ къ цѣлой безднѣ „почему?“ Настоящая правда предстала предо мной лицомъ къ лицу, и я долженъ былъ преклониться предъ ея величіемъ.

Есть два необходимыхъ условія, чтобы писать о войнѣ: первое это не подчиняться никакому контролю цензуры; второе—имѣть возможность наблюдать обѣ воющія стороны. Кто остается исключительно съ одной изъ двухъ армій, онъ кончаетъ тѣмъ, что слишкомъ начинаетъ ее любить и привыкаетъ къ ней. Понемногу всѣ недостатки ея онъ будетъ считать за достоинства, ея безпечность—за хладнокровіе; самохвальство—за самоотверженность; нерѣшительность—за вдумчивость и хмѣльность—за хорошее настроеніе.

Что касается меня, то, указавъ, до какой степени качества японскаго офицера и солдата проистекаютъ отъ ихъ качества человѣка и патріота,—я долженъ вспомнить, что у русскихъ бойцовъ патріотизмъ часто отравленъ расовой ненавистью и мнѣ думается, что ихъ режимъ, запрещая имъ мыслить, запрещаетъ имъ и быть людьми.

11-го марта въ полдень я смотрѣлъ, какъ японскія войска вступали въ Мукденскія массивныя и мрачныя, какъ декораціи трагедіи, ворота. Объятый чѣмъ то вродѣ ужаса предъ пораженіемъ я не могъ оторваться отъ скорбныхъ размышленій.

Чья вина?—думалъ я.

Чья вина?

И мое воображеніе, блуждая по фантастиче-

скимъ линіямъ манчжурскихъ стѣнъ, неудержимо грезило предъ собой контурами кремля.

Государь, сдѣлайте изъ вашихъ запуганныхъ мужиковъ мыслящихъ людей, изъ вашего человѣческаго стада—человѣческое общество; прикажите, что-бы масса русскаго народа не держалась больше въ унизительномъ обскурантизмѣ; сдѣлайте изъ вашихъ поданныхъ гражданъ; изъ вашей Имперіи націю, дайте русскимъ права, чтобы они чувствовали себя отвѣтственными; прикажите, чтобы были открыты имъ врата умственной и общественной жизни; и они взамѣнъ дадутъ вамъ первую армію въ мірѣ.

Дурные признаки

XVI

Возстановить Мукденскую битву. Это было бы хорошо, но это невозможно. Если бы захотѣли за такой историческій трудъ, сложивъ оружіе, взяться Куропаткинъ и Ойяма, то имъ на это пришлось бы посвятить много недѣль усидчиваго труда; они бы объѣхали вмѣстѣ то необъятное кладбище, гдѣ тысячи героевъ спятъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, изъ-за обладанія которыми они низвели другъ друга въ вѣчность.

Потомъ оба главнокомандующіе должны бы были на каждомъ шагу разспрашивать своихъ начальниковъ армій, своихъ корпусныхъ командировъ, дивизіонныхъ и все таки иногда еще колебались бы опредѣлить истину.

Возстановятъ Мукденское сраженіе лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда послѣ прочтенія составленныхъ обоими главными штабами оффи-

ціальныхъ донесеній также можно будетъ сопоставить разсказы и показанія всѣхъ начальниковъ, которые командовали здѣсь войсками. Тогда только можно будетъ узнать истину по главному вопросу о числѣ противопоставленныхъ силъ. Возьмемъ смѣлость сказать, что черезъ мѣсяцъ послѣ сраженія, вопреки нашимъ разслѣдованіямъ этотъ вопросъ остается для насъ покрытымъ тайной.

Въ теченіи двадцати дней на протяженіи фронта около 150 километровъ дрались 700.000 человѣкъ и гремѣло 3.000 пушекъ. Что такое какой нибудь военный агентъ? Что такое какой нибудь журналистъ, затерявшійся въ столь ужасномъ уraганѣ? Что можетъ онъ знать? Онъ можетъ знать лишь то, что ничего не знаетъ. Ничего не знаютъ солдаты, которые дерутся передъ нимъ; ничего не знаютъ полковники, которые управляютъ этими солдатами; мало что знаютъ корпусные командиры; и начальники армій, хотя у нихъ болѣе 100.000 человѣкъ въ ихъ распоряженіи, знаютъ лишь то, что присходитъ на пространствѣ третьей доли поля сраженія. Что касается главнокомандующаго, то онъ неприступенъ, не находимъ, не видимъ. Поглощенный тѣмъ умственнымъ напряженіемъ, которое необходимо ему, чтобы попытаться охватить все поле сраженія, онъ съ безпо-

койствомъ думаетъ о томъ, что знаетъ очень мало въ сравненіи съ тѣмъ что, ему слѣдовало бы знать.

Это было множество Іенъ, Аустерлицовъ, множество Ватерлоо, слившихся, и нераздѣлимыхъ.

Въ горахъ и на равнинахъ, на льду рѣкъ и въ сугробахъ долинъ, подъ громовержущими и бамбардируемыми фортами и въ чистомъ полѣ, день и ночь во время Мукденскаго сраженія являлась война, въ самыхъ сложныхъ своихъ видахъ, предлагая сразу всѣ свои задачи, пуская въ состязаніе безчисленность съ безпредѣльностью, и покрывъ такое пространство, какое всадникъ не проскачетъ галопомъ въ двадцать четыре часа.

Бываютъ такіе, которые, когда будутъ составлять свои краснорѣчивыя повѣствованія, то смогутъ потомъ, благодаря счастливому дѣйствію самовнушенія, вообразить, что видѣли все это своими глазами, хотя, можеть быть, только слышали разсказы. Мы будемъ скромнѣе. Наши чувства и мысли ограничены. Тонущій, который бьется среди бушующихъ волнъ, не силится захватить подъ себя все безпредѣльное море.

Пораженіе подъ Мукденомъ все цѣликомъ объясняется тѣмъ, что ему предшествовало. Набросать вкратцѣ, какова была жизнь арміи въ

январѣ и февралѣ—это единственное средство дать понять мартовскіе дни.

* * *

Какъ послѣ каждаго своего неуспѣха русскіе во время долгаго періода бездѣятельности, слѣдовавшаго за нерѣшительной битвой на Шахэ, мало по малу пріободрились; подновленная и безпрестанно подкрѣпляемая армія зарубцовала свои раны, забыла своихъ умершихъ и... улыбнулась.

У нашихъ друзей имѣются достоинства даже въ недостаткахъ. Я убѣдился, что то, что̀ должно бы ихъ раздражать, имъ часто кажется безразличнымъ. Но именно это безразличіе, эта даже апатія и даетъ имъ почти неизсякаемую силу поправляться и возобновляться; необычайную способность наверстывать. Это ихъ ставитъ такъ сказать внѣ всякаго соперничества.

Хорошее настроеніе мало по малу сообщилось и тѣмъ, которые жили бокъ о бокъ съ ними. Что касается меня, то мучимый ставшей неотступною добросовѣстностью, я иногда задавалъ себѣ вопросъ, всегда ли я правильно освѣдомлялъ моихъ читателей. Я думалъ, что можетъ быть нетерпѣніе ожиданія, вопреки мнѣ самому, омрачало мои впечатлѣнія и побуждало меня казаться черезчуръ пессимистомъ. По какому праву избралъ я себѣ

всегда несимпатичную роль злого вѣщуна? Правда, съ самыхъ первыхъ сраженій всѣмъ иностранцамъ стало ясно, что армія русская—армія отсталая. Всѣ увидѣли, что русскіе не только ни къ какому сроку не готовили маньчжурскую кампанію, но даже можно было усомниться, что бы они когда нибудь, до начала враждебныхъ дѣйствій, пытались составить себѣ ясное представленіе о томъ, что такое будетъ въ двадцатомъ вѣкѣ война противъ великой державы.

Ихъ странное пользованіе артиллеріей подъ Вафангоу, старинные пріемы пѣхоты въ другихъ сраженіяхъ,—все это обнаружило, что со времени введенія скорострѣльнаго вооруженія въ Петербургѣ ни разу не собрался никакой высшій совѣтъ, что бы изслѣдовать не время ли отказаться отъ традицій, изъ которыхъ многія восходили ко временамъ Суворова, и перейти къ новымъ методамъ сраженій. Въ одной изъ моихъ прежнихъ статей я указывалъ съ особеннымъ удареніемъ на то, что русскій пѣхотинецъ вѣчно ходитъ съ примкнутымъ къ ружью штыкомъ. Въ началѣ 1904 года начальники армій вѣрили, что огонь, хотя бы онъ былъ доведенъ до крайняго напряженія, все таки можетъ быть подавленъ массовымъ ударомъ холоднымъ оружіемъ. Впрочемъ это

мнѣніе огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ поддерживалось открыто въ началѣ войны. Но въ январѣ 1905 года каждый уже думалъ, что русскіе должны воспользоваться опытомъ, пріобрѣтеннымъ со времени Вафангоу и Тюренчена. Ихъ артиллерія уже безпредѣльно ушла впередъ. Подъ Ляояномъ ее видѣли, какъ ловко она была скрыта и наносила ужасныя потери японцамъ, одно время даже дрогнувшимъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вся армія сумѣла бы докончить свое просвѣщеніе. Только наблюдая она могла бы возвыситься до новыхъ идей. Ея офицерамъ лишь оставалось бы „константировать" истину.

Во всякомъ случаѣ у всякаго народа есть свои черты. Но значеніе имѣютъ лишь конечные результаты. Великіе историческіе примѣры именно и доказываютъ, что армія русская никогда неучилась воевать иначе какъ на войнѣ. И армія 1905 года не была бы очевидно похожа на армію 1904 года. Воображали, что она скоро будетъ многочисленнѣе, чѣмъ японская армія, а такъ какъ она такъ же мужественна и притомъ, будучи все битой, научилась конечно и бить, то почему же она не побѣдитъ? Видѣли, какъ на позиціи втаскивали тяжелую артиллерію и шептались, что

число русскихъ орудій уже много превзошло число орудій японскихъ. Прибывали новые корпуса. Ихъ тяжелый маршъ производилъ ободряющее впечатлѣніе. Предстояло прибытіе Гриппенберга. Кто такое былъ этотъ Гриппенбергъ? Будучи спрошены большинство офицеровъ отвѣчали, что они ничего не знаютъ. Нѣкоторые увѣряли, что это настоящій ученый генералъ, призванный за свою талантливость и по обстоятельствамъ высшихъ соображеній.

Эти благосклонныя предуказанія увлекали наблюдателя не считаться съ нѣкоторыми „мелкими фактами", шедшими въ разрѣзъ. Къ несчастью, чтобы сопоставить здѣсь эти характерные „мелкіе факты", пришлось бы посвятить имъ множество страницъ, а я между тѣмъ спѣшу дойти до Мукденской эпопеи. И я ограничусь выпиской лаконическихъ замѣтокъ изъ маленькой записной книжки, прося васъ извинить ихъ немного отрывочную форму.

Изъ записной книжки

XVII

1 Января. Невѣроятная, но увы, слишкомъ подтвержденная исторія. Находившаяся въ одномъ мукденскомъ предмѣстьи лавочка одного французскаго купца во время ночи подверглась нападенію четырехъ казаковъ. Въ виду угрозы настоящаго грабежа купецъ пытался умилостивить своихъ насильниковъ предложеніемъ выпивки. Но они требовали денегъ. Проходившіе двое офицеровъ хотѣли прогнать мародеровъ; но тѣ тутъ же набросились на офицеровъ съ шашками и заставили ихъ очистить мѣсто. Затѣмъ казаки набросились на лавочника, который, видя свою жизнь въ опасности, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья. Два казака упали, тогда остальные ушли. Боясь мщенія ихъ товарищей нашъ соотечественникъ немедленно бѣжалъ на нейтральную территорію въ Синминтинъ. Теперь онъ въ Тяньтзинѣ. Этотъ случай напомнилъ мнѣ,

какъ меня самого солдаты схватили во время сраженія на Шахэ; я попросилъ проходившаго офицера познакомиться съ моими удостовѣреніями; прочитавъ ихъ, онъ далъ приказаніе, чтобы меня отпустили. Солдаты съ сожалѣніемъ повиновались, смотря на своего начальника съ такимъ злобнымъ и вызывающимъ видомъ, словно они сомнѣвались въ его разсудкѣ и его честности.

3 января. Повидимому, въ русской арміи имѣется относительно высокій процентъ офицеровъ, которые, будучи лично храбрыми, проникнуты смутнымъ гуманизмомъ и болѣе или менѣе сознательными толстовскими идеями. Они разсуждаютъ скорѣе какъ философы или филантропы, чѣмъ солдаты. Однажды на баттареѣ центра какой-то офицеръ мнѣ говоритъ: „Намъ приказано ежедневно производить опредѣленное количество пушечныхъ выстрѣловъ по направленію непріятельскихъ позицій. Мы ихъ стрѣляемъ. Это ни къ чему не служитъ. Такимъ образомъ мы тратимъ огромное количество снарядовъ. Сколько денегъ поглотила эта проклятая война! Что денегъ, на которыя можно было бы сдѣлать столько добра! А наши мужики въ Россіи мрутъ съ голоду!“ Этотъ же гуманизмъ поработилъ духъ и двухъ или трехъ генераловъ. Ихъ узнаютъ потому, что

всегда готовые не щадить самихъ себя, они приходятъ въ ужасъ при видѣ гибели ихъ людей. Они вяло вели нѣкоторыя операціи лишь изъ преувеличенныхъ опасеній, чтобы не рисковать легкомысленно кровью своихъ солдатъ. Они не могли удержаться, чтобы не смотрѣть на эту войну, какъ на грустную авантюру; въ ихъ глазахъ всякій убитый солдатъ есть жертва. Изъ всѣхъ заключеній, какія можно вывести въ Манчжуріи, рѣшительно самое вѣрное слѣдующее. „Чего въ особенности недостаетъ русской арміи, это сознанія, что она служитъ справедливому дѣлу, почетному дѣлу, которому все должно быть пожертвовано, ради котораго каждый отъ генерала до солдата добровольно принесетъ наибольшую, на какую только онъ способенъ, затрату своихъ силъ".

Чего ей недостаетъ? Это—желанія побѣды.

3 января. Мищенко заготовляетъ кавалерійскій набѣгъ въ равнину Ляо. Относительно этой экспедиціи должно хранить строжайшій секретъ. На дѣлѣ—о ней говорятъ всѣ. Капитанъ X говоритъ мнѣ: „Скоро мы сможемъ купить себѣ въ Ньючуангѣ сигаръ". Русскіе—большіе дѣти и большіе болтуны.

3 января. Одинъ вѣрный другъ встрѣтилъ поступившаго волонтеромъ въ отрядъ Мищенко

французскаго лейтенанта Бюртэна. Бюртэнъ съ ожесточеніемъ зубритъ русскую грамматику. Нѣкоторые русскіе офицера, видя его вѣчно съ книгами и картами въ рукахъ, считаютъ его типомъ, немного рехнувшимся. Въ Манчжурію Бюртэнъ явился полнымъ восторга къ русской арміи. Сегодня онъ сказалъ: „Русскіе — славные ребята. Жаль лишь, что ихъ единственное наслажденіе глотать спиртъ. Съ ними нельзя иначе сойтись, если не со стаканомъ въ рукахъ. Алкоголь мнѣ туманитъ мозгъ. Я долженъ воздерживаться его пить.“ Бюртэнъ также сказалъ: „Въ русской арміи много халатности; много потеряныхъ силъ; такая, какой ее вижу, она едва можетъ считаться европейской арміей. Но ея основы добрыя. Нѣсколько реформъ, и эта армія будетъ неодолима“.

3 января. Съ нѣкотораго времени офицера говорятъ: „Разъ Портъ-Артуръ взятъ, безполезно продолжать эту войну.“ А одинъ штабный подполковникъ произнесъ однажды слѣдующія слова въ откровенномъ тонѣ интимнаго чувства надежды: „Можетъ быть, когда взятъ будетъ Портъ-Артуръ, Японцы сдѣлаютъ мирныя предложенія!“ Слѣдуетъ такъ же замѣтить другое выраженіе: „Японцы научили насъ воевать. Мы не умѣли

сражаться. А теперь мы умѣемъ и кончимъ тѣмъ, что побѣдимъ ихъ.“

4 января. Говорятъ, что изъ Портъ-Артура имѣются дурныя вѣсти. Идетъ слухъ, что одна телеграмма, отправленная Стесселемъ къ Куропаткину, увѣдомляетъ объ очищенiи города. Положенiе безнадежное. Гарнизонъ отступилъ на Ляотешанскiй полуостровъ.

5 января. Говорятъ, что Портъ-Артуръ сдался. Завтра празднуютъ русское Рождество. Въ лагеряхъ готовятся большiя торжества. Ночью 5 числа въ штабѣ одного корпуса всеобщее веселье. Развалюшки китайской деревни были всѣ иллюминованы лампiонами. Былъ балъ. Полковая музыка разыгрывала веселые мотивы, подъ звуки которыхъ многiе офицера и сестры милосердiя изъ сосѣдняго госпиталя, нѣжно обнявшись, танцовали отъ всего сердца. На этотъ ночной праздникъ смотрѣла толпа китайцевъ. А непрiятель въ трехъ километрахъ и могъ бы открыть огонь. Послѣ бала—ужинъ и большой кутежъ. Дивиться ли такому хладнокровiю? Или осудить подобное легкомыслiе?

6 января. Русское Рождество. Ясный день. Солнечное великолѣпiе при прозрачности морозной атмосферы. Тишь невозмутимая. На позицiяхъ

ни одного пушечнаго выстрѣла. Всѣ лагери гремятъ пѣснями, ура, радостными кликами. Солдаты украсили входъ въ землянки вѣтвями ели. Они хлопочутъ. Я никогда не видѣлъ ихъ такими занятыми. Съ самаго начала я думалъ, что до нихъ еще не дошли слухи, касаюшіеся сдачи Портъ-Артура. Но въ этомъ я ошибся. Они знаютъ. Но я думаю, что они слишкомъ невѣжествены, слишкомъ некультурны, чтобы понимать значеніе этого событія, или еще возможнѣе, что имъ безразлично все, что ихъ не затрогиваетъ лично. Надо осмѣлиться написать настоящее слово: „Имъ на это наплевать.“ По выходѣ изъ цензуры я зашелъ на минутку въ буфетъ на станціи. Я былъ пораженъ царившей сегодня въ этомъ мѣстѣ тишиной, хотя тамъ, какъ всегда, офицеровъ было набито. Очевидно большая часть этихъ славныхъ людей угнетена мыслью о катастрофѣ. Я разговариваю въ одной группѣ съ пріятелемъ. Опять убійственное размышленіе. „Къ чему продолжать драться? Война проплевана.“ Я снова изумленъ, убѣждаясь, что нѣкоторые офицера съ трудомъ могутъ скрывать сильную радость всякій разъ, когда ихъ постигаетъ неудача. Одни изъ нихъ непримиримые поляки, а другіе революціонеры, говорящіе, что „Японцы сражаются за свободу русскаго народа.“

Я однимъ разомъ больше пораженъ численностью и враждебностью расъ этой арміи. Когда увидишь въ одинъ день, какъ идутъ поляки, нѣмцы, финны, евреи, кавказцы, киргизы, или буряты, то невольно спросишь: „гдѣ же Русскіе?“

(Замѣтка добавленная въ Японіи. Я узналъ, что когда паденіе Портъ-Артура стало извѣстно въ кварталѣ русскихъ плѣнныхъ, то поляки закричали „Банзай!“; фактъ, которымъ японцы были очень скандализованы).

8 января. Всѣ атташе, которые объѣзжали лагери, свидѣтельствуютъ о достиженіи серьезнаго прогресса. Съ нѣкоторыхъ поръ войска производятъ ежедневныя ученія.

11 января. Оффиціальная газета арміи категорическимъ образомъ еще не возвѣстила о сдачѣ Портъ-Артура. Новость эту теперъ однако знаютъ всѣ. Начинаютъ уже ожесточенно критиковать Стесселя. Одинъ штабный офицеръ мнѣ объяснилъ, что когда было рѣшено назначеніе военнаго губернатора въ Портъ-Артуръ, то Алексѣевъ опасаясь, что бы это лицо не могло сдѣлаться опаснымъ для него соперникомъ, заставилъ назначить на этотъ постъ генерала Стесселя, спеціально потому, что онъ считалъ его ничтожествомъ и безхарактернымъ. Мой собесѣдникъ добавилъ:

Это современный русскій методъ. Глупцы и негодяи пристраиваются другъ черезъ друга. Сообща они добираются до высшихъ чиновъ. Горе людямъ таланта, людямъ неподкупнымъ! Ахъ! Свиньи! Они ихъ тормазятъ; они ихъ замараютъ. Они имъ устроятъ скандалъ. И ихъ высадятъ; имъ отрѣжутъ путь. Нашей военной системѣ, очевидно, необходима коренная реформа. Но такая реформа можетъ быть только послѣдствіемъ реформы нашихъ политическихъ нравовъ, и полнѣйшаго обновленія Россіи".

15 января. Одинъ европейскій коммерсантъ на улицахъ Мукдена былъ ограбленъ русскою полиціей. Въ сотый разъ я слышу разсказы о маленькихъ отрядахъ казаковъ, которые бродятъ по дорогамъ, останавливаютъ китайскія повозки и отпускаютъ ихъ лишь взявъ выкупъ. Это подтверждается моими личными наблюденіями.

16 января. На почтѣ я снова пораженъ значительнымъ числомъ унтеръ-фицеровъ и солдатъ, которые каждый день отправляютъ въ Россію небольшія суммы денегъ, колеблющіяся въ среднемъ между пятью и тремя рублями. Откуда являются эти деньги? Я спрашивалъ объ этомъ у многихъ лицъ, которыя должны бы это знать, но они не могли мнѣ отвѣтить.

16 января. Провелъ два часа въ лавочкѣ устроившагося въ Мукденѣ европейскаго купца. Безпрерывное шествіе офицеровъ: „У васъ есть шампанское?“ „У васъ есть коньякъ?“ Шампанское и коньякъ! Они ничего не покупаютъ кромѣ этого. А тѣ, кто не покупаетъ ни шампанскаго ни коньяку, тѣ спрашиваютъ игральныя карты. Увы! да, играютъ много; и играютъ крупно въ маньчжурской арміи. Къ чему скрывать, что знаютъ всѣ? Офицеръ играетъ потому, что скучаетъ. Онъ скучаетъ потому, что его совсѣмъ не поддерживаетъ никакой внутренній пылъ.

18 января. Встрѣтилъ грека торговца, свѣдѣнія котораго мнѣ часто казались точными. Проживъ долгое время въ Россіи, онъ можетъ точнѣйшимъ образомъ понимать разговоръ простыхъ солдатъ. Онъ увѣряетъ меня, что по меньшей мѣрѣ треть этихъ, такихъ съ виду покорныхъ людей, даже не скрываютъ того презрѣнія, которое они питаютъ къ своимъ офицерамъ. Свои постоянныя пораженія они приписываютъ умственному развитію офицеровъ. Очевидно, сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, что благодаря всѣмъ неудачамъ, которыя русскіе понесли съ начала войны, революціонная пропаганда быстро развивается въ арміи. Постоянно слышишь, какъ говорятъ солдаты:

— Японцы недавно были слабы, какъ нынѣшніе китайцы. Но они обучались и стали сильны. Если они побѣждаютъ, то потому, что сражаются лучше, чѣмъ мы. И если они сражаются лучше, чѣмъ мы, то потому, что у нихъ хорошіе офицера, которые ихъ обучили, какъ тутъ дѣйствовать. А наши офицера посылаютъ насъ на убой такъ, что наша смерть ни къ чему не служитъ. Они только помышляютъ о развлеченіяхъ и попойкахъ. Поэтому мы и не умѣемъ сражаться. Надо, чтобы русскій такъ же измѣнился, какъ измѣнился японецъ. Тогда онъ будетъ одолѣвать еще лучше, чѣмъ японецъ. И скоро Россія измѣнится.

Солдаты всѣ, даже самые ограниченные смутно чувствуютъ тяготѣющій надъ ними гнетъ обскурантизма. И этотъ гнетъ они хотятъ отбросить; они понимаютъ, что являются жертвой огромной неправды. Всѣ говорятъ: „Надо перемѣнить!“

19 января. На позиціяхъ огромное число офицеровъ продолжаетъ кутить до полнаго опьяненія. Истина, увы! слишкомъ замѣтная. Поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи много зависитъ отъ примѣровъ, подаваемыхъ генералами. Такъ въ штабѣ генерала Кондратовича, который не пьетъ, и никто не пьетъ. А въ дивизіяхъ, гдѣ командуютъ

генералы любители кутнуть, и всѣ кладутъ локти на столъ. Слѣдовало бы принять радикальныя мѣры: запретить устроившимся въ Мукденѣ иностраннымъ купцамъ ввозить спиртные напитки; слѣдовало бы ограничить дѣятельность московскаго и петербургскаго экономическихъ обществъ, лавки которыхъ преимущественно торгуютъ водкой, шампанскимъ и коньякомъ. Но если у Куропаткина временами и бывали страшные приступы строгости, то въ принципѣ онъ, видимо, склоненъ закрывать глаза и не видѣть эти язвы. Не стремится ли онъ упрочить свою популярность среди офицеровъ? Бываютъ часы, которыхъ не заведешь. И русскій офицеръ готовъ лучше убить себя, но питаетъ страхъ къ принужденію. Онъ не хочетъ быть на поводу. Примѣръ: Если ненавидятъ генерала барона Штакельберга, то преимущественно за то, что онъ требуетъ, что бы офицера подъ его начальствомъ были точны, исполнительны и соблюдали дисциплину совершенно какъ солдаты. А быть ненавистнымъ своимъ офицерамъ—это для русскаго генерала—дѣло трудное, потому что его приказы будутъ исполняться не иначе, какъ съ нѣкотораго рода затаенной ненавистью. Его самого будутъ считать врагомъ „военныхъ“, будутъ преувеличивать

его ошибки, будутъ его изобличать, оклевещутъ, „изживутъ“.

Многіе изъ моихъ пріятелей возвращаются изъ Харбина.

Тамъ, въ этомъ городѣ, они обошли всякаго рода кафе, концерты и набитыя офицерами увеселительныя заведенія; офицера тамъ проводятъ свои ночи и швыряютъ столько денегъ, что невольно спросишь, не всѣ ли въ русской арміи милліонеры? Я самъ видѣлъ въ Телинѣ его притоны и его низшаго пошиба кафе, гдѣ дурѣютъ пьяные офицеры;—его рестораны-люпанаріи, его харчевни, у которыхъ столько отдѣльныхъ кабинетовъ, сколько ячеекъ въ сотахъ, его международныхъ приститутокъ, отъ знакомства съ которыми многіе получили такія аваріи, которыя непріятнѣе удачно подцѣпленной пули.

Однажды вечеромъ я имѣлъ несчастіе встрѣтить здѣсь бушевавшаго и махавшаго обнаженной саблей одного изъ героевъ Ляояна, высокоразвитаго и блестяще храбраго старшаго офицера. Онъ былъ не настолько пьянъ, что бы не замѣтить печальнаго вгляда друга. Онъ бросилъ кружокъ кутилъ и публичныхъ дѣвокъ, до которыхъ опустился, и уѣхалъ.

XVIII

Все, что могъ сдѣлать Куропаткинъ, это запретить послѣ отступленія отъ Ляояна, сводницамъ и поставщикамъ открывать свои заведенія въ Мукденѣ. Мукденъ! Даже въ Мукденѣ 5 сентября 1904 года я видѣлъ такое поразительное зрѣлище, которое живо запечатлѣлось въ моей памяти. Я пріѣхалъ съ Янтайскаго сраженія. Была ночь. Мукденская станція была наводнена поѣздами, переполненными раненыхъ. Такъ какъ платформы были заставлены носилками, заваленными человѣческимъ тѣломъ, то казалось, стонетъ сама земля. Эвакуацію Мукдена считали неизбѣжной. Ночь была полна мученій и ужасовъ. Но въ дали, въ таинственномъ мракѣ, гремѣли трубы веселой музыки. О эта музыка! Маскарадъ на кладбищѣ! Я пошелъ по направленію фонариковъ, трепетавшихъ сквозь завѣсу ночи. Эти фонарики освѣщали музыкальныя ноты военнаго оркестра, который исполнялъ „лучшія вещи“ своего репертуара у две-

рей сквернаго кабачка, гдѣ разныя прелестницы безъ красоты, трепыхая своими дряблыми прелестями, гнули оперетку. На скамьяхъ тутъ сидѣло полсотни офицеровъ, которые хохотали какъ большіе школяры. На утро „артистическая труппа“ уносила свои пожитки въ Харбинъ, и я видѣлъ, какъ госпожи „артистки“ усаживались въ вагоны подъ покровительствомъ множества большихъ усовъ, большихъ бородъ и большихъ сабель.

Куропаткинъ выгналъ изъ Мукдена всѣхъ „задери хвостъ“ и всѣхъ „публичныхъ рубашекъ“. Но потомъ онъ не могъ помѣшать, что бы въ Харбинѣ и Телинѣ постоянно не пребывало на побывкѣ много сотенъ офицеровъ. Что это за офицера? Раненые и выздоравливающіе больные, затѣмъ мнимо-раненые и мнимо-больные. Тутъ есть „свободобѣгающіе“, люди, которымъ больше нравится жить, нежели умирать. Часто попадаются такъ же настоящіе храбрецы, которымъ слѣдовало бы давно пасть отъ множества пуль; утомленные, пресыщенные и наскучившіе войной, которую они считаютъ непоправимо проигранной, они не хотятъ больше драться. Ихъ охватило безумное желаніе хоть на нѣсколько времени забыть кровавый кошмаръ; имъ хочется повеселиться, распахнуться, посмѣяться, полюбить! Но большин-

ство этихъ путешественниковъ, это просто офицера, которые соскучились на позиціяхъ и, подъ первымъ подвернувшимся предлогомъ, прыгнули въ поѣздъ, уходящій на сѣверъ къ этимъ протухлымъ эдемамъ любви. Охъ, скука! скука! Опять представляется необходимость указать истинную дѣйствительность. Эта война далеко не достаточно интересуетъ русскихъ офицеровъ. Они не достаточно охвачены пламеннымъ желаніемъ побѣды; у нихъ не хватаетъ на столько ненависти къ врагу, чтобы у нихъ исчезли всѣ, свойственныя большинству людей, чувства, всякія страсти, всякія нужды и всякіе пороки. Они не достаточно жаждутъ изгнать изъ Маньчжуріи Японцевъ, что бы всецѣло отдаться тому блистательному воодушевленію, тому самоотверженному чувству, тому патріотическому жару, которые одни дѣлаютъ арміи побѣдоносными.

На войнѣ, которую они сочли бы войной національной, они, я думаю, держались бы совсѣмъ иначе. Но нужно сказать, русскій офицеръ питаетъ какую то болѣзненную жажду легко достижимыхъ развлеченій и удовольствій. Такъ какъ онъ читаетъ мало, такъ какъ онъ не учится, такъ какъ раздумывать ему запрещается и такъ какъ всякое умственное усиліе ему скорѣе повредитъ,

чѣмъ послужитъ на пользу, то онъ по меньшей мѣрѣ хочетъ пресытиться матеріальными радостями. Проведши нѣсколько недѣль подъ Мукденомъ, если смерть еще не развязала его съ жизнью, онъ уже вздыхаетъ и скучаетъ. Подготовка къ предстоящимъ сраженіямъ не даетъ для его ума достаточно пищи; и онъ грезитъ тѣми усладительными мѣстами, откуда улыбаются безсонныя цитерскія ночи, сладкія ночи въ вихрѣ пѣвичекъ, хоровъ, музыки, опорожненныхъ бутылокъ, кружевныхъ панталонъ, розовыхъ туфелекъ...

Славные телинскіе и харбинскіе гуляки, я не осуждаю васъ за ваши недостатки, я понимаю и раздѣляю ваше томленіе, вашу усталость, ваши слабости, ваше притупѣніе, вашу жажду жизни! Развѣ я поступилъ бы лучше, если бы былъ на вашемъ мѣстѣ? Развѣ я лучше поступаю, хотя я среди васъ—человѣкъ привилегированый, счастливецъ, свободный? И всетаки, добрые гуляки, есть другіе, не какъ вы, офицера. Есть такіе, которые, прибывъ со своими солдатами изъ Россіи, такъ и не покидаютъ ихъ до того дня, когда они слягутъ въ мерзлую землю.

20 января. Характерный фактъ. Всѣ Мукденскіе миссіонеры—французы, англичане и американцы единодушно вѣрятъ въ близкое занятіе

этого города японцами. Почему они такъ думаютъ? Улыбаются, но не говорятъ. У этихъ благочестивыхъ отцовъ имѣются свои личныя, секретныя средства узнавать. Ихъ вліяніе простирается на всю Манчжурію. Мнѣніе ихъ имѣетъ большой вѣсъ. Ахъ, если бы русскіе во время сумѣли пріобрѣсти себѣ друзей въ лицѣ этихъ такихъ освѣдомленныхъ людей! Но русскіе чиновники, эти „ловкачи“, считаютъ самихъ себя слишкомъ опытными, чтобы нуждаться въ услугахъ иностранныхъ миссіонеровъ. И потомъ нельзя было поселять недовольство среди поповъ. Забавно это соперничество слугъ Божіихъ! Неблагопріятны для русскихъ предсказанія миссіонеровъ.

24 января. Обѣдалъ въ интереснѣйшемъ обществѣ, гдѣ, оказалось, собрались штабные офицера, врачи, служащіе Краснаго Креста. Пришла вѣсть, что на Царя сдѣлано покушеніе; по направленію къ нему салютовавшая баттарея выпалила шрапнелью. Только одинъ штабный офицеръ возмущается, кричитъ, требуетъ ужасныхъ репрессій. Ему не отвѣчаютъ. Каждый ушелъ въ свои мысли. Минуту спустя кто-то сказалъ: „Можетъ быть это побудитъ заключить миръ“. Другой голосъ: „Да можетъ быть“. Другой: „Богъ знаетъ, что начинается въ Россіи“. Много голосовъ: „Да,

Богъ знаетъ, что!“ Чей то голосъ. „Это серьезное предостереженіе!“ Многіе голоса: „Да, это предостереженіе“.

Я счелъ нужнымъ высказать ту мысль, что побѣда еще возможна. Одинъ офицеръ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Вы еще вѣрите въ возможность побѣды?“ Что отвѣтить? Я ничего не отвѣтилъ и спрашиваю: „По крайней мѣрѣ удержимъ мы Мукденъ?“ Общее молчаніе. Очевидно, что въ умахъ здѣсь царитъ огромное смущеніе.

* * *

Путаясь такимъ образомъ въ вихрѣ противорѣчій, очевидцы войны съ трудомъ умѣли судить о будущихъ дѣлахъ. Но кровавое пораженіе подъ Сандепу, слѣдовавшее за неудачнымъ набѣгомъ Мищенки, освободило ихъ отъ всякихъ недоумѣній и показало имъ, что тщетно было разсчитывать на большую побѣду весной.

Неудача кавалерійскаго рейда лишній разъ доказала, что когда армія долго терпитъ пораженія, то у нея не оказывается больше необходимыхъ отваги и увѣренности, чтобы быстро и безшумно осуществлять самымъ лучшимъ образомъ задуманныя и наиболѣе логическія задачи. Она еще можетъ драться; ея офицера и ея солдаты

еще могутъ быть въ готовности умирать, но въ моментъ дѣйствій она всегда склоняется преувиличивать силы противника, приписывать ему необычайныя хитрости и опасаться попасть въ какую нибудь необычайную западню. Однимъ словомъ слишкомъ часто битая армія пріобрѣтаетъ непреодолимую склонность составлять понятіе о боевыхъ способностяхъ непріятеля непомѣрно выше, чѣмъ о своихъ собственныхъ; точно какъ фехтовальщикъ, чувствующій преобладаніе надъ собой болѣе сильнаго клинка, мало по малу подвергается своего рода гипнозу и теряется вплоть до пользованія своими физическими средствами, и больше уже не пытается нападать безъ предвзятой мысли, что можетъ навлечь на себя сокрушительный отбой.

Дѣйствительность показала, что кавалерія Мищенки могла бы устремиться прямо на югъ, чтобы застать японцевъ врасплохъ и нанести имъ огромныя матеріальныя поврежденія, разрушивъ въ Инкоу одну изъ двухъ ихъ операціонныхъ базъ. Но экспедиція Мищенки подготовлялась въ атмосферѣ крайнихъ опасеній. Кавалерійскіе генералы, посылая на присоединеніе къ Мищенкѣ свои отряды, призывали ихъ къ благоразумію въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ слишкомъ обнаруживался недостатокъ ихъ вѣры.

Въ одномъ корпусѣ въ присутствіи кавалеристовъ было отслужено особое молебствіе съ моленіемъ объ упокоеніи душъ тѣхъ, которые не вернутся. Не пора ли арміи освободиться отъ нѣкоторыхъ молитвословов. Мнѣ начинаетъ казаться, что эти траурные люди скорѣе наводятъ тоску на войска, чѣмъ подкрѣпляютъ ихъ своими заунывными причитаніями. Можно быть твердымъ въ исполненіи своего долга, безъ желанія присутствовать при своемъ собственномъ отпѣваніи.

Богъ двадцатаго вѣка—Богъ невозможный. Своимъ богомольцамъ онъ говоритъ: „Сами на себя полагайтесь!" Въ русской арміи черезчуръ много поповъ, черезчуръ иконъ, службъ, псалмопѣній, панихидъ. Солдатъ живетъ подъ какимъ-то похороннымъ навожденіемъ. И понемногу онъ начинаетъ считать себя приговореннымъ къ смерти и не столько помышляетъ о службѣ родинѣ, сколько о царствѣ небесномъ.

Боги-охранители японской мифологіи — души предковъ живутъ на землѣ; они являются присутствовать при сраженіяхъ и принимаютъ въ нихъ участіе; они внимательно слѣдятъ за дѣйствіями своихъ потомковъ; и если видятъ, что тѣ не исполняютъ своего долга, то разгнѣванно уходятъ и перестаютъ имъ покровительствовать. Боги, кото-

рые никогда не перестаютъ пребывать на нашей планетѣ, такіе боги—отличные помощники для увѣнчанія земныхъ дѣлъ. Христіанское же небо помѣщается тамъ высоко, что заставляетъ пренебрегать землею.

XIX

Неудача Мищенки, послѣ пораженія Гриппенберга подъ Сандепу (22—29 янв.) доканала надежды, которыя еще оставались въ душѣ оптимистовъ. Если бы наступленіе Гриппенберга велось съ большой настойчивостью, то оно бы удалось. Но русская армія допустила задержать себя японскими аванпостами; она ихъ отбросила медленно, тогда какъ могла раздавить ихъ. Продолжая опасаться западни, она застряла на мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы обрушится на японцевъ, которые были очень встревожены и, уже опасаясь, какъ бы ихъ линія не была глубоко прорвана, направили усиленнымъ маршемъ сильныя подкрѣпленія къ своему лѣвому крылу.

Куропаткинъ имѣлъ полное право говорить, что если онъ не захотѣлъ послать своихъ резервовъ въ помощь нападенію Гриппенберга, то потому, что опасался подвергнуться аттакѣ въ цен-

трѣ и что сраженіе завяжется по всей линіи. И онъ былъ совсѣмъ не одинъ при такомъ мнѣніи. Во время движенія Гриппенберга большая часть иностранныхъ агентовъ и журналистовъ остались при центрѣ и тщетно ждали обобщенія дѣйствій.

Не менѣе вѣрно и то, что если бы Куропаткинъ отвѣтилъ на зовъ Гриппенберга, то сраженіе на западѣ временно было бы выиграно. Возможно что русскіе заняли бы всю лѣвую линію непріятеля между Хунъ-хо и Ша-хо. Японцы не вѣрили въ возможность серьезной кампаніи среди зимы и допустили сильному удару Москвичей застать себя въ расплохъ. Несмотря на медленность и свои ошибки войска Гриппенберга уже заняли такія позиціи, что будь они во-время, то есть до 27 числа подкрѣплены, то японская линія позицій должна была бы отодвинуться и своимъ центромъ избрать Янтай.

Кто же былъ правъ и кто виноватъ въ пресловутой ссорѣ Куропаткина и Гриппенберга?

Познакомившись съ мнѣніемъ японцевъ относительно этого сраженія и узнавъ каково было распредѣленіе ихъ силъ между 22 и 27 января, я долженъ согласиться, что Куропаткинъ, не подкрѣпивъ Гриппенберга, или по крайнѣй мѣрѣ не приказавъ сдѣлать диверсіи въ другой точкѣ своей

линіи, пропустилъ случай одержать частичную побѣду. Но съ другой стороны Куропаткинъ имѣлъ полное основаніе говорить, что для него довольно мало значило отбросить японскій фронтъ на нѣсколько километровъ къ югу. Онъ могъ очень основательно сослаться, что ему нельзя было рисковать наступательнымъ генеральнымъ сраженіемъ раньше, чѣмъ онъ могъ чувствовать себя достаточно сильнымъ, чтобы овладѣть если не крупнымъ успѣхомъ, то хоть такой побѣдой, которая имѣла бы стратегическіе результаты. А отправка подкрѣпленій Гриппенбергу или попытка произвести такъ или иначе диверсію кончилась бы завязкой наступленія всей арміи. Временно захваченная часть между Хун-хо и Ша-хо могла быть потеряна черезъ нѣсколько часовъ или нѣсколько дней потомъ, приведя къ цѣлой катастрофѣ.

Въ особенности Куропаткинъ имѣлъ право думать, что та медленность, съ какою вся армія Гриппенберга брала линію первыхъ японскихъ постовъ и подъ конецъ взяла нѣсколько деревень, укрѣпленныхъ маленькими гарнизонами, — была плохимъ предвѣстникомъ относительно шансовъ на успѣхъ общаго наступленія.

Итакъ сраженіе, происходившее съ 22 по 29 января между Фунъ и Ша (именуемое русскими

сраженіемъ подъ Сандепу, а японцами подъ Пейкутаемъ), обошлось наступающимъ въ 20.000 человѣкъ (убитыми и ранеными), чтобы послужить лишь къ выясненію, какъ говорятъ эксперты, слѣдующихъ пунктовъ:

1. Недостатокъ власти у русскаго главнокомандующаго. Если бы онъ совершнно не считалъ себя готовымъ къ принятію генеральнаго сраженія, то совсѣмъ не долженъ бы былъ позволять Гриппенбергу завязывать частичное сраженіе. И онъ бы этого не позволилъ, если бы не былъ насильно принужденъ къ тому этимъ вліятельнымъ соперникамъ.

2. Взаимное соперничество русскихъ генераловъ.

3. Жалкая неточность составленной главнымъ штабомъ карты; между Хуномъ и Ша, какъ раньше въ восточныхъ горахъ у несчастнаго генерала Штакельберга, въ моментъ аттаки оказались почвенныя условія, замѣтно расходящіяся съ изображеніемъ ихъ на топографическомъ планѣ.

4. Отсутствіе согласованности и связи между отдѣльными участвовавшими въ дѣлѣ частями. Полное отсутствіе у многихъ офицеровъ опытности, наблюдательности, разсудительности и предпріимчивости и умственная лѣнь. Торжество ру-

тины. Отсутствіе стремленія къ самоусовершенствованію.

5. Плохое распредѣленіе артиллерійскихъ группъ, которыя находясь предъ деревнями, предназначенными для бомбардировки, вмѣсто того чтобы ихъ методически громить одну за другою изо всѣхъ своихъ орудій, разбросали свой огонь по разнымъ цѣлямъ.

6. Продолженіе негодныхъ пріемовъ, вродѣ марша пѣхоты сомкнутыми колоннами по полю сраженія, и черезчуръ медленнаго развертыванія ихъ, когда они уже были подъ непріятельскимъ огнемъ. Во время передвиженій очень слабая забота объ использованіи почвы. Неосмотрительное начинаніе, цѣною огромныхъ жертвъ, нѣкоторыхъ операцій и на слѣдующій день ихъ прекращеніе безъ видимыхъ основаній. Наконецъ и въ особенности задержка офицерами команды, въ благопріятный моментъ, объ очищеніи позицій, которыя должны быть признаны неудержимыми. Ихъ упрямство не уступать, когда еще есть время, и бросаніе линіи, когда ее берутъ штурмомъ, и вслѣдствіе этого подъ конецъ войска подъ перекрестнымъ огнемъ, разстрѣливающимъ ихъ въ спину почти въ упоръ, отступаютъ, неся въ этотъ моментъ самыя тяжкія потери и избиваются безполезно.

7. Блестящая храбрость русскихъ офицеровъ и солдатъ такъ часто растрачиваемая попусту. Хладнокровіе и военная опытность японскихъ офицеровъ и даже унтеръ офицеровъ, такъ же какъ и геройство ихъ солдатъ и ихъ почти непобѣдимость даже при меньшей численности, когда они ограничиваются обороной.

Сопоставивъ всѣ эти соображенія внѣпартійные очевидцы войны заключили:

„Русская армія мало ушла впередъ послѣ лѣта. По причинамъ совершенно не физическимъ, а единственно умственнымъ, русскій батальонъ въ настоящее время представляетъ собой боевой механизмъ низшаго достоинства, чѣмъ батальонъ японскій. Въ большинствѣ случаевъ (и исключая то, когда японцы очертя голову, пытаются аттаковать завѣдомо неприступныя позиціи) русскій батальонъ истребляетъ меньше непріятеля и даетъ себя скорѣе погубить, чѣмъ батальонъ японскій.

Русскіе обратно не возьмутъ Ляояна.

Возможно что русскіе потеряютъ Мукденъ.

Друзья русскіе должны имъ совѣтывать заключить миръ раньше, чѣмъ они подвергнутся окончательному разгрому“.

* * *

Вѣсть о неудачѣ подъ Сандепу навела на всю армію общее уныніе, которое скоро измѣнилось въ злобу. Противъ Куропаткина въ первый разъ обнаружилось недоброжелательное настроеніе. Увы! Больше не было никакого сомнѣнія: главнокомандующій утратилъ довѣріе своихъ офицеровъ. Тѣ, которые его еще защищали, находили лишь сбивчивыя фразы; чувствовалось, что ими руководили личныя симпатіи и благородное преклоненіе предъ несчастьемъ, нежели убѣжденность.

Вся армія поняла, что кровавая неудача подъ Сандепу явилась послѣдствіемъ личнаго соперничества между двумя равно вліятельными начальниками, незамѣтно превратившагося въ глухую борьбу за обладаніе окончательной побѣдой. Русскіе, какъ ни привычны они къ злоупотребленіямъ и пассивной покорности, не очень однако любятъ, что бы играли ихъ жизнью. Они возмущены, что ихъ замѣшали ни съ того—ни съ сего въ борьбу Гриппенберга и Куропаткина, двухъ враждебныхъ лагерей, двухъ шаекъ куртизанокъ и хорошенькихъ женщинъ, интригующихъ въ Петербургѣ въ великосвѣтскихъ салонахъ. Ожесточенная борьба между Алексѣевымъ и Куропаткинымъ своими различными фазами и курьезами въ свое время была предметомъ

застольныхъ разговоровъ офицеровъ. Вплоть до отъѣзда Алексѣева всѣ случавшіяся несчастья регулярно приписывались ему. Прежняго намѣстника считали злымъ геніемъ арміи. Алексѣева удалили. И почти тутъ же новые раздоры причинили бѣдствія еще болѣе плачевныя, чѣмъ раньше. Это однако никогда не кончится!

Вотъ разговоры, которые я записалъ въ эти томительные первые февральскіе дни:

— Куропаткинъ и Гриппенбергъ одинаково виноваты. Если бы Куропаткинъ не былъ готовъ завязать генеральное сраженіе, то онъ не долженъ былъ бы позволять Гриппенбергу идти дразнить японцевъ. Когда начинаютъ сраженія, надо знать и какъ его можно будетъ кончить.

—Гриппенбергу хотѣлось дѣятельности; доказать свое превосходство и замѣстить Куропаткина. Тщеславецъ!

— Главную ошибку допустили въ Петербургѣ. Думая сперва дать о динаковую власть и Куропаткину и Гриппенбергу и что бы они были подчинены Алексѣеву, потомъ перемѣнивъ мнѣніе и отозвавъ Алексѣева и сдѣлавъ Куропаткина главнымъ начальникомъ арміи, тѣмъ самымъ поселили между этими двумя генералами недоброжелательство и скрытую ненависть. Такимъ образомъ дали зародиться между ними соперничеству.

— Да, но довольно же этого наконецъ! Тутъ только одно средство: поставить въ главнокомандующіе арміи какого нибудь великаго князя. По крайней мѣрѣ его власть не будетъ оспариваться генералами. Николай Николаевичъ совершенно годенъ для этой роли.

— Великій князь! Если во главѣ арміи поставятъ великаго князя—тогда все потеряно!

— Великій князь! Спасайся кто можетъ!

— Нѣтъ! Николай Николаевичъ—человѣкъ энергичный, настоящій солдатъ. Онъ сумѣетъ принять рѣшеніе.

— Чего Куропаткинъ никогда не умѣлъ. Подъ энергичной внѣшностью этого человѣка скрывается нерѣшительность и самая противная слабость.

— Куропаткинъ? Это стѣна, за которой ничего нѣтъ.

— Куропаткинъ никогда бы не долженъ былъ итти дальше чина полковника.

— Никакой иниціативы, никакого духа движенія впередъ, никакой общей мысли у Куропаткина. Его невозмутимое хладнокровіе — просто манера держать себя. Въ дѣйствительности это человѣкъ ограниченный, совершенно второстепенный, духъ котораго подавленъ и дрожитъ подъ тяжестью положенія, которое онъ не въ силахъ обнять.

— Вы не умолчите, что это превосходный человѣкъ и опытный солдатъ?

— Безъ такого, столь благоразумнаго, внимательнаго начальника въ началѣ кампанiи, армiя была бы погублена.

— Возможно! Но на мой взглядъ главная ловкость Куропаткина—это постоянно во время увертываться отъ трудныхъ положенiй, а въ хорошiе моменты находить послушныхъ хвалителей. Его единственной заботой всегда было поддерживать свою личную репутацiю. Разбита армiя у Вафангоу? Это вина Штакельберга и Алексѣева. Ташичао? Онъ не поѣхалъ во время, что бы не вмѣшать себя. Ляоянъ? Онъ уходитъ вмѣсто того, чтобы сопротивляться. Онъ отправляется въ Янтай, избираетъ дурной планъ, даетъ неясныя приказанiя и подвергаетъ пораженiю Орлова. Онъ забываетъ заготовить карты мѣстности, простирающейся между Тайтзехо и Шахо, и когда въ октябрѣ рѣшается наступать, то посылаетъ Штакельберга итти изслѣдовать неизвѣстную мѣстность. Сандепу? Вину за эту неудачу онъ валитъ на Гриппенберга, хотя лишь онъ одинъ можетъ быть виновенъ за безполезную потерю двадцати тысячъ человѣкъ. Не имѣлъ онъ развѣ первоначальнаго намѣренiя завязать генеральное сраженiе, которое онъ дол-

женъ былъ измѣнить по своему плану въ зависимости отъ относительнаго успѣха, одержаннаго Гриппенбергомъ? Военное искусство—прежде всего „искусство пользоваться обстоятельствами“. Нѣтъ! Въ рѣшительный моментъ онъ заставилъ армію отойти назадъ, тогда какъ продолжая наступленіе она могла добиться значительнаго успѣха. Тутъ Куропаткинъ весь: нерѣшительный, недоумѣвающій, и опять нерѣшительный.

— Да, но если онъ постоянно отступалъ, за то онъ никогда не былъ побѣжденъ, онъ сумѣлъ сохранить свою армію.

— Онъ ее сохранилъ, но сдѣлалъ безполезной. Къ чему такая армія, которая всегда отступаетъ? У Куропаткина была одна забота—обезпечить себѣ отступленіе. Даже здѣсь, на позиціяхъ на Шахэ, достаточно разсмотрѣть, какъ размѣщены наши корпуса, одинъ къ одному, однообразно, въ одну длинную линію, которая нигдѣ отъ востока до запада не имѣетъ утолщеній,—чтобы понять господствующую мысль главнокомандующаго, которая какъ всегда—это пассивная оборона и вѣчное отступленіе.

— У Куропаткина есть свои достоинства, но его природная нерѣшительность была осложнена до степени болѣзненнаго невропатическаго состоя-

нія, двумя одинаково несчастными факторами: съ одной стороны, онъ, будучи постоянно битъ японцами, составилъ себѣ, такъ сказать фантастическое представленіе о ихъ военныхъ способностяхъ; съ другой же—желая лично управлять малѣйшими движеніями каждой единицы,—задача, которую онъ долженъ былъ предоставить своимъ начальникамъ армій или корпуснымъ командирамъ, онъ надорвался и изнурилъ себѣ мозгъ.

XX

Замѣчательная вещь, что офицера, смѣлѣе всего пускающіеся критиковать главнокомандующаго, великихъ князей, режимъ, и весь Петербургъ, не всегда были изъ наименѣе состоятельныхъ и наименѣе знатныхъ. У строевыхъ офицеровъ далеко не было той смѣлости, какъ у нѣкоторыхъ штабныхъ; но у этихъ нельзя было добиться откровенности, какъ лишь предварительно заручившись ихъ довѣріемъ; и они разговаривали лишь съ глазу на глазъ и съ недомолвками.

Въ быту иностранныхъ журналистовъ довольно часто повторялся случай, когда, послѣ разговора или простого обмѣна банальныхъ мыслей со множествомъ офицеровъ, журналиста кто нибудь отводитъ къ сторонкѣ, и затѣмъ слышишь вродѣ слѣдующаго:

— Вы не заблуждайтесь, милѣйшій; Портъ-

Артура мы не отнимемъ назадъ и даже—Ляоянъ. Солдаты у насъ хорошіе. И мы офицера не хуже, чѣмъ у другихъ. У насъ хорошія ружья; а наши пушки лучше японскихъ. Почему же всегда мы были въ неудачѣ? И почему у насъ будетъ такъ и впредь? Потому что ни у кого изъ насъ нѣтъ ни единой искры того внутренняго священнаго огня, который воспламеняетъ нашихъ противниковъ. Судьба на эту катастрофу толкнула русскую имперію, царь двинулъ своихъ генераловъ, генералы двигаютъ своихъ офицеровъ, а эти послѣдніе—своихъ солдатъ. Японцы сражаются съ патріотическимъ воодушевленіемъ, которое въ соединеніи съ ихъ спартанской храбростью, ихъ хитростью, и правильностью ихъ подготовки, дѣлаетъ изъ нихъ, замѣтьте это хорошенько, самыхъ стойкихъ противниковъ, какихъ еще никогда, ни въ какія времена и ни въ какихъ мѣстахъ не встрѣчала ни одна европейская армія.

Мы сражаемся, повинуясь дисциплинѣ, которая проистекаетъ уже не отъ верховной власти государя, а отъ какой-то слѣпой судьбы, отъ того, что вы, кажется, зовете „самодовлѣющая сила“. И силы неравны. Японцы сражаясь непрестанно разгораются отъ сознанія, что все глубже проникаютъ въ Манчжурію. А у насъ, тѣ, кто спо-

собенъ размышлять, только и думаютъ о Россіи, потому что для насъ вся задача тамъ, а не здѣсь. Тамъ именно надо работать надъ возрожденіемъ этого огромнаго и нескладнаго организма, какимъ представляется теперь русская армія. И это возрожденіе произойдетъ лишь съ возрожденіемъ народа, съ возрожденіемъ всего, что есть русскаго. Вы меня понимаете? Русскую націю надо вывернуть, какъ выворачиваютъ платье. Вотъ почему нѣкоторые изъ насъ доходятъ до того, что говорятъ, что японцы, сражаясь за свою страну, сражаются такъ же и за нашу, и что они отвоевываютъ свободу для русскихъ людей. Безъ этихъ скоропреходящихъ неудачъ, которыя мы несемъ, мы бы еще долго оставались подъ властью обскурантизма, то есть глупости, умственнаго отупѣнія, одичанія. И для того, что бы Россія стала когда нибудь несокрушимой, нужно было, что бы мы были побѣждены въ Манчжуріи. И почти нужно, что бы мы потерпѣли еще, что бы нашему современному режиму нанесенъ былъ смертельный ударъ. Нечего говорить, Россіи нужно было очистительное! Хорошо! вотъ и очистительное! И если бы мы слишкомъ легко оказались побѣдителями, мы осудили бы русскій народъ еще на цѣлый вѣкъ притупляющаго режима. Понимаете теперь? До сви-

данія. Не разсказывайте, что я вамъ наговорилъ. Впрочемъ знаете, если и разскажете, мнѣ наплевать, потому что, можетъ быть, завтра-же я буду убитъ. Я предпочелъ бы умереть иначе. Но я всетаки офицеръ, давалъ присягу и себѣ не принадлежу. И каковы бы ни были отданныя мнѣ приказанія, я ихъ исполню. Мы—офицера; и наша роль — сражаться неизвѣстно съ кѣмъ и неизвѣстно за что!

Я былъ въ пути изъ главной квартиры въ Сандзаматунѣ въ Мукденъ, когда встрѣтилъ одного казачьяго офицера. По богатству шубы на немъ, а въ особенности по красотѣ его лошади я понялъ, что передъ мной былъ одинъ изъ представителей золотой молодежи Петербурга.

— Вы корреспондентъ? Сказалъ онъ мнѣ.

— Какъ видите, отвѣтилъ я, показывая мой нарукавникъ и кланяясь.

— Вы французъ?

— Да, капитанъ.

— А у васъ монгольская лошадь.

— Досталъ, что могъ. Если вамъ угодно продать мнѣ свою, я бы ее купилъ съ удовольствіемъ.

— Скажите, однако, вы—республиканецъ?

— Естественно и горжусь этимъ, отвѣтилъ я,

думая что это повтореніе тѣхъ насмѣшекъ, отъ которыхъ много кутилъ-аристократовъ не всегда удерживалось въ началѣ войны, при видѣ знакомыхъ французовъ. Я—республиканецъ, какіе были въ 1793 году. Есть много знаменитыхъ генераловъ, которые были республиканцами: Гошъ, Марсо и много другихъ. Тогда французы - республиканцы умирали съ криками: „Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ нація!". И этотъ крикъ стоитъ всякого другого, капитанъ.

— Но да! Я тоже, я республиканецъ; я становлюсь республиканцемъ; я потому васъ и остановилъ, что бы узнать, не раздѣляемъ-ли мы общихъ убѣжденій. Прежде я былъ приверженцемъ абсолютизма, и человѣкъ, который назвалъ бы себя въ моемъ присутствіи республиканцемъ, мнѣ бы показался смѣшною личностью. Современныя же событія доказали, что нашъ режимъ отжилъ свое время. То, что происходитъ, продолжаться не можетъ. Почему бы въ Россіи, какъ всюду не быть парламенту? Почему? Я не нахожу отвѣта на этотъ вопросъ. Что же, развѣ русскіе глупѣе японцевъ? Нѣтъ!

Я сперва усомнился, не хватилъ ли мой собесѣдникъ спиртного; но нѣтъ. Онъ былъ трезвъ. Это былъ большой ребенокъ, совершенно счаст-

ливый, что разрѣшилъ одинъ вопросъ совѣсти. Онъ объяснилъ мнѣ, что какъ благородный человѣкъ, онъ останется вѣренъ царю, которому, на его взглядъ слѣдовало бы стать конституціоннымъ монархомъ, нѣчто въ родѣ Вильгельма II или Эдуарда VII. Ему хотѣлось республики съ президентомъ—царемъ. Съ большой любезностью онъ предложилъ мнѣ свои услуги, угостилъ папиросами, кусочкомъ шоколада и уѣхалъ, увѣряя меня, что русскіе не глупѣе японцевъ.

Всюду реформаторы, философы, мечтатели. Гдѣ же стремящіеся къ побѣдѣ воители?

* * *

И вотъ душа великой арміи въ началѣ пятаго года вѣка, вмѣсто того, чтобы стремиться къ единой цѣли, вся расплылась, разлилась, разсѣялась, если можно такъ выразиться, въ ереси и въ безчисленныя развѣтвленія. Она пустилась въ несвоевременныя разсужденія, въ соціологію, мечтанія, въ химеры; разлилась желчью передрягъ, обвиненій, злобы и личнаго недоброжелательства; обострилась расовой ненавистью, смутной жалостью, ненасытными вожделѣніеми. Это не пламенная, радостная душа армій, стоящихъ лицомъ къ солнцу побѣдъ. Нѣтъ, это угнетенная душа, надъ которой повисъ гибельный рокъ и которая тяже-

ло стелется надъ лагеремъ, какъ какой нибудь болотный туманъ.

Всѣ эти горести однако не одолѣли бодрости офицеровъ и солдатъ въ томъ смыслѣ, что нисколько не уменьшили у нихъ готовности умереть; офицера по чувству чести, а солдаты изъ покорности и подчиненія и какъ наслѣдственно воспринявшіе духъ рабскаго повиновенія и пассивнаго подчиненія капризамъ судьбы, всѣ они, и начальство, и подчиненные остались при рѣшимости за ничто отдать свою жизнь, находя такъ легче пожертвовать жизнью, чѣмъ напрягаться въ невозможныхъ усиліяхъ и подыскивать рѣшенія смутно витающихъ въ ихъ сознаніи вопросовъ.

Но было бы напраснымъ ихъ самопожертвованіе; это замѣтно и это чувствуется: въ самой атмосферѣ, окутывавшей въ началѣ февраля лагерь на Шахэ, носилось пораженіе.

Написать подобную фразу послѣ паденія Мукдена не только нельзя поставить въ заслугу, но даже кажется глупымъ. Но только множество лицъ и въ Азіи и даже въ Европѣ могутъ подтвердить, что эта фраза была написана въ срединѣ февраля мѣсяца, когда еще не было сказано послѣднее слово и приходилось имѣть въ рукахъ

данныя, чтобы рисковать на подобное предсказаніе.

Компетентные люди, которые по недостатку безпристрастности и заблуждающіеся благодаря неизлѣчимому педантизму, такъ часто ошибаются въ своихъ предположеніяхъ, хорошо сдѣлаютъ, если прежде чѣмъ осмѣлиться критиковать описанія тѣхъ, которые въ ихъ глазахъ провинились тѣмъ, что имѣли данныя, —они хорошо сдѣлаютъ, говорю я, если припомнятъ, что на войнѣ не послѣ сраженія надо имѣть данныя, а впередъ... И схоластическія тонкости доводовъ не имѣютъ никакого значенія предъ фактами. Люди, у которыхъ нѣтъ чутья правды, не сумѣютъ понять войны: они имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ. Поменьше занимайтесь вы вашими теоріями, вашими предвзятыми идеями, вашимъ недоброжелательствомъ или расовыми склонностями; забудьте о предразудкахъ вплоть до вашихъ сужденій, и считайтесь лишь съ фактами, ибо война ими только и занимается, и всякое пораженіе, равно какъ и побѣда, представляетъ собою ничто иное какъ фактъ, логически проистекающій изъ предшествующихъ фактовъ.

XXI

Надъ Манчжурской войной тяготѣютъ географическія и климатическія невзгоды и неизбѣжности. Если бы даже обѣ воюющія арміи находились подъ командой двухъ Наполеоновъ, одинъ противъ другого, то и эти огромные геніи волей-неволей должны бы были считаться съ неустранимостью природныхъ воздѣйствій.

Устрашающіе человѣка сильные морозы властвуютъ надъ страной съ первыхъ чиселъ декабря и до самой средины февраля.

Таяніе, съ средины апрѣля до средины мая, преображаетъ всю равнину въ зыбкое болото. Сплошь да рядомъ тогда случается замѣчательное явленіе. Совершенно высохшая земля подъ шагами путника обнаруживаетъ сотрясеніе почвы, такъ что подумаешь, что она лежитъ на какой-то кисельной подкладкѣ. И иногда наружный покровъ топи, т. е. эта обманчивая, образовавшаяся подъ

могучимъ майскимъ солнцемъ, корка разрывается, и несчастный путникъ оскользается въ топь. Манчжурцы, которые, что бы о нихъ не думали, во всякомъ случаѣ люди, лучше всего знающіе Манчжурію, манчжурцы боятся этихъ скрытыхъ западней. Они узнаютъ ихъ по неуловимымъ признакамъ и даютъ имъ многозначительное имя резиновой земли.

Сезонъ дождей, съ конца іюня мѣсяца и до первыхъ дней сентября, разверзаетъ надъ страной всѣ небесныя хляби. Онъ проливаетъ потопъ воды и иногда видоизмѣняетъ весь просторъ равнины, величиной съ цѣлую губернію, въ сплошное озеро, по которому только и можно передвигаться вплавь, на плотахъ или паромахъ. И тогда насыпь желѣзной дороги остается единственной прочной дорогой, которая тянется среди пустыни, по которой плещутся отравляющія, ядовитыя воды, въ парахъ которыхъ кроются зародыши смерти.

Эти три главныхъ бича подвержены самымъ крайнимъ перемѣнамъ и исключеніямъ. Но когда они совпадаютъ вмѣстѣ, они подавляютъ все. Если бы война продлилась еще на многіе годы, мы бы свыклись съ тою мыслью, что съ 1-го декабря по 15 февраля; съ 10-го апрѣля по 10 мая и съ 15 іюня по сентябрь ни одинъ генералъ, будь онъ

хоть геній, не будетъ въ состояніи предпринять никакихъ операцій съ увѣренностью, что онъ не будетъ вынужденъ прервать ихъ осуществленіе.

Въ добавокъ къ тремъ главнымъ бичамъ имѣются четыре меньшихъ, которые тоже не бросали исполненія своей роли съ начала войны. Это пыльные ураганы, тучи мошкары, ужасное зловоніе и эпидеміи дизентеріи.

За время всего періода засухи, а въ особенности за время сильныхъ морозовъ вся почва покрывается толстымъ покровомъ зловредныхъ отбросовъ: пылью монгольской пустыни, высушенной глиной манчжурской равнины, истолченнымъ навозомъ, остатками труповъ, падали, костяковъ; и всѣ эти вещества, измельченныя въ такую-же мелкую пыль, какъ пепелъ отъ сигары, только и ждутъ бурнаго дыханія тайфуна, что бы подняться на воздухъ и съ яростью забиться въ самые чувствительные органы живыхъ существъ. Изчезнетъ всякая животная и растительная жизнь въ той мѣстности, гдѣ нѣсколько недѣль пробушуетъ одинъ изъ такихъ ураганов инертной сложной матеріи и безумствующаго воздуха. Одну такую бурю наблюдали 8 и 9 марта. Она покрыла все поле Мукденской битвы такою непроницаемою тьмою, о которыхъ говорится лишь въ легендахъ;

она раздѣлила обѣ арміи, заставила тотчасъ же замолчать пушки и рѣзко измѣнила характеръ борьбы.

Во время дождливаго сезона и угнетающей жары, являются еще три меньшихъ бича: тучи жадной мошкары истязаютъ людей и животныхъ; отъ загрязненной почвы поднимается ужасное зловоніе, и тщетно сжимаются носовыя скважины чужестранцевъ, чтобы избѣжать вони, исходящей отъ пыли отбросовъ и труповъ, составляющей почву Манчжуріи. Наконецъ насѣдаютъ предательскіе микробы и заставляютъ человѣческія внутренности до такой степени истекать кровью, что низводятъ до четверти русскихъ и японскихъ силъ къ бездѣйствію.

Гадость, бичи, язвы, вы существуете, вы— сама дѣйствительность, вы—природныя силы. И тѣ, которые воюютъ въ Манчжуріи, не улыбаются, когда объ васъ говорятъ.

* * *

Оба главнокомандующіе, ни тотъ ни другой, не хотѣли вести войну въ срединѣ зимы. Предпринятая въ концѣ января Гриппенбергомъ попытка подъ Сандепу стоила сражающимся ужасныхъ мукъ, а еще больше, лишне это и говорить— раненымъ. Много ранъ обмерзло. За ихъ оттая-

ніемъ послѣдовала гангрена, а гангрена — это смерть. Относительно большое число и здоровыхъ солдатъ обморозило члены. Покончивъ съ плачевнымъ опытомъ Сандепу, Ойяма и Куропаткинъ словно молча согласились, что во время сильныхъ морозовъ большія операціи невозможны.

Независимо другъ отъ друга они оба выбрали для первой большой битвы 1905 года періодъ умѣренныхъ холодовъ, слѣдующихъ за сильными морозами и предшествующихъ таянію. Этотъ срединный періодъ вообще длится между 15 февраля и 15 апрѣля. Манчжурскіе старожилы его знаютъ отлично; и хотя онъ такъ холоденъ, какъ самая суровая зима въ Парижѣ, но здѣсь его считаютъ за милость и подходящимъ для войны. Въ самомъ дѣлѣ, онъ обладаетъ такими преимуществами, которыя даже кажутся противорѣчащими однѣ другимъ: рѣки стоятъ подо льдомъ, и мосты пока не нужны. Лошади и повозки легко передвигаются по твердой землѣ; между тѣмъ температура становится все менѣе и менѣе суровой.

И вотъ оба, и Куропаткинъ и Ойяма, избрали конецъ февраля, чтобы дать третье большое сраженіе этой войны. Ойяма избралъ его съ надеждой добиться наконецъ рѣшительныхъ результатовъ. Куропаткинъ же—изъ подчиненія; чувствуя,

что онъ больше не хозяинъ будущей арміи, и долженъ подчиняться давленію Петербурга и общественнаго мнѣнія, коль скоро онъ во чтобы то ни стало долженъ что нибудь предпринимать, то никакой другой моментъ не будетъ лучше, чтобы попробовать генеральную аттаку.

Но совершенно возможно, что основные взгляды Куропаткина никогда не мѣнялись. Чтобы нападать на японцевъ, русскимъ, по его мнѣнію, прежде всего нужно превосходить ихъ въ числѣ. И пока численное превосходство ими достигнуто не было, имъ слѣдовало ограничиваться оборонительнымъ боемъ, не думая о завязкѣ рѣшительныхъ дѣйствій.

Надобно разъ на всегда сказать, что до войны Куропаткинъ никогда не раздѣлялъ взглядовъ тѣхъ хвастуновъ-воякъ, тѣхъ тупоумныхъ политиковъ и закоснѣлыхъ дипломатовъ изъ Петербурга и Портъ-Артура, которые рисовались презрѣніемъ японской арміи, считая ее за ничтожество. Куропаткинъ поѣхалъ въ Японію; онъ долго разговаривалъ съ русскимъ военнымъ агентомъ Самойловымъ и французскимъ агентомъ подполковникомъ Корвизаромъ, обоими умными наблюдателями. Куропаткинъ, можетъ быть, не геній, но безспорно,—что это человѣкъ здравомыслящій

и разсудительный, на чисто военной подкладкѣ, добившійся своихъ чиновъ не въ гостинныхъ, а на полѣ сраженій. Осмотрѣвъ японскія войска собственными глазами, изучивъ военную организацію этой страны, прочувствовавъ животрепещущій японскій патріотизмъ, онъ заключилъ, что война съ Японіей будетъ вещью исключительной важности (буквальное выраженіе). Вернувшись въ Россію Куропаткинъ рѣшилъ совѣтовать соглашеніе съ токійскимъ кабинетомъ. И вызывающіе акты, которые должны были повлечь за собой войну, были предприняты противъ его воли. Такимъ образомъ съ самаго начала непріязненнихъ дѣйствій Куропаткинъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ противникомъ исключительнаго качества; послѣ Ялу и Вафангоу, оглушенный, сбитый и угнетенный постоянными неудачами онъ сталъ, можетъ быть, преувеличивать силы непріятеля, цѣнить ихъ скорѣе слишкомъ высоко; чѣмъ черезчуръ низко.

* * *

Могъ ли Куропаткинъ считать свою армію въ концѣ февраля значительнѣе японской арміи?

Здѣсь мы касаемся непроницаемой тайны, которая еще окутываетъ мукденское сраженіе,— тайны чиселъ. Мы могли бы опредѣлить ихъ

какъ вздумается, и вамъ сообщить самымъ категорическимъ тономъ такія цифры, на какихъ угодно было остановиться нашей фантазіи. Но намъ кажется гораздо интереснѣе показать вамъ сколько недомолвокъ окружаетъ правду этого великаго историческаго событія.

Теоретически въ мукденскомъ сраженіи численность японскихъ силъ представляется слѣдующимъ образомъ.

Армія Ноги: Одна кавалерійская бригада, 1-я дивизія, 7-я дивизія. Пѣхотная бригада, 9-я дивизія, 3-я самостоятельная дивизія.

Армія Оку: 8-я дивизія, 5-я дивизія и 4-я дивизія.

Армія Нодзу: 6-я дивизія. Пѣхотная бригада. Другая пѣхотная бригада. 10-я дивизія. Самостоятельная крѣпостная артиллерійская бригада.

Армія Куроки: Гвардейская дивизія. Пѣхотная бригада, 12-я дивизія, 2-я дивизія.

Армія Кавамуры: 11-я дивизія, 3-я резервная дивизія.

Подобное исчисленіе, переведенное на цифры, достигаетъ общаго наибольшаго числа въ 350.000 человѣкъ. Но такой итогъ выводится на основаніи теоретическихъ соображеній извѣстныхъ экспертовъ, которые хотѣли все опредѣлить съ

точки зрѣнія чисто административной. И они совершенно не желаютъ допустить, даже предположительно, той мысли, что японцы, чтобы скрыть свою численность, могли себѣ позволить прибѣгнуть къ системѣ нѣкоторыхъ отступленій отъ обычнаго европейскаго счета. Не было ли у нихъ кое гдѣ батальоновъ въ 1200 человѣкъ и полковъ въ пять батальоновъ? Повидимому это не невозможно. Не было ли у нихъ и параллельныхъ, носящихъ одну и туже цифру единицъ? Одинъ американскій журналистъ мнѣ разсказывалъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ изъ Японіи на театръ военныхъ дѣйствій отправлялись значительныя подкрѣпленія, обозначенныя дивизіей, которую онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ покинулъ и которая стояла подъ Ляояномъ. И каково же было его изумленіе, когда онъ узналъ, что эти подкрѣпленія предназначались на берега Ялу.

Надо вамъ сказать, что многіе изъ опытныхъ статистиковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, за нѣсколько дней до Мукденскаго сраженія рѣшительно заявляли, что японская армія (къ которой они были прикомандированы) отнынѣ будетъ не въ состояніи перейти въ наступленіе, такъ какъ она для этого не достаточно сильна. Знаютъ ли

они теперь настоящую численность солдатъ Микадо, позволившую выиграть, вопреки ихъ неблагопріятнымъ разсчетамъ, новое сраженіе? Со времени мукденскаго сраженія мнѣ много разъ говорили, что сами японскіе офицера не знаютъ сколько тысячъ человѣкъ числится въ ихъ арміяхъ, ихъ кругозоръ былъ строго ограниченъ предѣлами дѣйствій, въ которыхъ они принимали непосредственное участіе. Въ этомъ отношеніи даже въ самой Японіи вліятельные статскіе люди видимо остаются въ полномъ невѣдѣніи. Во всякомъ случаѣ, если они и знаютъ что нибудь, то тщательно это скрываютъ. И вѣроятно, если высшіе чины главнаго штаба и пускаются въ откровенности, то—не съ иностранными атташе, изъ коихъ большинство, должно быть, получаетъ спеціально для нихъ состряпанныя свѣдѣнія.

XXII

Немедленно послѣ сраженія, въ опьяненіи отъ побѣды, два штабныхъ офицера въ Мукденѣ, одинъ за другимъ на разстояніи какихъ нибудь нѣсколькихъ часовъ одного и того же дня, говорили въ моемъ присутствіи моимъ товарищамъ по плѣну: англичанину и американцу:

— Мы двинули по слѣдамъ русскихъ около пяти сотъ тысячъ человѣкъ. Искренно ли они это говорили? Не преслѣдовали ли они своими словами какой нибудь цѣли? Я этого совершенно не знаю. Между Мукденомъ и Дальнимъ я встрѣтилъ кое кого изъ моихъ собратьевъ, прикомандированныхъ къ японской арміи. И въ отношеніи численности японцевъ они были очень неувѣрены.

Журналисты—народъ, сами по себѣ, безконечно мало полагающійся на себя, они еще недовѣрчивѣе, чѣмъ военные. Они по своей профессіи привыкли во всемъ сомнѣваться и считать себя всегда некомпетентными, питая больше уваже-

нія къ фактамъ, чѣмъ къ догмамъ. Взявшись за ремесло, которое часто напоминаетъ ремесло сыскной полиціи, они инстинктивно разнюхиваютъ разныя уловки, боятся непредвиденностей, подозрѣваютъ ухищренія, клонящіяся къ ихъ обману, находятъ вполнѣ естественнымъ, что ихъ подкарауливаютъ съ ловушкой и они смѣются надъ тѣми, которые съ недостаточными или сомнительными матеріалами дѣлаютъ восхитительные выводы.

Вы несомнѣнно знаете, что въ Японіи резервы состоятъ не изъ резервистовъ, а изъ молодыхъ солдатъ, принадлежащихъ къ категоріи, именуемой „гоби". Хотя они отнюдь не составляютъ части собственно дѣйствующей арміи, тѣмъ не менѣе они участвуютъ въ войнѣ. Въ какой же пропорціи главный штабъ созвалъ, обучилъ и размѣстилъ этихъ „гоби". До какой степени заполнили ими пустоты, образовавшіяся въ полкахъ дѣйствующей арміи? Вотъ чего никто не знаетъ вполнѣ хорошо; и тѣ, кто думаетъ, что знаетъ достаточно, на дѣлѣ знаютъ несомнѣнно меньше другихъ.

Въ Европѣ многіе избранные умы полагаютъ, что хорошаго солдата невозможно образовать въ два года. Здѣсь же на спѣхъ подготовляютъ пѣхотинца въ четыре мѣсяца. Это потому, что вооду-

шевленіе замѣняетъ все, но ничто не въ состояніи замѣнить воодушевленіе. И эти подвижные нервные юноши, эти маленькіе мускулистые человѣчки, эти ходоки и несравненные бѣгуны, эти фанатики родины, которыхъ японскій главный штабъ имѣетъ въ резервѣ еще сотни тысячъ человѣкъ, эти воодушевленные мальчуганы послѣ четырехъ мѣсяцевъ стрѣльбы и полевыхъ ученій становятся, боюсь я, болѣе полезными бойцами, чѣмъ неповоротливые русскіе резервисты. Что касается офицеровъ, то повышеніе лучшихъ унтеръ-офицеровъ въ высшіе чины обезпечиваетъ арміи превосходные офицерскіе кадры. Неужели думаютъ, что для образованія боевого офицера, чтобы вести роту въ огонь, старый унтеръ-офицеръ, ветеранъ Ляояна и Шахэ не стоитъ маленькаго барина въ пэнснэ, какихъ производитъ петербургскій Пажескій корпусъ и любого питомца наилучшей европейской школы? Человѣкъ можетъ все, что хочетъ. То, чего онъ не знаетъ, онъ можетъ изучить, если онъ хочетъ учиться. Ни два года, ни двадцать лѣтъ службы не сдѣлаютъ ни хорошаго солдата, ни хорошаго офицера изъ такого субъекта, который не носитъ въ своемъ сердцѣ военной доблести. Развѣ наполеоновскіе маршалы, почти всѣ прежніе унтеръ-офицера 1793 года, были хуже на

полѣ битвы тѣхъ прусскихъ и австрійскихъ педантовъ, которыхъ въ то время разводили? Какой то богъ сражался съ этими великими французами, какъ и нынѣ онъ сражается въ рядахъ японцевъ; и имя этому богу, который въ тысячу разъ могучѣе мифологическихъ боговъ,—увлеченіе, священный огонь, воодушевленіе.

При своей населенности, которая значительно выше населенности Франціи, Японія, призвавъ подъ знамена впередъ три призыва и по мѣрѣ надобности черпая свои резервы,—ко времени Мукденскаго сраженія располагала огромной военной силой. Что вѣрно это то, что подъ Мукденъ она послала силъ достачно для побѣды, потому что она одержала побѣду. Въ моментъ, когда я пишу эти строки, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ сраженія, въ Манчжурію опять отправлены огромныя подкрѣпленія, и все таки, по мнѣнію всѣхъ Европейскихъ резидентовъ на японскихъ островахъ, казармы съ юга до сѣвера еще переполнены безпрерывно обучаемыми войсками.

* * *

Исчисленіе русскихъ силъ, дравшихся подъ Мукденомъ, какъ это будетъ видно, тоже весьма затруднительно. Съ 20 января иностранные агенты считали русскую армію какъ очень сильную. Я

воспроизведу замѣтку, занесенную подъ этимъ числомъ въ мою записную книжку.

20 января. Долго говорилъ съ капитаномъ X, который между военными иностранными агентами считается наиболѣе дѣятельнымъ и разумнымъ. Капитанъ X избралъ своею спеціальностью методично опредѣлять прибытіе новыхъ войскъ и вычислять силы, уже имѣющіяся въ дѣлѣ. Онъ полагаетъ, что армія должна всего содержать болѣе 400 тысячъ человѣкъ. „Нѣкоторыя компетентныя лица,—добавилъ онъ,—исчисляютъ, что если присоединить къ этомъ итогу и людей, прикомандированныхъ къ обозамъ, интендантству и госпиталямъ, то русскихъ между Мукденомъ и Телиномъ будетъ около 500.000 человѣкъ. Что извѣстно, это, что полки имѣютъ полный комплектъ. Въ нѣкоторыхъ даже имѣется излишекъ“.

5 марта въ Токіо японскій главный штабъ думалъ, что русская армія располагаетъ до 403.000 человѣкъ, изъ коихъ 335.000 пѣхоты, 33.000 кавалеріи и 35.000 артиллеріи при 1504 орудіяхъ.

Возможно, что исчисленіе капитана X и главнаго японскаго штаба были невѣрны. Во всякомъ случаѣ мнѣ представляется невозможнымъ, чтобы Куропаткинъ не могъ располагать самое меньшее 350.000 человѣкъ. Могъ ли и сумѣлъ ли онъ пу-

стить въ бой эти 350.000 человѣкъ—вопросъ другой.

Наше личное исчисленіе основывается на слѣдующихъ данныхъ.

Русскіе Европейскіе корпуса.		Сибирскіе корпуса.	
10-й	— 32 батальона	1-й	— 24
17	— 32	2	— 28
1	— 32	3	— 24
8	— 32	4	— 32
16	— 32	5	— 32
4 прибыли только $1/2$	16	6	— 32
		5-я бригада стрѣлковъ	40
		Московская бригада	8

Всего батальоновъ . . . 396.

Считая 800 человѣкъ въ батальонѣ . .	316.800	человѣкъ
Кавалеріи и артиллеріи	50.000	„
	366.800	„
Исключая убитыхъ и тяжело раненыхъ подъ Сандепу	16.000	„

Всего будетъ . . 350.800 человѣкъ.

Для историковъ будущаго ничего не будетъ интереснѣе, какъ разобрать сплетеніе точныхъ и ошибочныхъ описаній, подготовительныхъ дѣйствій и передвиженій, предшествовавшихъ великой мукденской битвѣ. Куропаткинъ и Ойяма взаимно разсчитывали застать врасплохъ; по одинаковымъ

соображеніямъ и преслѣдуя одинаковыя цѣли они поступили одинаково.

Мнѣ неизвѣстно, какъ себя чувствовалъ въ февралѣ Куропаткинъ. Но въ его свитѣ, рядомъ съ болѣе или менѣе откровенными пессимистами, были шумливые оптимисты, для которыхъ „численная отсталость" японцевъ была вродѣ члена символа вѣры. Времена огромнаго превосходства,— говорили они,—прошли давно. Начали разсуждать „по нѣмецки". По статистикѣ и по кабинетнымъ исчисленіямъ, заимствованнымъ изъ германскихъ военныхъ журналовъ, оказывалось, что японцы могли собрать подъ знаменами не больше 280.000 человѣкъ. Эти нѣмецкія вычисленія были, конечно, самой несомнѣнной ерундою, какую только когда либо могъ написать педантъ. Уже съ февраля мѣсяца 1904 года по апрѣль 1905 съ японскихъ острововъ ушло около милліона солдатъ.

Эти нѣмецкія соображенія забрались въ нѣкоторыя головы еще съ сентября мѣсяца. Подъ ихъ то вліяніемъ Куропаткинъ и рѣшилъ перейти въ октябрѣ въ наступленіе; они еще преобладали и послѣ сраженія на Шахэ.

Мнѣ припоминается, какъ послѣ взятія Путиловской сопки, гдѣ 10.000 русскихъ ночью окружили 2.500 японцевъ, одинъ молодой аристократъ

изъ маленькаго привилегированнаго отряда развѣдчиковъ арміи мнѣ сказалъ:

— Да, да, японцы храбры, это такъ и дерутся они очень умѣло. Но они, видите ли, слишкомъ цивилизованы, чтобы устоять передъ русскимъ штыкомъ. Ну да! Они слишкомъ цивилизованы, чтобы устоять предъ нашими мужиками. А онъ ужасенъ, нашъ мужикъ, когда у него въ рукахъ штыкъ! Настоящій дикарь! Онъ бьетъ съ размаху. Что вы хотите! Японцы достигли верха своего напряженія, а теперь начинаемъ мы. Мы собираемся въ Ляоянъ. Бѣдные японцы! Ихъ цивилизація слишкомъ стара! Они не могутъ драться холоднымъ оружіемъ. Они употребили всѣ усилія, но ихъ дѣло проиграно. И впредь они уже будутъ ниже насъ численно! Ахъ, этотъ русскій мужикъ! Его сила, видите ли, быть настоящимъ дикаремъ.

Неизлѣчимое увлеченіе, для пробужденія котораго достаточно было частичнаго успѣха! Я не выдумалъ этотъ разговоръ и привожу его слово въ слово. Скорѣе я смягчилъ выраженія, чѣмъ преувеличилъ. Впрочемъ въ то же самое время нѣкоторые офицера развѣдочной службы, — народъ, державшійся на отлетѣ отъ арміи и съ самыхъ первыхъ дней войны особенно пессимистическій,— сообщали, что лишь безпрерывныя потери людей

подъ Портъ-Артуромъ задерживаютъ японское наступленіе на сѣверъ. А какъ только падетъ Портъ-Артуръ, говорили они въ полголоса, то вполнѣ можно будетъ увидѣть нѣчто чрезвычайное.

Но во всякомъ случаѣ среди офицерства 13-го корпуса должны быть засвидѣтельствованы въ одно время самые противоположныя мнѣнія. И что имѣетъ значеніе, это уловить изъ нихъ господствующее. И вотъ преобладающей въ январѣ и февралѣ увѣренностью было то, что впредъ японцы будутъ ограничиваться оборонительной войной, такъ какъ имъ нѣтъ никакого смысла двигаться дальше на сѣверъ и что ихъ силы, считая самое большее 300.000 человѣкъ, были бы слишкомъ слабы, чтобы овладѣть линіей укрѣпленій на Шахэ.

— Японцы больше не будутъ аттаковать! Къ чему, хотите вы, имъ аттаковать? Къ тому же, видимо, имъ перестаетъ и нравиться эта война. У нихъ замѣтны признаки утомленія и истощенія.

Отвѣтить на это не находилось ничего!

Замѣчательная вещь, это мнѣніе, что японцы не будутъ аттаковать, раздѣлялось и нѣкоторыми военными агентами, прикомандированными къ японской арміи. Одно лицо, свидѣтельство котораго

не кажется мнѣ сомнительнымъ, слышало, какъ эти господа около 10 февраля говорили:

— Японцы больше не пойдутъ въ аттаку. Къ чему, думаете вы, имъ аттаковать? Они больше никогда не рискнуть противъ 500.000 Куропаткина. Придется ли имъ отступить? Это сомнительно. Но сами они аттаковать не будутъ!

Правда, что японскій главный штабъ коварно таилъ свои планы и ухитрялся дѣлать невозможнымъ точное опредѣленіе силъ, которыми онъ располагалъ. И въ одно время, когда Куропаткинъ въ февралѣ тщательно скрывалъ размѣщеніе своихъ корпусовъ, расчищая себѣ поле битвы и замышляя свое наступательное движеніе,—Ойяма тоже принималъ точно такія же мѣры. Онъ радикальнымъ образомъ измѣнилъ характеръ размѣщенія своихъ силъ, перемѣнилъ порядокъ нѣкоторыхъ частей и почти совершенно перестроилъ не четыре, какъ думали русскіе, а всѣ пять своихъ армій. Такимъ образомъ, если допустить, что русскіе по изученію постоянно забираемыхъ ими плѣнныхъ и по сопоставленію разсказовъ своихъ китайцевъ-шпіоновъ могли получить извѣстныя указанія о расположеніи силъ непріятельскихъ армій, то эти указанія на канунѣ битвы были уже совершенно невѣрны. Съ обоихъ береговъ Шахэ

русскіе и японцы готовились кинуться другъ на друга. Русскіе въ двухъ потайныхъ мѣстахъ сложили снаряды; пѣхотѣ роздали огромное количество ручныхъ гранатъ, а также и деревянныя лѣсенки съ крючьями, чтобы облегчить подъемъ на непріятельскіе парапеты.

Каждый русскій пѣхотинецъ получилъ по три сотни зарядовъ.

Японцы въ самой глубокой тайнѣ привезли изъ Портъ-Артура колоссальныя 28 сантиметровыя гаубицы и между Шахепу и Янтаемъ спрятали чудовищную баттарею, предназначенную разгромить Путиловскую сопку, которая будучи, превращена въ крѣпость, была вооружена мортирами и пушками Канэ и была бы въ состояніи вымести свинцовымъ вихремъ всю долину Ша.

Пожалуй грандіознѣе самой битвы были эти безмолвныя приготовленія обѣихъ армій противниковъ и эта группировка огромныхъ массъ; разсчитывая застать другого въ расплохъ они не предвидѣли одного: оказаться изготовившимися въ одно время и сдѣлаться предметомъ нападенія.

XXIII

Генералы армій какъ на сторонѣ русскихъ, такъ и японцевъ, засыпали своихъ подчиненныхъ инструкціями. Я познакомился съ секретной инструкціей генерала Оку для его офицеровъ отъ 21 февраля. Я возстановлю на память слѣдующія заключительныя фразы, которыя не могутъ не воспламенить солдата:

„Вотъ результатъ нашихъ размышленій, почерпнутый изъ опыта многихъ мѣсяцевъ, когда пожертвованы были тысячи человѣческихъ жизней. Подумайте объ этомъ хорошенько.

Когда нужно аттаковать непріятельскую позицію, эта позиція должна подвергаться пушечному огню не иначе, какъ до того момента, когда пѣхота будетъ готова броситься завершить дѣло артиллеріи. Обстрѣливать же пушками позиціи безполезно, если пѣхота не въ состояніи немедленно ихъ аттаковать.

Такъ какъ земля еще мерзлая и такимъ об-

разомъ пока невозможно возведеніе защитныхъ сооруженій, то пѣхота, идя въ аттаку, должна нести мѣшки съ пескомъ, за которыми можно прятаться всякій разъ, когда ей нужно остановиться.

Разъ взятую позицію никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, не должно очищать: ее нужно удерживать во что бы то ни стало.

Для отраженія непріятельской аттаки въ особенности полезны пулеметы. Митральезы никогда не должно бросать. Дѣйствіе каждой митральезы должно быть безупречно. Лучше разобрать ее и вычистить даже подъ огнемъ, чѣмъ продолжать пользоваться ею кое какъ, благодаря несовершенству ея дѣйствія. Для нападенія на иныя укрѣпленія представляется иногда случай втащить на близкое разстояніе къ непріятелю горныя пушки, но безъ лошадей, на рукахъ.

„Когда требуется защищать извѣстную часть равнины, при чемъ по ней разсѣяны деревни, тогда между этими деревнями нужно раскинуть самыя жидкія линіи стрѣлковъ. Деревни будутъ настоящими маленькими фортами, которые перекрещиваютъ свой огонь и въ которыхъ резервы могутъ въ относительной безопасности выждать свое время дѣйствовать.

„Начальники отдѣльныхъ частей не должны пассивно ожидать полученія приказаній, чтобы принять извѣстное необходимое рѣшеніе. Они должны постоянно наблюдать что происходитъ на право и на лѣво отъ нихъ и стараться всегда дѣйствовать въ полномъ согласіи съ сосѣдними частями“.

Возможно, что секретныя инструкціи генерала Оку содержали и другіе параграфы, но мнѣ не удалось ихъ узнать.

Одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя послѣдствія. Нигдѣ это правило такъ не оправдывается какъ на войнѣ. Глядя съ юга на сѣверъ Ойяма видѣлъ предъ собой непроницаемый русскій фронтъ. На право отъ него, онъ зналъ, простирается почти безконечное лѣвое русское крыло, черезъ всю сѣть перевaловъ, черезъ весь хаосъ отроговъ, по невѣдомымъ горамъ, въ которыхъ съ начала войны, японскіе полки умѣли такъ ловко и хитро дѣйствовать.

На лѣво отъ него, въ печальной долинѣ Хуна и Ляо простиралось правое русское крыло, и здѣсь же находились два слабыхъ стратегическихъ пункта обѣихъ главныхъ базъ, русскій и японскій: уязвимая точка Ляоянъ и такая же— Мукденъ. Развѣ отчаянная и до извѣстной сте-

пени удачная аттака Гриппенбергомъ Сандепу не показала лишній разъ, что, въ силу необходимости, именно на равнинѣ запада произойдетъ сраженіе, которымъ рѣшится исходъ войны.

Куропаткинъ, глядя съ сѣвера на югъ, тоже оказывался передъ фронтомъ, который онъ тщетно бы пытался пробить прямыми аттаками. Ему помнилось сраженіи на Шахэ, и какъ въ октябрѣ армія барона Штакельберга, несмотря на свои энергичныя аттаки разбилась о дикіе перевалы, запирающіе восточную сторону. Онъ думалъ и о совсѣмъ недавнемъ полууспѣхѣ Гриппенберга на равнинѣ. И въ уязвимости лѣваго японскаго крыла благоразумный главнокомандующій видѣлъ не то заманку не то предостереженіе, грозящее спокойствію праваго русскаго крыла. Онъ былъ счастливъ, что подумалъ укрѣпить это правое крыло, какъ разъ на этой самой равнинѣ цѣлой линіей редутовъ, законченныхъ къ самому началу сраженія у Сандепу и идущихъ параллельно желѣзной дорогѣ, приблизительно въ восьми километрахъ отъ нея, начиная отъ рѣки Хунъ и до самой Синминтинской дороги. Знали ли японцы до мукденскаго сраженія о существованіи этихъ новыхъ укрѣпленій? Это неизвѣстно навѣрное, но все говоритъ о возможности утвердительнаго

отвѣта, потому что въ теченіе всего января и февраля мѣсяца ихъ шпіонство не ослабѣвало ни на одно мгновенье. Какъ это случилось и съ самаго начала войны, во время видимаго зимняго затишья русскіе время отъ времени забирали въ окрестностяхъ Мукдена, а главнымъ образомъ по сторонамъ желѣзной дороги, маленькихъ китайцевъ съ подвязанною заплетенной косой и прикидывавшихся тѣми забавными простаками, какіе обычно попадаются среди манчжурскихъ нищихъ. Съ момента своего арестованія эти плѣнники, видя, что ихъ искусственная коса, какими они пользуются, никого больше не обманетъ, и не думали скрывать, что одни изъ нихъ—офицера японскаго главнаго штаба, а другіе—служащіе въ развѣдочной части, и неизбѣжно съ достоинствомъ погибали. Всякій разъ, когда забирали такихъ плѣнныхъ, русскіе офицера качали головами и давали почувствовать ихъ безпокойство. На одного пойманнаго сколько несомнѣнно другихъ бродило по полямъ! И отсюда какъ же что нибудь скрыть, какъ что нибудь сдѣлать въ тайнѣ? Временами ими овладѣвало глубокое уныніе: все для нихъ въ этой мерзкой странѣ было враждебно; все вплоть до совершеннаго сходства кожи китайца и кожи японца!.. И ихъ воображе-

ніе омрачалось: рядомъ съ дѣйствительными опасностями имъ мерещились воображаемыя. Война скорѣе внушала имъ отвращеніе, чѣмъ страхъ. И воюющіе проклинали ее.

Вотъ какъ они почти все время производили свои развѣдки, эти природные солдаты—пришлецы съ острововъ Японіи; они изъяли изъ войны все, что несогласовалось съ ихъ суровымъ милитаризмомъ. Науку изученія поля битвы; науку военнаго изслѣдованія они усовершенствовали, украсили ее блестящими подвигами и безмолвными жертвами. Они предпринимали не столько быстрыхъ наѣздовъ и шумныхъ набѣговъ эскадроновъ, сколько потайныхъ розысковъ немногими пѣхотинцами. Отвагѣ смѣлаго рубаки они предпочли самоотверженность героя, то ползущаго среди кустарника, то таящагося въ тинѣ болота, то въ рубищѣ китайскаго погонщика плетущагося по дорогѣ. Вмѣсто блестящей отваги—безмолвный подвигъ и безыменная жертва; и имъ то японская армія обязана относительнымъ превосходствомъ своей развѣдки.

И поэтому можно думать, что раньше, чѣмъ двинуться на Мукденъ, японцы уже знали, что на западной равнинѣ существуетъ оборонительная

система укрѣпленій, на которыхъ 7, 8 и 9 числа и спаслась часть русской арміи.

Итакъ, Куропаткинъ и Ойяма въ одно время и одинаковыми обстоятельствами вынуждены были избрать одинаковый планъ сраженія. Куропаткинъ рѣшилъ притворно наброситься на лѣвое и правое крыло японцевъ и затѣмъ, въ рѣшающій моментъ, произвести на равнинѣ напряженный натискъ, который вытолкнетъ его армію на Ляоянъ.

Ойяма предполагалъ завлечь главныя русскія силы въ горы на востокъ и такъ бомбардировать и аттаковать непріятельскій центръ, что бы онъ ни на одно мгновенье не могъ отпустить своихъ защитниковъ. Въ то же самое время онъ проектировалъ аттаковать правое русское крыло и дать прорваться съ востока на сѣверъ отдѣльной арміи, которую онъ до этого времени тщательно скрывалъ, и затѣмъ, наконецъ, произвести всѣми своими силами охватное движеніе вокругъ Мукдена, такъ чтобы въ результатѣ японскія арміи оказались на оборонительныхъ, предназначенныхъ противъ наступленія, позиціяхъ и совершенно закрыли мѣстность. То, что задумалъ японскій главный штабъ, было не взятіе Мукдена, а взятіе русской арміи: новый Седанъ.

Куропаткинъ хотѣлъ изо всѣхъ силъ, чтобы

его широкіе замыслы осуществились. Ему угодно было вообразить, что они осуществятся и что побѣда — вещь вполнѣ логичная. Но не зная числа японцевъ, опасаясь какихъ нибудь неожиданностей, угнетаемый своими предшествующими пораженіями, и чувствуя, что въ его войскахъ мало увѣренности, вслѣдствіе длиннаго ряда неудачъ, онъ, несомнѣнно, соблаговолилъ на возможность отложить срокъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Сандепу! Какое мрачное предзнаменованіе! Даже въ такихъ условіяхъ, которыя, какъ прежде думали, больше всего благопріятны для русскихъ, то есть зимой и на равнинѣ, и то не удалось нанести японцамъ пораженіе. Неужели же они непобѣдимы?

Въ особенности Куропаткинъ чувствовалъ тяготѣніе надъ русской арміей стратегическаго рока, который съ начала войны приковывалъ его къ единственной линіи сообщенія: желѣзной дорогѣ. Чтобы лишь никогда не потерять сообщенія съ желѣзной дорогой! Лишь бы когда нибудь не лишить себя, отходя отъ дороги, всякаго средства отступленія. Быть обязаннымъ помнить лишь объ одномъ, объ единственномъ существенномъ: чтобы не допустить непріятеля укрѣпиться на желѣзной дорогѣ къ сѣверу отъ русской арміи; и

это подъ страхомъ немедленнаго и полнаго разгрома.

О, вы, которые позволяете себѣ критиковать Куропаткина, что бы такое изобрѣли вы сами, чтобы лучше, чѣмъ онъ, выпутаться изъ этой роковой неизбѣжности? Какую-бы такую выдумали вы стратегію, что бы первымъ пунктомъ ея не было обереженіе нетронутою и свободною единственной линіи сообщенія, соединяющей армію съ Россіей.

Ойяма, тотъ со своей фалангой суровыхъ генераловъ, во всемъ согласныхъ между собою и фанатиковъ долга, со своею арміей неизмѣнно побѣдоносной и воодушевленной молодежи, которые всѣ до такой степени привыкли гнать непріятеля, что даже не допускали возможности пораженія, и до такой степени, пылали благороднымъ патріотическимъ огнемъ, что за величайшее счастье и честь почитали быть посланными въ самыя опасныя мѣста,—имъ Ойяма могъ отдавать приказъ побѣдить. Армія вся, начиная отъ главнокомандующаго и до послѣдняго рекрута, трепетала отъ неистоваго воодушевленія. Армія вся, по всѣмъ тремъ линіямъ изъ Кореи, отъ Дальняго и Инкоу, стремилась къ единой цѣли, къ единой мысли, рядомъ съ которой не существовало ни

цѣлей личныхъ, ни мыслей, ни самолюбій; это: гнать русскихъ! Бить русскихъ! Раздавить русскихъ!

Первымъ ударилъ Ойяма. И Куропаткинъ внезапно получилъ по своему крайнему лѣвому флангу такой жестокій ударъ, что тутъ же оставилъ свой собственный планъ аттаки. Сбитый, онъ уже думалъ только о томъ, чтобы пассивно отражать наносимые ему удары. Лучшимъ отвѣтомъ было-бы, несомнѣнно, немедленно перейти въ наступленіе въ другой точкѣ линіи. Куропаткинъ не посмѣлъ этого. И виноватъ-ли онъ, что не посмѣлъ?

Никогда, повторяю это, такъ,—какъ къ этимъ обстоятельствамъ, не подходило сравненіе завязавшейся борьбы двухъ фехтовальщиковъ на шпагахъ, изъ коихъ одинъ такъ напуганъ громкой репутаціей другого, что не смѣетъ ничего предпринять и ограничивается тѣмъ, что бы лишь получше изловчиться увернуться отъ нападеній со всѣхъ сторонъ. Если бы смогъ онъ найти въ себѣ хоть немного храбрости и осмѣлился пренебречь угрозами противника и остановилъ его рѣзкимъ выпадомъ стали, то, можетъ быть, онъ и ударилъ бы его и уже, во всякомъ случаѣ, заставилъ бы держаться на разстояніи и наступать впредь съ осторожностью. Но нѣтъ! Предъ нимъ знаме-

нитый побѣдитель, который ему уже нанесъ множество пораженій; и онъ уже заранѣе считаетъ себя побитымъ. Если онъ пробуетъ пригрозить, это выходитъ вяло и робко; если онъ пытается нападать, его нападеніе ведется нерѣшительно, если онъ даетъ отбой, то ждетъ сильнѣйшій контротбой. На всѣ угрозы своего противника онъ отвѣчаетъ робкимъ маханьемъ по пустому пространству. И какова-бы ни была его ловкость въ увертываньи отъ ударовъ, онъ въ состояніи лишь замедлить тотъ роковой моментъ, въ который шпага притивника вонзится въ его грудь.

Будучи аттакованъ 19 февраля на самомъ краю своего лѣваго крыла, Куропаткинъ немедленно отвѣчаетъ на эту японскую угрозу. Быстро онъ бросаетъ въ горы свои резервы. Правда, отвѣтъ былъ данъ на совѣсть съ быстротою и силой ужасными. Но чтобы онъ былъ полезенъ и обманулъ противника, нужно было, что бы онъ представлялъ дѣйствительную угрозу. Японцы съ самаго своего перехода черезъ Ялу, доказали, что поняли эту истину.

Да, разумѣется, пассивная оборона, къ которой Куропаткинъ всегда былъ склоненъ, расходилась со всѣми учебниками классической тактики и не сходилась съ тѣми правилами, которые

были извлечены Клаузевицемъ изъ тяжкаго наполеоновскаго урока. Послѣдній лавочникъ, съ хорошимъ нюхомъ, замѣтилъ-бы это такъ же ясно, какъ какой нибудь профессоръ побѣдъ. Впрочемъ побѣдами овладѣваютъ на полѣ сраженія не всегда профессора. „Духъ дышетъ, идѣ же хощетъ“.

Вопросъ теперь не въ этомъ. Критика должна только рѣшить слѣдующее: Могъ-ли Куропаткинъ, находясь въ мало-извѣстной и враждебной странѣ, со своими тремя арміями, въ нѣкоторомъ родѣ висѣвшими на ниткѣ въ 9000 километровъ длиной, и постоянно обязанный прежде всего думать о томъ, что бы не дать обрубить эту нить; борясь, со своими мало-воодушевленными солдатами, противъ первой въ мірѣ пѣхоты, могъ ли быть Куропаткинъ хозяиномъ своихъ движеній и могъ ли онъ управлять своими массами, какъ управлялъ бы онъ ими въ Польшѣ? Таковъ, какъ онъ есть, онъ, можетъ быть, сталъ бы великимъ полководцемъ на берегахъ Вислы, но на берегахъ Хуна онъ не устоялъ.

XXIV

Первая фаза сраженія

10 февраля по близости отъ береговъ Тайтзехо, въ глубинѣ самыхъ дикихъ горъ, въ ста десяти километрахъ на востокъ отъ Ляояна появилась японская армія, которую защитники крайняго лѣваго русскаго крыла приняли за отрядъ арміи Куроки. Но это была пятая армія, армія Кавамуры. Главный штабъ Куропаткина и не подозрѣвалъ, что она находится въ этихъ мѣстахъ. Невѣрныя свѣдѣнія ее показывали идущей на бухту Посьета и Владивостокъ.

Генералъ Кавамура въ короткое время прибылъ во главѣ резервной дивизіи съ береговъ Ялу на берега Тайтзехо. 18-го вечеромъ къ нему присоединилась 11-я дивизія, которую ожидали отъ арміи Ноги и которая форсированнымъ маршемъ пришла изъ Портъ-Артура. И почти немедленно завязалось огромное сраженіе. Обратившись къ

своей арміи съ одной изъ лучшихъ, какія только когда либо слагались, военной рѣчью, Кавамура бросилъ ее на высоты Шингошенга, откуда сверху русскіе смотрѣли, какъ внизу, въ долинѣ, сверкалъ ледъ Тайтзехо. Замѣтивъ передъ собой огромныя природныя, увѣнчанныя укрѣпленіями стѣны, и окинувъ взглядомъ валы, изрыгавшіе огонь своихъ пушекъ, ветераны 11-й дивизіи весело воскликнули:

— Это опять Портъ-Артуръ! Опять Портъ-Артуръ!

Эти позиціи обезпокоили бы самыхъ храбрыхъ. Когда русскіе изъ арміи Штакельберга, во время сраженія на Шахэ цѣлыхъ три дня аттаковали крутыя, похожія на Шингошенгскія высоты, горы, то они признали ихъ неприступными. А японцы посмотрѣли на вершины Шингошенга и сказали: „Идемъ туда!“ И пошли.

Замѣтивъ ихъ приближеніе, русскіе первыми открыли по нимъ огонь съ такихъ высотъ, гдѣ до сихъ поръ ютились лишь хищныя птицы да дикіе звѣри. Артиллерія, отъ которой стонало въ воздухѣ, опустошала долины, гдѣ проходили японцы. Аттака была трудная, кровопролитная, безрезультатная. Вершины, гдѣ засѣли русскіе, долгое время оставались неприступными. Нужно

самому видѣть всѣ эти затерянныя среди горъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ склоновъ, ущелья, нужно самому забраться на эти вертикальныя вершины, до которыхъ даже ничѣмъ не обремененный человѣкъ можетъ добраться лишь цѣною величайшихъ усилій, чтобы понять, что такое было здѣсь наступленіе пѣхоты подъ градомъ снарядовъ. Много разъ, будучи не въ состояніи продолжать свое наступленіе, японцы должны были оставаться лежать, притаившись на цѣлые часы среди скалъ и поджидая благопріятнаго случая. Всякій разъ, какъ только они пробовали подниматься на гору, русскіе скатывали на нихъ огромныя скалы, которыя ихъ давили, какъ глыбы какой-то чудовищной катапульты. Наконецъ полтора десятка волонтеровъ добрались до цѣли. Съ ловкостью краснокожихъ они, не будучи замѣчены, вскарабкались до самаго подножія вершины. Они добрались до той стороны русскихъ позицій, которая казалась неприступной и потому охранялась слабѣе другихъ. Ползя съ бороздки до бороздки, вдоль одного изъ валовъ, они добрались до уровня перваго русскаго парапета и изъ-за него, какъ какіе нибудь террористы-динамитчики, начали бросать свои ручныя гранаты, которыми были вооружены.

Пользуясь безпорядкомъ, возникшимъ благодаря неожиданнымъ взрывамъ этихъ снарядовъ среди защитниковъ Шингошенга, японская пѣхота устремилась на линію и взяла ее. Это было 24 февраля. Попавшіе въ плѣнъ русскіе офицера нѣсколько времени спустя говорили японскимъ офицерамъ:

— Чтобы завладѣть подобными позиціями, надо, чтобы вы были портартурцами. Вами командуетъ, вѣрно, генералъ Ноги?

И русская армія, шестнадцать батальоновъ которой отступили къ Далинскому перевалу, ушла въ полной увѣренности, что ее побилъ генералъ Ноги?

24-го армія Кавамуры отъ Шингошенга направилась къ Далинскому перевалу, который такъ же важенъ для обороны Мукдена, какъ былъ Мотіенлинскій перевалъ, когда стремились преградить японцамъ доступъ къ Ляояну. Далинскій перевалъ образуетъ поистинѣ неприступную позицію. Японцы попробовали взять его съ разбѣга. Но склонъ горы былъ покрытъ снѣгомъ; и они оскальзывались на каждомъ шагу. И тѣ, кто не палъ отъ русскихъ пуль, печально катился кубаремъ вдоль совсѣмъ бѣлыхъ склоновъ. Тогда нѣсколько солдатъ, знавшихъ по русски, закричали эти эпическія слова:

— Ну мѣсто, мѣсто портартурскимъ солдатамъ! Давайте дорогу, мы хотимъ итти на Мукденъ!

Сорвалось ли это восклицаніе добровольно съ устъ воодушевленныхъ солдатъ? Не было ли оно заготовлено и припасено заранѣе? Не была ли это военная хитрость, выдуманная японскими генералами. Что достовѣрно, это то, что она принесла существенные результаты. Долетѣвъ до русскаго главнаго штаба, она породила ту мысль, что вся портартурская армія проникла на востокъ, куда слѣдовательно стремятся и главныя силы японцевъ.

Не будучи въ состояніи пройти по единственной дорогѣ—Далинскому корридору и не желая медлить, японцы выдумали тогда новую военную хитрость, чтобы преодолѣть это препятствіе. Маленькая колонна во время огня вскарабкалась на гору, взобралась на стѣну, которую считали неприступной, и затѣмъ, ползя съ гребня на гребень, съ вершины на вершину, со склона на склонъ, сумѣла обойти перевалъ и къ зарѣ описавъ кругъ, прорвалась на сѣверъ, то есть въ тылъ русскимъ, обращеннымъ на югъ. Эти послѣдніе были такъ озадачены, что могли только отступить со всею, на какую они способны, поспѣшностью. И фушунская дорога, дорога на Мук-

денъ, была открыта почти безъ пушечнаго выстрѣла.

Узнавъ эту печальную вѣсть, Куропаткинъ былъ такъ взбѣшенъ, что перепугалъ своихъ окружающихъ.

Алексѣева, который командовалъ Далинской арміей, онъ немедленно отставилъ. Неопытность этого генерала его поразила. Какъ могъ онъ не подумать охранять окрестности перевала! Что же могъ подѣлать главнокомандующій, если его распоряженія такъ пренебрегаются, если самыя лучшія линіи обороны арміи должны были падать въ одну ночь; если дивизіонные генералы такъ легко поддавались на непріятельскія хитрости? Огорченіе Куропаткина долго изливалось въ скорбныхъ словахъ. Онъ уже предчувствовалъ, что неумолимая судьба снова собиралась выступить противъ арміи царя-самодержца.

Люди, находившіеся въ Мукденѣ, видѣли, какъ черезъ два дня послѣ этого по улицамъ города плелся съ опущенными руками, безъ провожатыхъ, даже безъ деньщика, какой то генералъ съ блѣднымъ искаженнымъ лицомъ и съ полными слезъ глазами. Это былъ выгнанный неумолимымъ Куропаткинымъ со службы Алексѣевъ. Это была развалина человѣка, раздавленная тяжестью не-

счастья, которое уже вилось надъ всей арміей. Это былъ Алексѣевъ — онъ много провинился, если только не былъ большою жертвой. Исторія разсудитъ. А мы судить не будемъ.

Ахъ, когда вы видите, съ какой помпой появляется дивизіонный генералъ на смотры, подъ звуки громкозвучной мѣди, среди моря нетерпѣливыхъ эскадроновъ, въ сопровожденіи своего штаба, весь въ крестахъ, въ аксельбантахъ, шнурахъ и эполетахъ, тогда вы весь подчинитесь впечатлѣнію всего этого престижа, всего этого блеска, который вьется въ складкахъ отороченнаго золотомъ знамени. Но, какъ мало нужно, ахъ какъ мало нужно на войнѣ, чтобы все это погубить, чтобы все это разрушить, чтобы изъ блестящаго начальства сдѣлать обезображенный трупъ, вродѣ Келлера или Кондратенко, запыленнаго раненаго, вродѣ Кондратовича, что то потерянное, вродѣ Алексѣева, что то негодное, какъ множество иныхъ. Небрежность, неблагоразуміе, заснувшій часовой, безмолвное среди ночи наступленіе непріятельскаго отряда, и его внезапное появленіе изъ мрака, при дуновеніи знобящаго утренняго вѣтерка, подъ дрожь зимняго утра и немилость злой судьбы.

Куропаткинъ думалъ, что онъ виноватъ самъ,

что не послалъ для охраны перевала одного изъ своихъ генераловъ, болѣе привыкшаго къ горной войнѣ. Если онъ всѣхъ своихъ дѣятельныхъ людей услалъ на равнину, то потому, что ждалъ отъ нихъ тамъ, когда данъ будетъ сигналъ, рѣшительной аттаки.

Но разъ японцы, и на этотъ разъ опять, захватили себѣ инициативу сраженія и восточныя двери на мукденскую дорогу уже въ ихъ рукахъ,—то нужно какъ можно скорѣе отбивать ихъ. Надо недопустить, чтобы цвѣтъ японской арміи—портартурская армія врѣзалась клиномъ до самой рѣки Хунъ. Не было никакого сомнѣнія, что непріятель собирается напасть на Мукденъ съ горъ, съ востока. Та рѣшительность, съ какою наступающіе стремились на Далинскій перевалъ, слишкомъ обнаруживала ихъ намѣренія.

И затѣмъ, кто знаетъ? Не объявили ли Куропаткину командиры отдѣльныхъ частей на Востокѣ, въ оправданіе своихъ неудачъ, что на нихъ наступали подавляющія силы? Подобныя нравственныя натяжки иногда практиковались. Куропаткинъ во всякомъ случаѣ свою задачу сдѣлалъ: съ самаго края своего праваго крыла онъ напротивоположный конецъ лѣваго, чтобы защищать доступъ къ Фушуну, послалъ одного изъ числа самыхъ

рѣшительныхъ, генерала Ренненкампфа, многочисленныя дѣла котораго въ Кореѣ дали ему опытность въ управленіи дѣйствіями въ горахъ. И Ренненкампфъ повелъ съ собою на Востокъ силы изъ 32 батальоновъ, 7 баттарей и 12 эскадроновъ. Лучшій армейскій корпусъ, 1-й Сибирскій, то же устремился на Востокъ. Первое нападеніе японцевъ удалось имъ лучше, несомнѣнно, чѣмъ они надѣялись, и съ 26 числа правое русское крыло опасно ослабѣло. Да, внѣ сомнѣнія, съ 27 февраля по 7 марта Ренненкампфъ сумѣлъ заставить армію Кавамуры оставаться на мѣстѣ. Онъ останавливалъ ее въ Машуантанѣ и въ Титѣ и иногда даже одерживалъ частичныя побѣды.

Но теперь мы можемъ отвести наши влгляды отъ Фушунской дороги. Интересъ теперь въ другомъ мѣстѣ: началась вторая часть сраженія. На сцену выступилъ съ тремя дивизіями и одной бригадой Куроки. Принуждая Ренненкампфа къ отступленію армія Кавамуры появилась къ сѣверу отъ Мукдена лишь 9 и 10 марта; довольно быстро, что бы превратить битву въ разгромъ, но слишкомъ поздно, чтобы запереть армію царя и истребить ее или заставить сдаться.

XXV

Вторая фаза сраженія

Выше мы видѣли, какъ пятая японская армія подъ командой Кавамуры завлекла въ восточныя горы, то есть на югъ и юго-востокъ отъ Фушуна, огромную часть русскихъ резервовъ. Это было первой фазой сраженія.

Куропаткинъ не хотѣлъ или не могъ взяться помѣшать рѣшительной контраттакой осуществленію японскаго плана. Онъ все болѣе и болѣе позволялъ имъ устроиться и подготовить ихъ рѣшительный ударъ. Мукденъ уже онъ считалъ въ опасности. И волей-неволей, но онъ думаетъ лишь о томъ, чтобы устоять. Онъ неищетъ больше побѣды; онъ еще надѣется ослабить стремительность наступающихъ и свести все къ повторенію нерѣшительной огромной октябрьской битвы. Сраженіемъ руководилъ однако японскій главный штабъ. Усиленный бездѣятельностью своего против-

ника, онъ оказывается въ состояніи съ подавляющей точностью осуществить заготовленное имъ вторичное нападеніе. Его задачей впредь будетъ задерживать русскихъ не только на Востокѣ, но вдоль всего ихъ южнаго фронта, такъ чтобы приковать ихъ къ мѣсту, изнурить и заставить еще больше ослабить ихъ правое крыло, на которое, когда наступитъ время, устремится Ноги.

Итакъ постепенно берега Шахэ оживаютъ. Пока Ренненкампфъ задерживаетъ Кавамуру на дорогахъ, ведущихъ въ Фушунъ, тѣмъ временемъ начинаетъ свое наступленіе сосѣдъ Кавамуры, Куроки. И волна огня послѣдовательно катится съ Востока на Западъ. Стоящіе по обѣ стороны манчжурской желѣзной дороги Нодзу и Оку, армія котораго простирается дальше рѣки Хунъ, открываютъ огонь изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Это уже большое сраженіе. Но пока еще нерѣшительное. Въ теченіе первой и второй фазы его наступающіе повсюду остановлены русскими окопами. Мукденъ еще не въ неминуемой опасности.

За время зимы артиллерія русскихъ позицій не переставала то и дѣло посылать свои заряды къ японскимъ линіямъ. Рѣдки были такіе дни, чтобы громъ пушекъ не раскатывался по долинѣ Шахэ. Давая офицерамъ своихъ баттарей приказъ дѣ-

лать въ опредѣленный періодъ времени, извѣстное число выстрѣловъ, Куропаткинъ могъ преслѣдовать лишь одну цѣль: „обстрѣлять" свои прибывшія и еще не видавшія огня подкрѣпленія и пріучить ихъ спокойно слушать пушечный ревъ. Стрѣляя по очень отдаленной цѣли за время зимняго полуперемирія, русскіе офицера продѣлывали это —одни съ безразличіемъ, а другіе — съ такимъ чувствомъ, что, казалось, имъ было жаль тратить снаряды. Японцы на эту бомбардировку почти не отвѣчали совсѣмъ. Ничтожное количество жертвъ, которые вызывали на ихъ аванпостахъ русскіе снаряды, рѣшительно говорило о безполезности участія въ подобной стрѣльбѣ безъ опредѣленной цѣли. Въ одно январское утро въ центрѣ двухъ линій русскіе послали въ японскія позиціи массу снарядовъ и вывели изъ строю не больше десяти человѣкъ. Японцы открывали подобную стрѣльбу по русскимъ позиціямъ лишь тогда, когда хотѣли вызвать тѣхъ стрѣлять, чтобы провѣрить приблизительное мѣстоположеніе и калибръ вновь постановленныхъ въ непріятельскихъ баттареяхъ орудій.

Японцы повидимому иногда забавлялись игрой вызывать эти оглушительныя кононады, производя гдѣ нибудь притворную аттаку, одной угрозы кото-

рой часто было достаточно, чтобы перебудоражить всю линію русскихъ баттарей. Одна изъ такихъ бомбардировокъ всѣхъ японскихъ позицій, воздвигнутыхъ въ районѣ желѣзной дороги, вокругъ Шахепу, происходила 16 февраля. 23-го аттака японской пѣхоты на центръ пѣхотныхъ позицій на Шахэ, заставила русскихъ отодвинуть назадъ свои аванпосты, которые были помѣщены къ югу отъ Ша. Учебная русская стрѣльба продолжалась. 26-го кажется, что Куропаткинъ, обезнадеженный дурными вѣстями, дошедшими до него съ крайняго лѣваго крыла, возымѣлъ позывъ, если не желаніе перейти въ наступленіе на правомъ крылѣ. И вся его артиллерія запада, начиная отъ района Ляо и вплоть до Хуна и отъ Хуна до самой Шахепу начала ожесточенно бомбардироватъ японскія позиціи. Ночью 26-го небольшіе русскіе отряды начали смѣлыя ночныя аттаки. 27-го, когда снѣжная буря несла по печальной равнинѣ свои вихри, пять русскихъ ротъ бросились вдоль рельсоваго пути, застали въ расплохъ японскіе аванпосты и взяли ихъ въ штыки. Своей отвагой они изумили непріятеля и отошли назадъ только тогда, когда предъ ними развернулись превосходящія ихъ силы.

Но въ тотъ же самый день заговорила вся русская гора, по Шахэ полились волны огня.

Огромная русская крѣпость, лежащая между четырьмя холмами Каотулиномъ, Баняпутзой, Эрдаго и Путиловской сопкой загремѣла ударъ за ударомъ. На японскомъ фронтѣ обнаружились колосальныя баттареи. Гигантскія бомбы 28 сантиметровыхъ гаубицъ стали падать на Путиловскую сопку, защитники которой съ ужасомъ узнали колоссальные снаряды, про которые писалъ Стессель, что они сокрушили форты Портъ-Артура. Чтобы убѣдить Куропаткина въ ужасной дѣйствительности одинъ изъ такихъ снарядовъ, который не разорвался, взвалили на арбу и отправили въ Мукденъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней потомъ его съ изумленіемъ нашли Японцы, не понявъ сначала, какъ онъ могъ долетѣть до сихъ поръ.

Какъ бы то ни было, но защитники Сопки, когда прошелъ первый моментъ изумленія, замѣтили, что противъ земляныхъ сооруженій эти чудовищныя бомбы не такъ сокрушительны какъ о нихъ думали. Такъ какъ японскія гаубицы стрѣляютъ—тайна еще не разъясненная—черным порохомъ, то расположеніе ихъ открывается легко, и русскія полевыя баттареи простою шрапнелью въ состояніи истребить японскихъ артиллеристовъ по подножія ихъ огромныхъ лафетовъ.

Сопка—настоящій вулканъ, изрыгающій огонь

и желѣзо. Насильно отнятая у японцевъ во время памятной схватки, которою завершилось октябрьское сраженіе, потомъ, за цѣлую зиму, вся изрытая, изрѣзанная, изгорбленная, выгнутая, подправленная и починенная русскими саперами, она играетъ теперь передъ Мукденомъ такую же роль, какую исполняла въ августѣ и сентябрѣ гора Шошанъ передъ Ляояномъ. Она стрѣляетъ изо всѣхъ своихъ нависшихъ, одна надъ другой, траншей и изо всѣхъ своихъ баттарей. Она сбрасываетъ вцѣпившихся въ ея склоны аттакующихъ, какъ какой нибудь старый кабанъ взбрасываетъ на воздухъ повисшихъ на его хребтѣ собакъ; она разноситъ все, что показывается на разстояніи пушечнаго выстрѣла; 2-го марта она легко отразила цѣлыхъ четыре приступа; и ея мрачная, закоптѣвшая отъ взрывовъ, вершина взираетъ на кучи японскихъ труповъ въ долинѣ, къ которымъ никто не смѣетъ приблизиться, чтобы подобрать. Она осталась неприступной до самаго конца, и японцы только тогда взошли на ея вершину, когда русскіе подъ угрозой съ тыла, должны были уйти съ нея на сѣверъ. Немного восточнѣе перекрещиваетъ съ Сопкой свой огонь гора Эрдаго; Эрдаго какъ будто раскатывается мрачнымъ смѣхомъ и всякій разъ,

когда потрясаетъ ее приступъ смѣха, она сотнями и сотнями повергаетъ людей.

Еще дальше къ Востоку, но также и къ Югу, какъ угольникъ вонзается въ японское расположеніе позиція Баняпутзе, это другой памятникъ нерѣшительнаго октябрскаго сраженія. И тогда я видѣлъ, какъ съ нея уходилъ японскій арріергардъ, преслѣдуемый арміей Штакельберга. Она однако безпокоится, чувствуя, что непріятель хозяйничаетъ на ея обоихъ флангахъ къ сѣверо-западу и сѣверо-востоку. 27 и 28 февраля и 1 марта Японцы рвутся на Баняпутзе, которая все остается неприступной.

2-го марта, цѣною ужасныхъ жертвъ, солдаты Куроки берутъ нѣсколько русскихъ фортовъ подлѣ Гаотулинскаго перевала, но тутъ же натыкаются на новыя русскія укрѣпленія, почти такія-же сильныя какъ первыя. И всякую ночь изъ позицій осажденной арміи выходятъ сами осажденные и устремляются въ свирѣпыя контраттаки. Пробывъ цѣлый день подъ огнемъ чудовищной артиллеріи, подъ градомъ пуль и среди губительныхъ взрывовъ ручныхъ гранатъ русскіе и японцы отказываются отъ ночи, возобновляя первобытныя схватки античныхъ боевъ. Они сталкиваются на холодномъ оружіи, выворачиваютъ ударами штыка

внутренности, рѣжутъ глотки, ломаютъ члены и красивымъ ударомъ шашки сносятъ цѣлыя головы. Трупы лежатъ грудами въ долинахъ и на склонахъ горъ. И въ этомъ пеклѣ рушатся и погибаютъ цѣлые японскіе полки.

Во время одной контраттаки два десятка русскихъ прорывается до самыхъ японскихъ окоповъ. Они вспрыгиваютъ какъ бѣшеные туда и прикладами сметаютъ всѣхъ, кто имъ сопротивляется. Ихъ окружаютъ. Ихъ хотѣли было пощадить и предложили сдаться. Они отказываются и бросаются на японцевъ, пронзая груди и разбивая черепа. Они падаютъ до послѣдняго и испускаютъ дыханіе на грудѣ труповъ. Послѣ этого боя Японцы, какъ большіе цѣнители храбрости и истинные поклонники героизма, отдали этимъ неукротимымъ врагамъ исключительныя военныя почести.

Между Баняпутзе и Гаотулингомъ находится длинная долина, сжатая между отрожистыми горами, покрытыми русскими сооруженіями. Градъ снарядовъ день и ночь, постоянно—постоянно подметаетъ эту долину, которую однако надо японской пѣхотѣ занять, если она думаетъ продолжать свою аттаку. И японскіе батальоны ползкомъ, подъ безпрестанными взрывами шрапнели, подвигаются по этой выбритой русскими пулеме-

тами и ружьями почвѣ. Люди прижимаются въ бороздкахъ земли, ползутъ между камнями, кладутъ передъ собой мѣшки съ землей или наскоро, въ нѣсколько ударовъ лопаты или топора, сооружаютъ маленькое прикрытіе, которымъ воспользуются и тѣ, кто идетъ сзади. Нѣсколько дней и нѣсколько ночей остается здѣсь японская пѣхота, лежа на промерзшей землѣ и съ трудомъ овладѣвая какими нибудь нѣсколькими метрами за промежутокъ времени въ двадцать четыре часа. Солдаты ѣдятъ и спятъ на своемъ посту. Тѣ, у которыхъ нѣтъ больше сухарей—не ѣдятъ, но они остаются остаются, остаются, и ничто не въ состояніи оторвать ихъ отъ земли, въ которую они вцѣпились.

Эта печальная долина, окрещенная самими наступающими Долиной Смерти, всякою другою арміей несомнѣнно была бы признана непреступной и невозможной для аттаки. Но японская пѣхота вплоть до общаго отступленія русскихъ, ни на одну минуту не прекращала углубляться въ нее и подвигаться впередъ, усѣивая землю своими трупами.

Вотъ, думаемъ мы, главное достоинство японской арміи:

Она упорна. Безусловно непобѣдимая при оборонѣ (потому что пока остается въ ротѣ хоть

два здоровыхъ человѣка, эти люди хладнокровно продолжаютъ „занимать позицію"), въ наступленіе она вноситъ стойкость неслыханную. Если она предприняла аттаку и ея первый ударъ отраженъ, то рѣдко, чтобы она отступила вся. Она приляжетъ, зароется, но всегда сохранитъ извѣстную опору, на которой удержатся послѣдующія аттаки. Къ прославленному натиску французской пѣхоты она присоединяетъ настойчивость, ожесточеніе, стремленіе удержать всякій клочокъ завоеванной земли, и силу агрессивной воли, что составляетъ ихъ дѣйствительную особенность. И эта черта, она порождена патріотизмомъ, который питается и идеализуется почти какъ религія, единственная, по правдѣ говоря, религія японцевъ. Всякій генералъ, всякій офицеръ и солдатъ ничего не требуетъ отъ другого кромѣ лишь, чтобы служить величію и славѣ его страны. Всякій сражающійся самоотверженно исполненъ чувства своей личной отвѣтственности и идетъ въ огонь совершенно готовый пожертвовать собою и умереть, и совсѣмъ не для того, чтобы разсказъ объ его подвигахъ изумилъ будущія поколѣнія, а чтобы имѣть счастіе участвовать въ военномъ дѣлѣ, завершеніе котораго сдѣлаетъ Японію счастливѣе, сильнѣе и изумительнѣе. Поймите это хорошенько разъ на

всегда: Эта жертва, совсѣмъ не по приказу а по доброй волѣ отъ отдѣльной личности родному обществу, это органическое стремленіе къ самоотреченію, эта потребность самоотверженности, это презрѣніе солдата къ своимъ личнымъ симпатіямъ, своимъ личнымъ стремленіямъ и интересамъ, все это противоположно эгоизму и комедіянтству, которые являются бичами нашей западной общественности. Таковы были нѣкоторые изъ великихъ людей 1793 года. И всякій народъ будетъ великимъ если будетъ такимъ; и великій народъ падетъ, если все менѣе и менѣе будетъ въ состояніи быть такимъ. Пора возстановить въ нашихъ первоначальныхъ и среднихъ школахъ самымъ серьезнымъ образомъ этотъ разумный культъ націи, какъ его понимали въ 1793 году. Японцы охотно его только и примѣняютъ и находятъ, что это хорошо.

XXVI

Сможетъ ли японская раса въ теченіе будущихъ временъ удержаться въ этомъ состояніи чрезмѣрнаго героическаго патріотизма? Усвоивъ глубже европейскій прогрессъ, европейскую мысль и меркантилизмъ не восприметъ ли она также и потребности, слабости, нервозность и чувства Европы? Чикаго это—антиподъ Спарты! Тэнъ рѣшительно доказалъ, что иногда наклонности расъ могутъ измѣниться за одинъ вѣкъ. И отдѣльная личность японскаго общества завтрашняго дня не освободится ли, и очень скоро, отъ національной сплоченности, которую теперь исповѣдуетъ душою и тѣломъ? Потомъ мы займемся этою захватывающей темой. Въ теченіе же этого разсказа мы не изслѣдуемъ, чѣмъ завтра станетъ японскій солдатъ. Посмотримъ чѣмъ онъ былъ вчера, посмотримъ, что такое онъ сегодня; сознаемся въ этомъ: онъ—великъ, этотъ маленькій человѣчекъ. Онъ умѣетъ умирать.

Храбрость, которую онъ обнаруживаетъ—не храбрость какого нибудь экзальтированнаго фанатика, который подъ вліяніемъ скоропреходящаго возбужденія, какъ буйный сумасшедшій въ минуту бѣшенства, бросается съ опущенной головой въ опасность.

Его храбрость—храбрость смѣющаяся и спокойная. Она оставляетъ ему въ полномъ распоряженіи всѣ его способности. Единственно чѣмъ она вдохновляется—это могучимъ желаніемъ побѣды, какою-то мистической вѣрою въ предназначеніе расы и въ особенности, скажемъ прямо: національной гордостью, которая кажется намъ столько же блистательной, сколько и дѣтской.

Самоотреченіе всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, пламенное содѣйствіе самыхъ старшихъ и самыхъ младшихъ, суровое братаніе офицеровъ и солдатъ, духъ предпріимчивости и наблюдательности, свойственный самому послѣднему солдату какъ и генералу, дьявольское лукавство въ исполненіи задачъ каждаго человѣка, вотъ чѣмъ объясняется постоянный успѣхъ японцевъ. Въ особенности лукавство. Русскіе могли соперничать съ японцами въ отношеніи храбрости, но они были не въ состояніи парализовать японской хитрости и противопоставить ей рав-

носильную хитрость. Увы! Крестьянинъ русскій, конечно, человѣкъ, простодушнѣе котораго не сыщешь на землѣ. Его наивность часто поражаетъ и ошеломляетъ.

Вышелъ бы цѣлый томъ, если бы описать маньчжурскую войну съ одной этой стороны. Важные результаты иногда достигались или подготовлялись самоотверженностью, проницательностью и ловкостью какой нибудь кучки добровольцевъ, умомъ бѣднаго фельдфебеля. Превосходство въ сообразительности, жизненность и „нервъ“, обнаруженные японскимъ солдатомъ, представляются столь же очевиднымъ и осязательнымъ преимуществомъ, какъ какое нибудь превосходство въ снаряженіи и вооруженіи. Надо, чтобы солдатъ былъ вышколенъ, ловкачъ, хитрецъ. Японскій солдатъ таковъ и есть, а русскій—нѣтъ. Эти нѣсколько словъ объясняютъ—повѣрьте мнѣ—очень многое.

Между Каотулингомъ и Баняпутзе находилась первая линія траншей, подступы, къ которымъ были сильно укрѣплены волчьими ямами и проволочными загражденіями. Такъ какъ японцы должны были итти на приступъ на утро на зарѣ, то они рѣшили ночью отправить охотниковъ перерѣзать проволоку. Вызвалось десять солдатъ саперъ и

одинъ старшій фельдфебель. Землю покрывалъ толстый слой снѣга, на незапятнанной скатерти котораго отражались желтые лучи звѣзднаго неба. Свой планъ дѣйствій фельдфебель обдумалъ въ одну минуту. Всѣ слишкомъ темныя части своего обмундированья люди сбросили и закутались въ бѣловатые цвѣта: въ баранью шкуру и куски бѣлой матеріи. Вмѣсто своихъ слишкомъ слышныхъ башмаковъ они натянули однѣ на другія по нѣскольку паръ носковъ и вотъ снарядившись, подъ цвѣтъ луны, они пустились въ путь, захвативъ съ собой рѣзцы и патроны пироксилиноваго пороха. Долго, долго они ползли, пользуясь малѣйшими складками почвы, оставаясь иногда по нѣсколько минутъ неподвижными, прильнувъ къ снѣгу, или плашмя лежа среди камней и древесныхъ кустовъ, которыми были усѣяны склоны земли.

Русскіе часовые, шагавшіе вдоль своихъ окоповъ, и не думали о приближеніи этихъ тщедушныхъ фигурокъ, тѣло которыхъ сливалось съ фономъ земли. Одинъ нечаянный шорохъ они однако замѣтили и тотчасъ же насторожившись опустили дула своихъ ружей, готовясь открыть огонь. Японцы же достигли такого мѣста, гдѣ они не могли больше сдѣлать незамѣтно ни малѣйшаго движенія. Отъ русскихъ окоповъ ихъ от-

дѣляли всего только нѣсколько метровъ. Фельдфебель тогда рѣшилъ, что нужно кончать и непріятельскихъ часовыхъ снять холоднымъ оружіемъ. По одному сигналу всѣ японцы сразу вскочили и бросились. Но случилось то, что при видѣ внезапнаго появленія среди чистаго поля этихъ бѣлыхъ видѣній, несчастныхъ русскихъ охватилъ паническій страхъ. Ошеломленные фантастическимъ появленіемъ этихъ привидѣній, которыхъ они несомнѣнно, приняли за выходцевъ изъ могилъ, они съ крикомъ ужаса бросились бѣжать. Стоявшая позади ихъ русская застава, услышавъ эти крики, подумала на нечаянное нападеніе и открыла по бѣглецамъ огонь. А японскіе волонтера во время всей этой сумятицы перерѣзали проволоку и взорвали часть русскаго окопа, и въ три часа утра вернулись на свои линіи, потерявъ лишь одного человѣка. Нѣсколько же часовъ спустя предъ русскими окопами пали сотни труповъ.

* * *

Не смотря на эти ужасныя жертвы общая японская аттака предъ тѣмъ, что мы зовемъ „русскимъ горнымъ фронтомъ“ затягивалась и колебалась. Ни въ одномъ мѣстѣ, начиная отъ Титы и Машунтана на востокѣ и вплоть до Ба-

няпутзе, Эрдаго и Путиловской сопки, нигдѣ фронтовая японская аттака не смогла пробить искусно выстроенныхъ Куропаткинымъ, послѣ сраженія на Шахѣ, укрѣпленій. И славяне, эти несравненные защитники позицій, повсюду остались хозяевами послѣднихъ горныхъ отроговъ, на сѣверъ отъ которыхъ уже начинается огромная равнина, на которой лежитъ Мукденъ. Тщетно до самой ночи 7 и 8 числа лилъ ливень снарядовъ на линію южныхъ русскихъ укрѣпленій; тщетно японскій приливъ металъ свои волны на плотину, въ которую вцѣпились люди Линевича и Бильдерлинга; тщетно, на глазахъ у всѣхъ, измѣнилась отъ снарядовъ чудовищныхъ гаубицъ форма Путиловской сопки всей изрытой и оголенной; русскіе, повернувшись спиной къ равнинѣ, повсюду остались хозяевами послѣднихъ отроговъ горъ. Повсюду русскіе, изъ своихъ неприступныхъ траншей, губили одну за другой линіи осаждающихъ. 4 числа Куроки изыскалъ возможность нѣсколько продвинуться впередъ, но Кавамура справа отъ него и Нодзу остановились, и онъ отдѣльно не могъ около нихъ дѣйствовать. Онъ телеграфировалъ Ойямѣ слѣдующія слова:

„Кавамура и Нодзу совсѣмъ еще не брали укрѣпленій, которыя предъ ними. Можетъ быть

безполезно жертвовать моими людьми для продолженія аттаки оттуда, гдѣ я нахожусь".

Но Ойяма отвѣтилъ:

„Аттакуйте во чтобы то не стало, безъ останова".

И уже съ этого момента настоящее сраженіе не было предъ „горнымъ русскимъ фронтомъ". Аттаки, направленныя противъ этого фронта были только за тѣмъ, чтобы задержать здѣсь обороняющихся и помѣшать имъ отступить раньше, чѣмъ удастся обходное движеніе Ноги, которое было начато 1 марта по равнинѣ на западѣ съ тою цѣлью, чтобы захватить желѣзную дорогу къ сѣверу отъ Мукдена. Когда въ ночь съ 7-го на 8-е русскіе очистили свой горный фронтъ, чтобы отойти на свой полевой фронтъ, параллельно окаймленнымъ редутами берегамъ Хуна, они не поддались прямымъ аттакамъ полковъ, которые они такъ долго сдерживали до сихъ поръ. Нѣтъ, они бы еще очень долго могли защищать эти позиціи. Они не были отброшены къ сѣверу пришедшими съ юга японцами; наоборотъ, они были привлечены туда арміей Ноги, который справа отъ нихъ шелъ съ юго-запада прямо на сѣверо-востокъ и теперь находился у нихъ въ тылу. Именно тамъ, на равнинѣ, между Ляо и Хунъ

развертывается та рѣшительная битва, послѣ которой падаетъ Мукденъ.

Но мы не покинемъ южнаго горнаго фронта раньше, чѣмъ со всѣмъ усердіемъ, на какое мы способны, не воздадимъ долга справедливости. Этотъ долгъ—воздать хвалу героизму, мрачной рѣшимости и невозмутимости передъ смертью, жертвой которой стали русскіе солдаты во время ихъ памятной обороны. Эпическій старикъ, папаша Линевичъ, въ одно лишь утро отбилъ двѣнадцать японскихъ приступовъ, а когда смерклось онъ нашелъ въ своихъ людяхъ еще достаточно энергіи, чтобы устремить ихъ въ контраттаку. Русская пѣхота, осужденная неразлучаться съ дьявольскими горами, показала себя достойной своихъ демоническихъ противниковъ, которые день и ночь терзали ее безъ отдыха и перерывовъ. Сколько дней и ночей оставались они подъ пулями и огнемъ, стоя въ окрававленной грязи, въ своихъ траншеяхъ, и никогда ихъ не покидая, кромѣ какъ чтобы броситься на непріятеля въ штыки! Да, хорошо знаю, о, русскіе, несчастные русскіе, что вы были побѣждены. У Гетэ есть фраза, которая мучительно вѣрна:

„Вотъ что раздѣлило ихъ славу отъ подвиговъ!“

О, бѣдные солдаты, жертвы непонятнаго,

таинственнаго, жестокаго долга, но все таки долга; вы погибли героями, безмолвно, спокойно; вы умерли прекрасною смертью. И все таки какіе нибудь поверхностные умы,—потому, что вы были побѣждены,—будутъ говорить о васъ легкомысленно и глупо. Потому лишь, что вы были побѣждены въ Манчжуріи и японцами, но изъ этого не слѣдуетъ что бы такъ было и въ Польшѣ съ германцами. Изъ тѣхъ, кто теперь въ Европѣ критикуетъ васъ, о несчастныя жертвы ужаснѣйшаго, какое только когда либо занесено въ исторію, злосчастья, изъ нихъ не найдется одного такого на десять тысячъ, кто бы составилъ себѣ ясное представленіе о томъ, что вы претерпѣли. Да, несомнѣнно, армія французская или нѣмецкая дралась бы съ японцами совсѣмъ инымъ способомъ, не по вашему. Она бы производила движенія быстрѣе. Она бы аттаковала непріятеля по лучшему способу и съ несравненно большей успѣшностью. Въ особенности же и прежде всего она пустила бы въ дѣйствіе гораздо лучше и гораздо лучшія орудія. Предположимъ, что она единственно простымъ превосходствомъ раздавила бы тѣ укрѣпленныя деревушки, брать которыя посылали васъ, и тогда характеръ нѣкоторыхъ битвъ измѣнился бы радикально. Противникъ, по-

добный японцамъ, можетъ быть побѣжденъ лишь превосходствомъ умственнаго строя: болѣе легкой стратегіей, болѣе дѣйствительной артиллеріей, всесокрушающими взрывчатыми, поразительными снарядами, какіе будущее науки сулитъ будущему войны. Но вы, бѣдные русскіе пѣхотинцы, вы не въ состояніи этимъ утѣшиться; вы, которые въ траншеяхъ на Шахэ прежде чѣмъ умереть, познали весь адъ, которыми пугали васъ ваши толстые попы съ ихъ фарфоровыми глазами, посконными волосами и длинными бородами. При пассивной оборонѣ вы показали себя несравненными, вы перенесли самое большое, на что способно человѣческое существо. Будь на вашемъ мѣстѣ, гдѣ вы оставались невозмутимыми, французскіе и нѣмецкіе солдаты, они бы скорѣе васъ потеряли бодрость. Какъ солдаты болѣе умные и развитые, но такъ же и болѣе нервные, истинные дѣти Запада, они были бы побѣждены или деморализованы немедленно. Вы не побѣдили, но вы держались, вы терпѣли. Почтеніе вамъ, славяне: вы сдѣлали все, что могли. О вы, несчастные раненые, которые въ морозную ночь съ 7-го на 8-е марта безъ движенія простерлись на окровавленныхъ окопахъ, когда вы увидѣли, какъ уходили на сѣверъ печальные остатки вашихъ

батальоновъ, вы издали крикъ, понявъ, что это уходитъ на всегда Россія. Крупныя слезы пролились изъ вашихъ глазъ, когда вы узнали, что вамъ суждено испустить духъ во вражеской китайской странѣ, куда вы не просили васъ тащить, и среди жолтыхъ людей, которые шли сюда ободренные побѣдой. И когда исчезли вдали послѣдніе штыки, послѣднія сѣрыя шинели и послѣднія мѣховыя шапки, тогда вы поняли, что вы навсегда разлучены отъ родной земли, отъ вашей старушки матери, отъ вашей жены и отъ маленькихъ вашихъ дѣтей. Забытые міромъ и брошенные своими вы думали лишь о томъ, какъ бы перейти въ ожидавшую васъ вѣчность, вы возвели ваши глаза къ небу, гдѣ сіяла великая картина созвѣздій. Но небо, неумолимое небо, оставалось нѣмымъ и молчали звѣзды, и никакое видѣніе не озарилось въ безмолвіи пустынныхъ облаковъ и мертваго пространства. И все было безмолвно.

О! Если бы могли осуществиться тѣ радостныя обѣщанія, которыми попы убаюкивали жалкое существованіе ваше, о жертвы, о герои пораженій, человѣческія существа, пожертвованныя за ничто и ни къ чему, испустившія духъ, ничего не понимая! Если бы могли вы, когда за-

туманятся ваши очи, услышать дивную музыку серафимовъ; если бы могли вы увидѣть, какъ на святыхъ иконахъ, что-бы Отецъ, Сынъ и Святой Духъ поманили васъ къ кристальному, всему позлащенному звѣздами, небосводу. Увы! Небеса— пустынны, небеса безмолвны и нѣтъ предѣла пространству. Но нѣтъ границъ человѣческимъ мечтамъ и нѣтъ предѣловъ тайнѣ. Пусть-бы хоть ваша умирающая душа тихо угасла среди сладкихъ иллюзій, среди святыхъ видѣній и предсказанных вамъ райскихъ явленій; потому чти если даже этого вамъ не будетъ, то.....?

Военныя приключенія

Вопреки моему желанію, теперь является необходимымъ начать такой разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ, гдѣ все отмѣчается съ точки зрѣнія противнаго „я“ и ненавистнаго „я самъ“. Но я не вижу никакой возможности, ни при какихъ уловкахъ, описать моимъ читателямъ нижеслѣдующія событія, не выступая самъ на сцену и не приступая къ личному повѣствованію. Какъ тутъ что нибудь измѣнить?

Я вкратцѣ изложу дѣйствія хронологически.

XXVII

1-го и 2-го марта произошелъ рѣшительный актъ битвы. До сихъ поръ не двигавшійся на равнинѣ къ западу, между Ляо и Хунъ, генералъ Ноги двинулся впередъ на юго-западъ отъ Мукдена и поколебалъ правый флангъ русскихъ. Легкость и простота, съ которыми выполнены были

эти дѣйствiя еще и теперь поражаютъ наблюдателя. Чтобы понять, какъ могла армiя Ноги такъ легко одолѣть русскую линiю защиты, надо припомнить, что Куропаткинъ уже отбросилъ всѣ свои свободныя силы на свое лѣвое крыло и въ тылъ горнаго фронта центра. И чтобы охранять свои позицiи на равнинѣ, онъ вопреки своимъ намѣренiямъ, можно даже сказать: вопреки своимъ первоначальнымъ опасенiямъ, онъ оставилъ лишь незначительныя силы. И онѣ подались.

Ноги сталъ къ западу отъ той мѣстности, гдѣ находятся деревни Хейкутай и Сандепу, та самая, гдѣ въ январѣ мѣсяцѣ такъ неудачно прервано было наступленiе Гриппенберга. 28-го числа онъ появился предъ занятой русскими деревней Суфантай, (между Ляо и Хунъ) и 1-го марта его войска ее взяли. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку отъ Суфантая, на правомъ берегу Хунъ находится Шантанъ, гдѣ оканчивается западный край линiи русскихъ укрѣпленiй. 28-го Оку перешелъ Хунъ и обложилъ Шантанъ отъ юга до сѣвера. Его двѣнадцати и пятнадцати сантиметровыя мортирныя баттареи методически пробивали брешь въ этой, превращенной русскими въ настоящiй фортъ, деревни. Взявъ Суфантай, Ноги обошелъ Шантанъ и аттаковалъ его по направленiю

съ сѣвера на югъ. Стиснутое между двухъ огней это мѣстечко пало послѣ двадцатичетырехъ часовой ожесточенной битвы.

Итакъ, какъ только была пробита брешь на краю праваго русскаго фланга, въ нее устремилась вся армія Ноги.

Въ тоже самое время, 1-го марта, въ пять часовъ вечера, отрядъ кавалеріи Ноги слѣдуя почти по самому лѣвому берегу Ляо, вверхъ по ея теченію, перешелъ ее по льду, проникъ въ нейтральную мѣстность и въ шестидесяти километрахъ прямо на западъ отъ Мукдена занялъ городъ Синминтинъ. На синминтинской станціи эти кавалеристы встрѣтили трехъ казаковъ пришедшихъ съ русскаго поста на Ляо; двухъ они убили, а третьяго обратили въ бѣгство. Кого ждали эти казаки? Спеціальнаго корреспондента Journal'я.

Что такое дѣлалъ я, спросите вы, 1-го марта въ Синминтинѣ? Что такое дѣлалъ я 1-го марта на Синминтинской желѣзной дорогѣ? Тѣ, кто имѣлъ право предложить мнѣ этотъ вопросъ, имъ это уже извѣстно. Русскій главный штабъ это знаетъ. Если бы узналъ это японскій главный штабъ, то и онъ тутъ, въ моемъ пребываніи, не нашелъ бы ничего предосудительнаго. Тѣмъ не менѣе, я однако, не умѣю выразить это, не за-

трогивая третьихъ лицъ, въ отношеніи которыхъ въ моментъ, когда я это пишу, я еще не увѣренъ. И я пока воздержусь это сдѣлать.

Одна вещь несомнѣнна. На Синминтинскомъ вокзалѣ 1-го марта въ 8 часовъ вечера, я находился въ обществѣ одного русскаго штабнаго офицера въ гражданскомъ платьѣ, и двухъ другихъ выглядѣвшихъ очень плохо, русскихъ субъектовъ, которыхъ я зналъ за русскихъ офицеровъ изъ Портъ - Артура, (они тоже въ гражданскомъ платьѣ) и наконецъ, г. Кудро, французскаго инженера, спеціалиста по морскимъ сооруженіямъ. Съ Кудро я познакомился въ Портъ-Артурѣ на бортѣ „Цесаревича", въ дни, предшествовавшіе открытію непріязненныхъ дѣйствій. Съ тѣхъ поръ Кудро возвращался въ Европу; но вскорѣ онъ сѣлъ на пароходъ въ Марсели и отправился въ Шанхай, со спеціальнымъ порученіемъ отъ своей компаніи изслѣдовать съ технической стороны тѣ поврежденія, которыя имѣли нашедшіе въ этомъ портѣ убѣжище, русскія суда. Изъ Шанхая нашъ компатріотъ „нырнулъ" и выскочилъ въ Тянь-Тзинѣ. Изъ Тянь-Тзина онъ по желѣзной дорогѣ добрался до Синминтина, и я охотно взялся помочь ему миновать русскіе аванпосты на Ляо, такъ какъ онъ былъ только снабженъ документами о личности и пропус-

кѣ, что могли признать недостаточнымъ. Изъ Мукдена Кудро разсчитывалъ пробраться во Владивостокъ, гдѣ онъ думалъ найти мкого поучительныхъ предметовъ наблюденія, касающихся его спеціальности. Но внезапное появленіе японской кавалеріи въ Синминтинѣ все нарушило.

— Здѣсь японцы! Японцы въ Синминтинѣ!

Мои русскіе компаньоны поблѣднѣли. Я не удивился. Я имѣлъ ясное понятіе о томъ, чѣмъ они рисковали. Кудро проявлялъ отважную сдержанность, но покусывалъ себѣ губы. Что касается меня, то я задавался однимъ вопросомъ: какъ же я попаду теперь въ русскіе ряды? Моя профессіональная совѣсть бунтовала. Я зналъ, что должно было начаться сраженіе. Неужели я не буду въ состояніи при немъ присутствовать. Что-то мнѣ говорило: нѣтъ. Во всякомъ случаѣ это неожиданное препятствіе вдохнуло въ меня непреклонную рѣшимость. Я рѣшилъ рискнуть всѣмъ, что бы увидѣть снова Мукденскія ворота и позиціи на Шахэ.

Была глубокая ночь. Японцы не занимали станцію. Они остановились, въ числѣ шести сотенъ, по большой дорогѣ, между городомъ Синминтиномъ и рѣкой Ляо. Меня увѣряли, что японцы съ 1-го марта захватили желѣзную дорогу между

Каопантце и Синминтиномъ и что армія Ноги по ней получала себѣ провіантъ и снаряженіе. Ничего нѣтъ лживѣе. Прилегающая къ Синминтину желѣзная дорога была занята японцами лишь нѣсколько дней спустя. 1-го марта было невозможно ничего не замѣтить ненормальнаго. Эта линія дѣйствовала, какъ обычно, исправно и просто.

Покинувъ станцію, я и мои спутники, мы медленно пошли, волоча наши сапоги, какъ самые заурядные люди, къ одной маленькой гостиницѣ, которую устроилъ въ китайской лачугѣ предпріимчивый британскій харчевникъ. Тамъ мы нашли сборище человѣкъ въ пятьдесятъ космополитическихъ коммерсантовъ. Они тихимъ голосомъ обсуждали текущія событія. Тутъ были нѣмецкіе бакалейщики, французскіе продавцы винъ, торгаши греки, швейцарцы, итальянцы, американцы, турки, испанцы, — масса посредниковъ, работающихъ за счетъ русскихъ, а также и люди сомнительные, не то шпіоны, не то купцы, не то грабители. Но необходимо оговориться (потому что нашъ долгъ — прежде всего быть правдивыми): здѣсь далеко не были лишь люди презрѣнные, болѣе половины изъ нихъ были настояшіе, совершенно почтенные негоціанты, рискнувшіе нѣкоторою долей капитала на устройство ввоза въ

Маньчжурію товаровъ, животныхъ и напитковъ. Синминтинъ былъ настоящимъ складомъ, куда направлялись закупленные въ Шанхаѣ и Тянтзинѣ товары для отправки гужемъ въ Мукденъ. Весь этотъ, равнодушный къ стратегіи, но всецѣло занятый торговлей, народъ былъ ошеломленъ и печаловался на всѣхъ языкахъ вселенной.

Что то будетъ съ ними и съ ихъ ящиками? Неужели они должны потерять въ этой сумятицѣ все свое достояніе? Разсказы ихъ гласили, что утромъ этого самаго дня, который теперь оканчивался (1-е марта), множество тысячъ японцевъ и китайскихъ наемниковъ шли съ юга на сѣверъ, уже перешли Синминтинъ и съ неизвѣстной цѣлью углубились въ малоизвѣстные округи, простирающіеся между Факуменомъ и Телиномъ. А нѣсколько часовъ спустя пришли 600 японскихъ кавалеристовъ, они тщательно осмотрѣли Синминтинскую станцію и затѣмъ, перейдя городъ, на-сторожѣ расположились, какъ я это выше говорилъ, въ ближайшихъ къ ведущей въ Мукденъ мандаринской дорогѣ домахъ. Наконецъ замѣченные мною самимъ въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ Синминтина, возлѣ желѣзной дороги, довольно многочисленные огни, свидѣтельствовали, что въ этомъ мѣстѣ расположились еще другія довольно

значительныя японскія силы. Что случилось? Въ это время изъ насъ никто не зналъ, что цѣлая японская армія, подъ командой Ноги, была занята нападеніемъ на западный край линіи русской обороны подъ Мукденомъ. Мы не знали, что эта кавалерія дѣйствовала лишь какъ авангардъ на лѣвомъ флангѣ огромной массы пѣхоты. Мы предполагали, что дѣло сводится просто къ набѣгу, къ отважной, но, можетъ быть, призрачной и безплодной, операціи. Несомнѣнно, повторяли мы, на зарѣ должны появиться казаки. У Синминтина произойдетъ сраженіе. Японская кавалерія отступитъ, къ югу, откуда она взялась, и дорога по Ляо, мукденская дорога, будетъ свободна. Но вопреки всѣмъ этимъ утѣшительнымъ предположеніямъ, коммерсанты оставались мрачны. Будущее было чревато неизвѣстностью. Что если японцы выиграютъ сраженіе и, получивъ подкрѣпленія, остановятся занимать Синминтинъ; какъ тогда,—шептали они,—сумѣемъ мы впредь провозить въ русскій лагерь накопленныя на правомъ берегу Ляо огромные запасы коньяку, ликеровъ и шампанскаго?

Другая опасность тоже омрачала мысли г.г. поставщиковъ. Можетъ случиться, что вслѣдствіе перипетій сраженія, Синминтинъ можетъ быть на

нѣсколько дней оставленъ и русскими и японцами, и тогда наступитъ разбойничье царство хунхузовъ. А мы его знали даже слишкомъ. Мы находились въ одномъ изъ главныхъ центровъ китайскаго разбоя. Большая часть обозовъ, слѣдовавшихъ по этимъ мѣстамъ, вооружалась по военному. У однихъ везлись замотанные въ матерію мозеровскія ружья, а другіе, во время ночного совѣщанія 1-го марта прочищали и заряжали длинные карабины. Револьверами даже и не занимались, какъ оружіемъ второстепеннымъ и, по правдѣ говоря, недѣйствительнымъ для отраженія грабителей, вооруженныхъ превосходными ружьями. Многіе изъ тѣхъ, кто находился въ этой гостинницѣ уже имѣли дѣло съ хунхузами и должны были иногда платить имъ выкупъ. А нѣкоторые были очевидцами, какъ подъ пулями этихъ тварей пали нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Положеніе грозило стать очень и очень критическимъ. Нѣкоторые изъ купцовъ уговаривались собраться вмѣстѣ и на утро съ позаранку отправиться изъ Синминтина въ Телинъ; переходъ по общему мнѣнію, самый опасный и на которомъ можетъ быть придется дать сраженіе хунхузамъ. Но такимъ образомъ можно избѣжать японцевъ; а минуя ихъ, спасти товары. Увѣряю васъ, что

авантюристы находившіеся на стражѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, въ ночь съ 1-го на 2-е марта на берегахъ Ляо, ничего общаго не имѣли съ Тартарэномъ или капитаномъ Фракасомъ. Эти люди о возможной схваткѣ съ бандитами говорили какъ объ очень непріятной, но неизбѣжной доли ихъ занятія. Глупыхъ занятій нѣтъ, повѣрьте этому; есть глупые люди. Такое противное названіе какъ торгаши, которое даютъ этой богемѣ коммерціи, въ состояніи заслужить не всякій. Не у всякаго есть необходимыя для этого энергія, физическая сила и смѣлость.

Посовѣтовавшись, трое русскихъ офицеровъ въ штатскомъ, Кудро и я рѣшились раздѣлиться. А то мы составляли слишкомъ большую группу. И наши задачи и обязанности не были одинаковы. Представлялось безполезнымъ впутывать намъ другъ друга. И ночью мы разстались, проговоривъ: „Всякъ за себя и спасайся кто можетъ!“ Обычно это слова заурядныя, но бываютъ положенія, при которыхъ нужно особенно умѣть ихъ слушать и умѣть произносить.

Одинъ изъ трехъ офицеровъ уже успѣлъ перекинуться словомъ съ агентами русской развѣдочной службы, благодушными синминтинскими

китайцами, состоящими на жалованьи въ качествѣ шпіоновъ. Онъ мнѣ сказалъ:

— Этотъ занавѣсъ изъ японской кавалеріи предназначенъ для прикрытія очень сѣвернаго, прямо на Такуменъ и Телинъ, черезъ нейтральную землю, обходнаго движенія японской арміи. Я только, что это узналъ. И это несомнѣнно.

Печальная ошибка, которая другими путями, должно быть, достигла до свиты главнокомандующаго и содѣйствовала увеличенію его безпокойства.

Еще разъ, что же случилось?

XXVIII

Что случилось?

Мы рѣшительно ничего не знали. Я думаю, что Кудро охотно заплатилъ бы 30 сантимовъ, чтобы оказаться наверху трамвая въ окрестностяхъ Парижа. Я—тоже. Проученный однако цѣлымъ годомъ приключенiй и по опыту зная, что при хладнокровiи и удачѣ выпутаться можно изъ любого несчастья, успокоенный также моимъ отличнымъ знанiемъ мѣстности, гдѣ приходилось намъ дѣйствовать, я объявилъ Кудро, что цѣлъ и невредимъ буду отдыхать въ Мукденѣ.

Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ французскихъ миссiонеровъ во всей странѣ живетъ какъ разъ въ Синминтинѣ. Къ нему мы и отправились ночевать. Я съ трудомъ нашелъ проводника, и мы пустились въ путь къ дому этого преподобнаго отца. Переходъ этотъ былъ долгiй, трудный и безпокойный. По переулкамъ могли бродить китай-

скіе босяки и учинить намъ скверную исторію. Ничего не случилось. Однажды намъ показалось, что мы слышимъ отрывистый шумъ, безпрерывное хлопанье, словно недалеко отъ насъ шло много вооруженныхъ людей. Мы остановились въ темной впадинѣ. Ничего не показывалось. Мы ошиблись!

До дома добраго миссіонера мы добрались благополучно. Домъ оказался забаррикадированъ. Постучали въ ворота, сперва тихонько, потомъ постепенно все сильнѣе и сильнѣе, съ нѣкоторой долей раздраженья. Вдругъ показались смутные фигуры и вынырнули предъ нами изъ тѣни. Раздался звукъ шпоръ, сабель, шумъ и хлопанье раздуваемыхъ вѣтромъ плащей, и мы оказались окруженными японскимъ патрулемъ, состоявшимъ изъ пятнадцати спѣшенныхъ кавалеристовъ, подъ командой одного офицера. Я попался въ непріятельскую армію! Открылся тайный фонарь и отбросилъ на наши лица свѣтъ. Мы смутно разсмотрѣли маленькихъ безбородыхъ солдатъ, закутанныхъ въ широкія шинели цвѣта грязи. Широкій воротникъ изъ козлинаго мѣха топорщился своей шерстью вокругъ ихъ шеи и щекъ; ихъ кепи были покрыты чехлами цвѣта хаки. Всѣ эти военные были безмолвны, спокойны и внимательны. Они осматри-

вали насъ съ любопытствомъ, но безъ враждебности, безъ злобы, отнюдь не задорно, совершенно иначе, чѣмъ въ такихъ обстоятельствахъ поступили бы казаки.

Офицеръ былъ пораженъ и глядѣлъ на насъ, силясь понять, что бы это могли быть за иностранцы, которые такъ поздно бродятъ по улицамъ Синминтина. Онъ ждалъ, что заговоримъ мы, а мы,—что онъ будетъ спрашивать. Мы оба, высокіе, молодые, съ лицами обросшими отпущенными бородами, могли быть приняты за русскихъ офицеровъ, пытающихся переодѣтыми пробраться къ своими полкамъ. Моментъ былъ критическій. Если бы насъ арестовали, то всякая надежда попасть въ Маньчжурію была бы потеряна. Нашъ проводникъ несъ въ чехлѣ тросточку и зонтикъ Кудро. Этотъ предметъ они могли принять за саблю. Офицеръ моментально на него взглянулъ и протянулъ къ нему руку; но удостовѣрившись, что тамъ заключались только эти невинныя вещи, которыми военные никогда себя не обременяютъ, онъ рѣшилъ заговорить.. Я едва могъ скрыть свою радость, когда услышалъ сорвавшіяся съ его устъ англійскія слова. Тутъ можно поговорить.

— Что вамъ угодно? сказалъ онъ.

— Ничего! отвѣчалъ я.

Заговорившій офицеръ замолкъ.

Я объяснилъ, что мы запоздалые коммерсанты, желавшіе найти пристанище, чтобы переночевать въ домѣ нашего соотечественника, французскаго миссіонера, у дверей котораго мы находились. Мы прибыли изъ Тяньтзиня и заняты только своими собственными дѣлами.

Такъ какъ вдохновенный редакторъ Journal'я предвидѣлъ все, то въ одномъ изъ моихъ секретныхъ кармановъ у меня были нѣкоторые документы не русскаго происхожденія. Я ихъ вытащилъ, между тѣмъ какъ Кудро съ убѣжденнымъ видомъ качалъ головой.

Японскій офицеръ повернулся къ какой то личности въ драной накидкѣ, широкоплечему маньчжуру суроваго вида, пристально насъ разглядывавшему. Былъ ли онъ шпіонъ на японской службѣ, или начальникъ шайки хунхузовъ? Онъ объяснилъ—какъ я понялъ или скорѣе: догадался,—что домъ возлѣ, котораго мы находились, дѣйствительно принадлежитъ французскому миссіонеру.

Въ это время открылась форточка и въ ней показалось испуганное лицо слуги. Мы тихонько двинулись къ двери. Японскій офицеръ не препятствовалъ. Онъ черкнулъ нѣсколько знаковъ въ своей записной книжкѣ и снова обмѣнялся ка-

кими то словами со своимъ подозрительнымъ китайцемъ. Онъ произнесъ по нашему адресу успокоительное „All right“ и отдалъ короткій приказъ своимъ людямъ; и въ то время какъ патруль исчезъ вдали, мы вступили въ жилище священника. Слуга проворно заперъ дверь и за нею мы простояли неподвижно еще нѣсколько времени, безпокойно прислушиваясь. Царила глубокая тишина. Мы ничего не замѣчали кромѣ своего испуга. И ничего не слышали, кромѣ таинственнаго ночного шороха. Кудро и я, мы, не говоря ни слова, посмотрѣли другъ на друга, пока еще не смѣя себя поздравить и предчувствуя сколько ждетъ насъ еще опасностей.

Мы съ сожалѣніемъ узнали, что миссіонеръ отправился въ объѣздъ отдаленныхъ деревень, гдѣ жили нѣкоторые изъ его обращенныхъ. Его китайскіе слуги, по нѣсколькимъ сказаннымъ мною словамъ, признали во мнѣ друга. Они живо изготовили для насъ вкусное угощеніе, которому мы съ восторгомъ отдали подобающую честь. Напряженность нашихъ нервовъ разразилась въ неистовые раскаты хохота, удивившіе нашихъ китайцевъ—христіанъ. Эти милые люди тоже предвидѣли, что на утро должно разразиться сраженіе между японцами и казаками. И эта перспектива ихъ не вос-

хищала. Они качали головами, дѣлали печальные глаза и строили недовольныя лица. Мы легли не раздѣваясь среди этихъ славныхъ людей. Когда долго ведешь жизнь съ приключеніями, то привыкаешь покоряться безъ сопротивленія тому, что неизбѣжно, и во снѣ легко находишь вѣрное пристанище отъ всѣхъ несвоевременныхъ тревогъ и подавляющихъ заботъ.

— Соснемъ, сказалъ я. Завтра утромъ будетъ виднѣе.

* * *

На зарѣ 2-го марта, я поднялся на крышу дома миссіонера. Утро морозное и печальное. Я не замѣтилъ никакихъ признаковъ сраженія и это меня очень удивило. Казаки не аттакуютъ японцевъ. Чтобы это такое означало?

— Меня это заставляетъ опасаться, — сказалъ я Кудро, чтобы русскій летучій этапъ на Ляо не былъ уже отведенъ къ Мукдену. Если это такъ, то мы никогда не перейдемъ рѣку и должны будемъ съ грустью воротиться въ Тянь-Тзинъ.

Къ счастью изъ разговора китайцевъ я узналъ, что русскій постъ еще находился на лѣвомъ берегу рѣки. Надежда была еще не вся потеряна.

Возлѣ станціи мы, Кудро и я, присоединились къ главной квартирѣ, международныхъ торгов-

цевъ. Они всѣ наскоро укладывали повозки и отъ нихъ мы получили самую необычайную новость: японцы устроились на дорогѣ между Синминтиномъ и Ляо и ничуть не мѣшали проходу обозовъ съ товарами въ городъ Мукденъ. Но какъ это открылось? А вотъ какъ: одному французскому купцу пришла вздорная мысль гуляя подойти по близости къ японскому лагерю. Къ его великому удивленію, его любезнымъ образомъ приняли офицера; предложили ему чашку чаю, папиросъ. Негоціантъ пріободрился и спросилъ, запретятъ-ли ему перевести въ Мукденъ запасъ имѣющагося у него коньяку. Посовѣтовавшись японскіе офицера, смѣясь отъ всего сердца, очень мило ему объявили, что совсѣмъ не ихъ дѣло мѣшать проѣзду господъ иностранныхъ торговцевъ. Имъ поручено охранять правый берегъ Ляо, но отнюдь ни въ чемъ не стѣснять путешественниковъ и обозы съ ихъ товарами.

Тотчасъ-же, какъ только сталъ извѣстенъ этотъ неожиданный отвѣтъ, нѣсколько купцовъ лихорадочно принялись за приготовленія къ отъѣзду въ Мукденъ и за невѣроятныя цѣны наняли всѣ пригодныя повозки. Другіе же, побоязливѣе, рѣшили остаться въ Симинтинѣ и подождать здѣсь развитія событій. Они говорили, что

боятся со своею кладью попасть въ какую нибудь ужасную свалку и оказаться въ дорогѣ захваченными между двухъ огней. Будущее скоро должно было подтвердить, насколько здраво разсуждали эти послѣдніе. Но въ это время въ Синминтинѣ никто не имѣлъ настоящаго представленія о положеніи. Никто изъ насъ не предвидѣлъ, что сраженіе, начатое 22 февраля, должно было стать рѣшительнымъ. Большинство торговцевъ было того мнѣнія, что что бы не случилось, а Мукденъ останется русскимъ мѣстомъ. Я тоже былъ этого мнѣнія. Но я однако припоминаю, что мѣстность, простирающаяся къ западу отъ города, всегда считалась больше всего открытой для предпріимчивости непріятеля. Всѣ мысли, которыя я изложилъ выше, въ одно время столпились въ моей памяти. Иногда ужасное сомнѣніе охватывало мое сознаніе. Что если вдругъ, думалъ я, японцы окажутся въ состояніи откинуть правый флангъ русскихъ? Но я не останавливался на разборѣ этой мысли. Она мнѣ казалась химерической. Вскорѣ вереницы до невозможности нагруженныхъ повозокъ, медленно выступили изъ Синминтина и покачиваясь и громыхая на каждой образовавшейся отъ таянія выбоинѣ, взяли направленіе на Ляо.

Не пойти-ли намъ за ними? Случай непредвидѣнный. Не воспользоваться имъ было-бы глупо и дико.

Въ два часа пополудни мы, тащась позади громыхающей колесницы, на которой напиханъ былъ нашъ багажъ, пустились въ путь. Насъ можно было принять за жалкихъ разносчиковъ, слишкомъ бѣдныхъ, чтобы путешествовать въ повозкѣ. На самомъ дѣлѣ, мы не помѣстились въ какомъ нибудь тарантасѣ единственно потому, что не могли его достать себѣ. Синминтинскіе извозчики, напуганные мыслью о переходѣ послѣдовательно японскихъ линій и затѣмъ русскихъ, упорно отказывались отъ самыхъ соблазнительныхъ предложеній. Такіе жадные до денегъ они однако упрямствовали запрягать своихъ животныхъ. Чтобы добыть себѣ какой-то протухлый ящикъ, положенный на двухъ расшатанныхъ колесахъ и запряженный въ два маленькихъ жалкихъ мула и одною большою лошадью, намъ пришлось нѣсколько часовъ потратить на убѣжденія. Наконецъ нашъ багажъ былъ увязанъ на этотъ экипажъ и мы поѣхали. Синминтинъ отъ Ляо отдѣляютъ только шестнадцать километровъ. Такой переходъ для насъ могъ быть только прогулкой для здоровья. Было почти жарко. Уже горячее солнце озаряло

небо. И намъ пришлось положить наши шубы на возъ. Обитатели Синминтина выставившись на порогахъ у своихъ дверей, изумленно смотрѣли на тянувшіяся къ Мукдену повозки, нагруженныя ящиками, на которыхъ прицѣпились купцы. Синминтинъ—большой торговый городъ, выгодно расположенный на Мандаринской дорогѣ, соединяющей Пекинъ съ Мукденомъ. Его граждане—люди способные и смышленые и обладаютъ большимъ умѣніемъ въ торговыхъ дѣлахъ. Они очень хорошо понимали положеніе, въ которомъ оказались европейскіе торговцы, и живо интересовались ихъ отъѣздомъ при такихъ чрезвычайныхъ условіяхъ. Безмолвно, лишь съ покачиваніемъ головы, они обдумывали стоимость клади и иногда вполголоса оспаривали другъ друга. Что ихъ поражало, это то, что купцы осмѣливались отпускать свои дорогія клади по дорогѣ, занятой японцами. Это имъ казалось абсурдомъ. Иногда они внезапно раскатывались оглушительнымъ хохотомъ. Они съ насмѣшкой смотрѣли на всѣхъ этихъ людей, стремившихся къ своей собственной гибели. Такъ какъ занятая нами (я говорю о себѣ и о Кудро) повозка была одна изъ самыхъ жалкихъ и видимо не могла содержать изумительныхъ товаровъ, то наше выступленіе изъ города возбу-

дило среди горожанъ Синминтина звонкое веселье. Мнѣ кажется, намъ адресовали насмѣшки; облаивали, зубоскалили, хохотали надъ этими двумя чудаками, которые пѣшкомъ тащились за маленькой поклажей изъ нѣсколькихъ чемодановъ.

Приближалась критическая минута. Мы уже вышли изъ Синминтина; на дорогѣ передъ нами мы замѣтили уединенную группу домовъ; и нашъ кучеръ, освѣдомленный китайцами, каждую минуту старался намъ втолковать, что тамъ помѣстились японпы. Мы продолжали невозмутимо брести, скрывая наши опасенія.

Въ деревушкѣ мы не замѣтили никакихъ солдатъ, и я уже задавался вопросомъ, не остановились ли японскіе кавалеристы въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Но когда мы пришли туда, то увидѣли, что внутренніе дворы домовъ были набиты лошадьми. Въ то же самое время на крышахъ мы открыли спрятавшихся за трубами и умѣло укрытыхъ сторожей. Немножко подальше, на верхнихъ вѣтвяхъ вяза виднѣлась какая то круглая масса, которая издали покажется чѣмъ то вродѣ пучка омелы. Это былъ охотникъ, кругозоръ котораго долженъ былъ оттуда простираться на огромное разстояніе до предѣловъ горизонта.

Всѣ эти солдаты смотрѣли на насъ, пока мы продолжали нашъ путь, совершенно напоминая мирныхъ торговцевъ водкой. Мы на каждомъ шагу ждали услышать зовъ, остановку, быть схваченными, обысканными и арестованными. Къ счастью ничего не случилось. Насъ спасалъ нашъ жалкій видъ. Съ какой стати японскіе кавалеристы заподозрятъ двухъ бѣдныхъ голышей, которые грустно бредутъ за этой жалкой повозкой? И мы шли! И мы шли, долго не смѣя повернуть голову. И когда мы обернулись, то больше ничего не увидѣли надъ деревней. Хитро укрытые и одѣтые въ такое платье, цвѣтъ котораго не выдѣляется изъ сѣрыхъ красокъ зимней природы, часовые были совершенно невидны.

XXIX

Чѣмъ дальше мы подвигаемся впередъ, тѣмъ больше нашъ погонщикъ проявляетъ признаковъ страха. Не смѣя даже обернуться назадъ, онъ такъ и озирается направо и налѣво отъ дороги. Мѣстность, безъ всякаго сомнѣнія, была наводнена хунхузами. Онъ зналъ это, несомнѣнно, лучше моего, но я тоже зналъ это хорошо и былъ не спокойнѣе его, хотя и не подавалъ вида. Замѣтивъ внезапно подозрительныхъ пѣшеходовъ, которые видимо шли за нами по полю, онъ рѣшительно отказался идти дальше. Такъ какъ погонщикъ былъ изъ окрестностей Синминтина и ему было соблазнительнѣе туда направить свои стопы, то мы стали дѣйствовать лаской, соблазняя его шелестомъ хорошаго „на чая“ межъ пальцами. Но въ томъ мѣстѣ дороги, куда мы дошли, нечего было церемониться: надо было дѣйствовать, чтобы во чтобы то ни стало не застрять

въ чистомъ полѣ на ночь. И для его собственнаго блага, равно какъ и для нашего, я ему методически поддалъ пять хорошихъ пинковъ подъ задъ. Убѣдительность этихъ аргументовъ на него подѣйствовала. И онъ тотчасъ же пустился съ печальными вздохами въ путь.

Кудро, тотъ совершенно не вѣрилъ въ хунхузовъ, и я ничего не предпринималъ, что бы разсѣять его заблужденіе, хотя я отлично зналъ, что нужно дѣлать. Моего спутника скорѣе безпокоила та, впрочемъ внушительная, мысль, что мы теперь идемъ между обѣими арміями, японской и русской и всякую минуту предъ нами или позади насъ можетъ разразиться ружейная перестрѣлка. Да, несомнѣнно, мы шли съ извѣстнымъ рискомъ оказаться захваченными между двухъ огней, но этотъ рискъ былъ, чего вы не можете представить себѣ,—куда не такъ великъ, какъ тотъ, на который я смотрѣлъ какъ на безконечно болѣе возможный и непріятный, это быть захваченными и изуродованными шайкой хунхузовъ.

По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, наши шансы цѣлыми и невредимыми вернуться въ Мукденскій районъ увеличивались. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не допустить, чтобы казачья конница не вошла на правомъ берегу Ляо въ сопри-

косновеніе съ непріятелемъ. Мы по всѣмъ сторонамъ искали слѣды первыхъ бойцовъ-задиръ русской арміи. Мы были приблизительно въ десяти километрахъ отъ Синминтина и въ пяти километрахъ отъ Ляо, когда въ ближайшей деревнѣ, изъ за трубы, замѣтили двѣ огромныя черныя кучки, космы которыхъ отчетливо выступали на ясномъ небѣ. Тутъ не надо было догадываться. Это были папахи. Тамъ были казаки! Они тоже пристроились на крышахъ, тоже попрятались за трубами, но чего они не могли спрятать это лохматыя кучи, торчавшія на ихъ головахъ.

И мнѣ пришлось лишній разъ убѣдиться, что мѣховыя шапки, присвоенныя русскимъ солдатамъ, представляютъ собою самый скверный головной покровъ во время войны. Какъ бы русскій солдатъ тщательно не задумалъ спрятаться, свою голову ему не спрятать, потому что ее непріятель увидитъ прежде всего. Ему на голову надѣта огромная, высокая, совершенно черная труба, которая отчетливо выдѣляется на фонѣ земли, окружающихъ домовъ и растительности. А изъ этого выходитъ то, что солдатъ въ своихъ траншеяхъ, въ прикрытіяхъ и въ засадахъ всегда выдаютъ злополучныя папахи. На это наблюденіе я нижайше обращаю вниманіе компетентныхъ персонъ. Во время

этой кампаніи я часто задавалъ себѣ вопросъ: не потеряютъ ли казаки, которые лихѣе нашихъ кирасиръ и драгунъ, во время предстоящей войны безполезно множество кавалеристовъ. Развѣ нельзя обезцвѣтить это оборонительное оружіе, не лишая его изящества, которое тоже имѣетъ свою цѣну. Но дѣлайте это до войны, чтобы не нуждаться дѣлать это во время войны. Въ нашихъ мундирахъ все, что сверкаетъ и блеститъ, должно быть смягчено, передѣлано и затушевано; рано или поздно, замѣтьте это, мы прибѣгнемъ къ мундирамъ цвѣтовъ неопредѣленныхъ, оливковыхъ, горчицы, мертваго листа, стараго дерева, мокрой грязи. Сохранять красные штаны—безмыслица, сохранять сверкающія каски—еще опаснѣе; въ современной войнѣ почти все время прячутъ фигуру, стараясь выставлять только голову. А у насъ бронзируютъ и полируютъ каски, кирасы и ножны.

Не касаясь шапокъ, русскіе, надо это имѣть въ виду, для войны одѣты разумно. Сѣрая шинель ихъ—хорошаго цвѣта. Штыки у нихъ бронзированы. Сабельныя ножны у офицеровъ и кавалеристовъ обычно кожаныя. Я могъ нѣсколько разъ съ огромнаго разстоянія замѣтить въ группѣ русскихъ офицеровъ присутствіе военнаго французскаго атташе только по сверканью, исходящему

отъ ноженъ его шпаги. Если бы возникло сомнѣніе по этому вопросу, то я бы доказалъ, что я правъ. По этому вопросу не можетъ быть допустимо никакихъ разсужденій. Со мной спорили только близорукіе. Обмундированіе должно быть подвергнуто разумной реформѣ. Оно должно быть усовершенствовано въ виду будущей войны и разъ на всегда нужно отказаться отъ всякихъ историческихъ костюмовъ, отъ легендъ и традицій. Традиція это—прошлое, застой, сонъ, смерть. Мы любимъ наше прошлое, но еще больше будущее. Французская армія побѣждала до введенія красныхъ штановъ, и была побита, не смотря на красные штаны. Мѣсто логикѣ, мѣсто разуму. Не упрямствуйте защищать заблужденія. Это—преступленіе. Темные цвѣта, какъ черный и синій и яркіе,—какъ красный и голубой должны быть замѣнены цвѣтами болѣе подходящими, чтобы сливаться съ ровнымъ видомъ европейскихъ полей. Ни что не препятствуетъ впрочемъ сдѣлать новое обмундированіе очень изящнымъ; имъ можно дать хорошій покрой. Почему съ точки зрѣнія покроя, обмундированіе французской арміи въ настоящее время самое некрасивое изъ всѣхъ обмундированій въ мірѣ? По какому праву военные портные одѣваютъ нашихъ солдатъ въ мѣшки? Надо заста-

вить этихъ господъ объясниться и измѣнить фасонъ. Японскіе солдаты въ обычное время всѣ носятъ удивительно пригнанные мундиры, а зимой они поверхъ ихъ надѣваютъ пальто горчичнаго цвѣта, незамѣтность котораго еще выше сѣрой русской шинели.

Бѣдные русскіе! Ихъ монументальныя папахи должны быть радикально и на всегда уничтожены. Онѣ приносили пользу только японцамъ,—и огромную пользу. Слишкомъ часто случалось, что убивали бѣдныхъ людей, голова которыхъ была подставлена такъ сказать въ жертву подъ удары непріятеля, потому, что эта голова была запрятана въ середину цѣлаго кургана, который ни чѣмъ нельзя было закрыть.

Всѣ эти размышленія пронеслись въ моемъ сознаніи, пока мы приближались къ казачьей, такъ издали выданной мнѣ своими злополучными шапками, заставѣ.

Уже подойдя къ нимъ рядомъ, мы могли замѣтить ихъ привязанныхъ во дворѣ фермы коней. Кавалеристы на насъ смотрѣли молча, хорошо понимая, что мы не на столько сумасшедшіе, чтобы пуститься въ эту мѣстность, не обладая всемогущимъ средствомъ быть узнанными. Теперь мы вернулись въ русскіе ряды; я съ нѣжностью взиралъ

на царскихъ солдатъ; я восторгался, готовъ былъ ихъ расцѣловать; ихъ мѣховыя шапки мнѣ представлялись самой красивой, самой великолѣпной эмблемой. Чтобы впередъ ни случилось, а я наконецъ знаю, что нахожусь среди русскихъ, то есть на своемъ посту. Во всякомъ случаѣ мнѣ не въ чемъ себя упрекать; а это вещь самая важная. Только четыре километра отдѣляли русскихъ охотниковъ отъ японскихъ. Во многихъ мѣстахъ, по линіи, развѣдчики обѣихъ армій мчались по полю во всю рысь своихъ коней; конечно, иногда, они замѣчали другъ друга, и если не стрѣляли изъ ружей, то только изъ простой учтивости. Какъ это просто на войнѣ! Война проста и безконечна, какъ природная сила, какъ элементъ. Четыре километра! Мнѣ они показались цѣлой вѣчностью. Я чувствовалъ, словно ухожу изъ одного міра и вхожу въ другой. И это не казалось только. Это сама дѣйствительность, фактъ.

Незабвенные часы!

Казаки умѣли читать и безпрепятственно дали намъ пройти. Предъ нами по этой дорогѣ прошли уже цѣлые караваны купцовъ. Я выставилъ мой значекъ корреспондента, прикомандированнаго къ русской арміи. Казаки его узнали!

— Какъ это такъ японцы позволяютъ евро-

пейскимъ путешественникамъ выходить изъ ихъ линій, чтобы проходить въ наши? Спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

Я отвѣтилъ ему, что ничего не знаю. И дѣйствительно мнѣ показалось это непонятнымъ. Я былъ заинтересованъ этимъ не менѣе казаковъ и дѣлалъ про себя тысячу предположеній.

XXX

Мы продолжали нашъ путь и вскорѣ достигли Ляо. Ледъ началъ таять и покрываться слоемъ мутной воды.

Часовые пѣхотнаго поста насъ не побезпокоили. Скоро мы были на лѣвомъ берегу рѣки. Какая радость!

Мое удовольствіе возросло еще больше, когда я открылъ всѣ признаки усиленія военной дѣятельности. Вдали проходили многочисленныя сотни конницы. Онѣ шли съ Востока, вѣроятно изъ Мукдена, и очень медленно, шагомъ, словно сожалѣя, подвигались къ Ляо. Мы прошли мимо ихъ. Я насчиталъ девять казачьихъ сотенъ; потомъ я видѣлъ—прошли драгуны Приморскаго полка. Всадники казались печальными, нахмуренными; задумчивые офицера ни слова не говоря, посмотрѣли на наше шествіе. Многіе изъ нихъ, какъ я это хорошо замѣтилъ, узнали меня, но не сказали мнѣ

ни слова. По ихъ поведенію я тотчасъ же догадался, что общее положеніе, должно быть, было не изъ благопріятныхъ. Этотъ отрядъ кавалеріи насчитывалъ около 1500 сабель. Онъ казался нерѣшительнымъ; по берегу Ляо онъ шелъ словно заблудившись и не зная мѣста назначенія. Я ждалъ, что онъ направится къ Синминтинскому вокзалу. Но нѣтъ! Онъ повернулся на одномъ мѣстѣ и совсѣмъ не думалъ дѣйствовать.

Параллельно Ляо, приблизительно въ 1800 метрахъ отъ лѣваго берега рѣки, возвышаются невысокіе, но крутые холмы. Мнѣ казалось, что я различаю на ихъ вершинахъ укрѣпительныя сооруженія. Тамъ стоя, съ биноклемъ въ рукахъ, показывались офицера, и я понялъ что туда поставили баттарею пушекъ. И дѣйствительно, когда мы зашли въ тылъ этихъ высотъ, то увидѣли на нихъ, на позиціи, два десятка орудій, съ жерлами обращенными къ фіолетовому горизонту безконечной равнины и къ занятому непріятелемъ Синминтину.

— Да здѣсь цѣлая армія!—воскликнулъ Кудро.

Это было вѣрно. За холмами, окаймляющими рѣку, вокругъ составленнаго въ козлы оружія и вокругъ костровъ отдыхало множество батальоновъ пѣхоты.

Сосѣднія деревни были полны войскъ. Постоянный этапъ, знамя котораго развѣвалось на вершинѣ большого кургана, приблизительно въ четырехъ километрахъ отъ рѣки, видимо сталъ центромъ цѣлой военной организаціи.

Съ этихъ поръ я совершенно успокоился. Мне казалось яснымъ, что если бы дорога изъ Мукдена на Ляо не было обезпечена, то въ концѣ этой дороги, на лѣвомъ берегу рѣки, не поставили бы цѣлую баттарею орудій, не нарыли бы траншей для пѣхоты и не готовили бы всего, чтобы помѣшать идущей изъ Синминтина японской арміи перейти Ляо. Такъ было въ семь часовъ вечера 2-го марта. Когда я вспоминаю теперь о концѣ этого дня, то у меня сжимается сердце. Никогда еще до такой степени не проявлялись безпорядочность русскаго главнаго штаба и отсутствіе согласованности между отдѣльными корпусами. Какъ могъ Куропаткинъ, югозападный мукденскій фронтъ котораго готовъ былъ поколебаться, будучи прорванъ всей арміей Ноги у Шантана, какъ могъ Куропаткинъ составлять цѣлую маленькую армію на концѣ такой дороги, которая, какъ это было ясно, должна быть съ минуты на минуту отрѣзана. Зачѣмъ было такъ долго вѣрить въ воображаемую, химерическую опасность со стороны Синминтина,

когда тамъ имѣлись лишь 600 японской конницы! Вся бригада на Ляо должна бы быть отозвана съ 1-го марта и должна бы итти на подкрѣпленіе войскъ, которые подъ сокрушительными ударами Ноги, отходили на юго-западъ отъ Мукдена.

Здѣсь мы натыкаемся на тяжкую, глубокую ошибку русскаго главнаго штаба въ Мукденѣ. Этотъ, плохо направленный, или плохо освѣдомленный (или можетъ быть умышленно сбитый съ толку) главный штабъ, видимо поддался той злополучной мысли, что японская западная армія производила, независимо отъ прочихъ армій, движеніе огромной окружности и, опираясь своимъ тыломъ на желѣзную дорогу изъ Каопантзе въ Синминтинъ, своею цѣлью имѣла Телинъ. Многочисленныя согласныя указанія увлекли и меня повѣрить этому: русскій главный штабъ сначала совершенно не предвидѣлъ возможности и такого обходнаго движенія, какъ столь счастливо направленное 1—10-го марта генераломъ Ноги, прямо и просто вокругъ Мукдена, всецѣло оставаясь въ связи съ главной квартирой въ Янтаѣ. По мнѣнію русскаго главнаго штаба всякая японская армія, дѣйствующая прямо на западѣ отъ Мукдена, обязательно должна имѣть отдѣльную базу отъ армій, аттаковавшихъ горный южный, и Мук-

денскій юговосточный фронтъ; и такою базою могъ быть только Синминтинъ. И эта увѣренность повидимому подтверждалась двумя фактами: 1) переходомъ, утромъ 1-го марта, японскаго отряда и хунхузовъ изъ Синминтина въ Факуменъ и 2) занятіемъ вечеромъ 1 марта японскою кавалеріей Синминтинскаго вокзала.

Я засталъ постъ полнымъ офицеровъ и весь кипящимъ возбужденной жизнью. Дворы были набиты повозками, лошадьми, вьюками. Прислуга военная хлопотала. Командующій посланными на берегъ Ляо силами, генералъ Элліотъ большими шагами ходилъ по двору среди своего штаба и не обращалъ вниманія на то, что съ наступленіемъ ночи опять сильно засвѣжѣло. Это былъ маленькій, мрачный, тусклый человѣкъ, котораго повидимому давила тяжесть событій. Замѣтивъ меня командующій постомъ полковникъ вскрикнулъ отъ удивленья. Онъ не разсчитывалъ меня больше увидѣть. Мое пребываніе на правомъ берегу Ляо затянулось такъ, какъ мы не предполагали. Онъ былъ убѣжденъ, что я попался въ руки японцамъ. Но что стало съ моимъ компаньономъ по путешествію, офицеромъ въ гражданскомъ платьѣ, увы, я не зналъ и еще не знаю до сихъ поръ, когда пишу эти строки. Меня окружили и заки-

дали вопросами, но я моимъ собесѣдникамъ могъ давать только смутные отвѣты. Что заинтересовало всѣхъ офицеровъ особенно это то, что японцы позволили иностранцамъ свободно пройти изъ Синминтина въ Ляо. Въ самомъ дѣлѣ это была замѣчательная загадка, но ее необходимо было разгадать. Въ русскія линіи уже вступило съ десятокъ торговцевъ, сопровождавшихъ тридцать—сорокъ повозокъ. Предполагаемое обходное движеніе японцевъ къ сѣверу, то есть, изъ Синминтина на Факуменъ и Телинъ русскихъ офицеровъ интересовало особенно. Нѣкоторые изъ этихъ господъ тоже были того мнѣнія, что выставленная на правомъ берегу Ляо японская кавалерія находится тамъ лишь для прикрытія производимаго прямо на западѣ, за Синминтиномъ, черезъ нейтральную мѣстность обходнаго движенія огромной важности. Но большинство молчало. Военная тревога затуманивала физіономію. Что за западня, что за засада готовилась въ таинственной дали равнины? Съ какой стороны собирается броситься непріятель? Какія дадутъ приказанія? Что то грозное чуялось въ насыщенномъ тревогой воздухѣ; носилось предчувствіе какого-то ужаснаго несчастья, сказочный скокъ котораго словно слышался въ мрачной, невѣдомой и кровавой дали.

— А здѣсь? Спросилъ я на скверномъ русскомъ языкѣ полковника.

— Здѣсь? Ничего. Сегодня въ трехъ верстахъ отъ этапа убито и ранено нѣсколько человѣкъ.

— Въ трехъ верстахъ? къ западу?

— Нѣтъ къ востоку.

— Но тогда? Мукденская дорога?

— На ней уже появилось нѣсколько японскихъ всадниковъ. Наши казаки ихъ прогнали. Между тѣмъ, поджидаемыя нами изъ Мукдена подкрѣпленія не идутъ. Можетъ быть что нибудь происходитъ. Тамъ много японцевъ,—добавилъ полковникъ, показавъ въ южную сторону отъ дороги. Да, дѣйствительно, много. Кстати, добавилъ немного смущенно полковникъ, вашъ конюхъ вчера, видя, какъ сюда навезли раненыхъ, и слыша, что говорили: японцы приближаются, напугался. Онъ съ вашими лошадьми бѣжалъ въ Мукденъ.

XXXI

Отправляясь въ мою экскурсію на правый берегъ Ляо, я оставилъ моихъ лошадей на русскомъ посту. Офицеры, будь немного предупредительнѣе, очень легко могли бы помѣшать моему слугѣ пуститься въ бѣгство. Но мнѣ нечего было сказать, и я ничего не сказалъ. Я былъ ошеломленъ и раздумывалъ, что положеніе мое въ настоящсе, время безъ верховой лошади довольно критическое. Я ни объ чемъ не подалъ виду. Война — школа смиренія; и въ ней скоро привыкаешь не говорить безполезныхъ словъ.

— Куропаткинъ васъ не собралъ бы здѣсь, спросилъ я, если бы дорога была подъ угрозой?

— Больше ничего! Воскликнулъ полковникъ. Приказаній у насъ нѣтъ! Ужинъ поданъ! За столъ!

Очень тѣсно, локоть къ локтю, мы усѣлись: полковникъ, два десятка офицеровъ, Кудро и я, и принялись за пробованіе закусокъ, за которыми

сейчасъ же послѣдовалъ превосходный мясной супъ.

Офицеры были невозмутимы. Ихъ лица не отражали никакой озабоченности. Иностранецъ не замѣтилъ бы ничего ненормальнаго. Но я среди русскихъ чужестранцемъ не былъ: и мнѣ было достаточно неуловимыхъ признаковъ, чтобы замѣтить ихъ душевное состоянiе. Я чувствовалъ, что здѣсь что-то есть. И внѣшняя мертвая тишина темнаго поля мнѣ показалась неспокойнѣе и неестественнѣе, чѣмъ столь часто слышный трескъ ружейной перестрѣлки.

Строевой постъ на Ляо, помѣщавшiйся въ одномъ изъ наилучшихъ, какiе только мнѣ приходилось посѣщать, китайскихъ домовъ, для меня былъ любимымъ мѣстомъ. Я уже бывалъ тамъ много разъ короткими наѣздами и на этотъ разъ, несмотря на всю мою усталость, я не могъ пройти, не полюбовавшись на деревянныя рѣзныя розетки и завитки, собранныя, несомнѣнно, многими поколѣнiями богатыхъ мандариновъ. Много мѣсяцевъ эти посты, по дорогѣ изъ Мукдена въ Синминтинъ, мнѣ казались комфортабельнымъ прiютомъ, скорѣе назначеннымъ служить убѣжищемъ для философовъ, чѣмъ казармою для солдатъ.

Мандаринская дорога правильно окаймлена

многовѣковыми вязами; она бѣжитъ почти по прямой линіи чрезъ всю безконечную равнину, и чрезъ плодоносную равнину, на которой осень выставила необозримую рать хлѣбныхъ скирдъ. Край былъ усѣянъ деревушками и весь пестрѣлъ рощами ивъ и осинъ, между которыми кое гдѣ бѣжала вода какого нибудь ничтожнаго притока Ляо.

Весь край дышалъ глубокимъ спокойствіемъ, безконечнымъ миромъ, лишь иногда нарушаемымъ ужасающими происшествіями, въ которыхъ хунхузы играютъ кровавую роль. Время отъ времени вдоль дороги тянутся большія и богатыя деревни съ свѣтло-сѣрыми фасадами домовъ, съ обширными постоялыми дворами, съ харчевнями для погонщиковъ, разносчиковъ, путешественниковъ и бродягъ; и на ихъ фасадахъ такъ и ищешь увидѣть вывѣску „Серебряный Левъ“ или „Бѣлая Лошадь“; Увѣряю васъ, что по этой дорогѣ, изъ Мукдена въ Синминтинъ, нѣтъ ничего особеннаго, ничего дикаго; и въ морозное время, когда она замѣчательно гладка, все время такъ и ждешь увидѣть, какъ изъ за возовъ съ зерномъ и обозовъ товаровъ выскочитъ какой нибудь проворный автомобиль и трубя понесется, какъ птица, которая кричитъ на лету. Право, это красивая

дорога, хорошая, спокойная, удобная, достойная, эта Мукденская дорога на Синминтинъ. Это дорога годная на службу земледѣлію и торговлѣ. Ея старыя орѣховыя деревья видѣли много поколѣній путешествовавшихъ между Мукденомъ и Пекиномъ мандариновъ и купцовъ. Это аристократическая дорога: она связываетъ одну столицу съ другою. И черезъ нѣсколько часовъ она должна была превратиться въ кладбище, и ея деревни— быть опустошенными, какъ ураганомъ.

Въ пріятномъ теплѣ поста, вытянувшись на пылавшемъ какъ печь въ булочной, канѣ, я предался наслажденію покоя, которое всегда сопутствуетъ варенію сытнаго обѣда. За моими радужными размышленіями вскорѣ послѣдовали сладкія мечты, и за мечтами—мой духъ поглотилъ глубокій какъ смерть сонъ.

Вдругъ рѣзкій московскій голосъ, раздавшійся надъ моими ушами, меня разбудилъ.

— Вставайте скорѣе, мы уходимъ!

Человѣкъ высокаго роста, грубо толкалъ меня на канѣ. Это былъ этапный полковникъ. Лицо его было мрачно. Тонъ его не оставлялъ никакого сомнѣнія, что случилось что то серьезное.

Весь домъ былъ наполненъ страшнымъ шумомъ. Снаружи слышался скрипъ колесъ, дышелъ

и хлопанье сбруи. Ржали и брыкались лошади, которыхъ запрягали; бѣгали крича люди; звякала сталь; смутный шумъ указывалъ на присутствіе огромнаго количества солдатъ подъ ружьемъ. Что такое случилось?

— Скорѣе! Вставать! Мы получили приказъ, не теряя ни одной минуты, отступить къ Мукдену!

Солдаты, которые нѣсколько мѣсяцевъ составляли постоянный гарнизонъ поста, уже навалили на повозки всю обстановку изъ дома. Солдаты русскіе, несомнѣнно, первые перевозчики въ мірѣ. Они обнаруживаютъ неподражаемую ловкость, когда дѣло касается отступленія, съ приказомъ ничего не оставлять непріятелю, кромѣ пустыхъ бутылокъ. Съ проворствомъ, которому не сможетъ повѣрить тотъ, кто еще не видѣлъ ихъ за такимъ дѣломъ, они пристроивали во всевозможныхъ повозкахъ все до мельчайшихъ вещицъ, которыя можно было увести, методично пригоняли одинъ къ другому баульчики, сундуки, сидѣнія, кухонныя принадлежности, все что раньше украшало постъ на Ляо. Я взглянулъ на свои часы. Было два съ половиной часа утра.

Я разбудилъ Кудро и побѣжалъ приказать запрягать повозку, въ которой оставался сложенъ нашъ багажъ. Ночь была абсолютно черная. Было

очень холодно. Всѣ, и офицера и солдаты дѣлали свои послѣднія приготовленія, ни слова не говоря, съ тяжелой грустью на сердцѣ, съ тоскою, со скорбной болью. Однако, этому никогда не будетъ конца! Никогда я не видѣлъ ничего захватывающѣе, ничего печальнѣе этого внезапнаго отъѣзда въ непроницаемой тьмѣ неумолимой ночи, черезъ полную ужасовъ пустынную равнину.

Обозъ отправился во главѣ; наша повозка присоединилась къ нему и за ней, ни слова не говоря и оступаясь на каждомъ шагу въ замерзшія кочки дороги, пошли мы. Нѣсколько казачьихъ сотенъ пошли впередъ освѣтить дорогу; а прочія остались на берегу Ляо, чтобы прикрывать насъ отъ возможнаго нападенія японской конницы изъ Синминтина. Прежде всего мы прошли черезъ лагерь пѣхоты. Онъ со своими кострами, трагически мерцавшими своими длинными языками краснаго пламени, со своими козлами ружей, которыя казалось сверкали до безконечности, отражая сіяніе углей, со своими массами людей, голоса которыхъ смутно гудѣли и производили впечатлѣніе безчисленной толпы, — онъ показался мнѣ необъятнымъ. Пѣхота торопилась уходить; она тоже; они стаскивали холстъ и складывали свои палатки; большинство, сидѣли на пяткахъ, смотрѣли на

насъ утомленно, неподвижно, и глупо моргая глазами. И ночь, не смотря на внезапно пахнувшій и загудѣвшій вѣтеръ, оставалась безмолвной и непроницаемой. И пѣхотинцы, сопровождавшіе обозъ, шли сгорбившись, одинъ за другимъ, по сторонамъ дороги и бросали иногда безпокойные взгляды на право, на югъ, откуда, чувствовали мы, надвигалась бѣда. Иногда въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ мы внезапно замѣчали за какой нибудь складкою почвы пять-шесть костровъ, надъ которыми вился дымъ, окрашивая равнину какъ бенгальскимъ огнемъ. Казачьи разъѣзды! Пока они не тревожились, можно было вздохнуть.

Въ потемкахъ я неожиданно замѣтилъ, что отдалился отъ офицеровъ, которые меня знали лично. Стараясь ихъ найти, я удалился еще дальше. И внезапно я оказался среди пѣхотнаго полка, бредшаго какъ стадо. Я тутъ же подумалъ что̀ можетъ со мною случиться. Неизбѣжное—неизбѣжно. И я заранѣе запасся терпѣніемъ и кротостью и рѣшилъ быть очень спокойнымъ.

Я разслышалъ неясныя восклицанія. Среди мужиковъ шла перебранка. На меня молча уставились злобные глаза, и потомъ вдругъ на меня опустились два десятка тяжелыхъ рукъ и по всей колоннѣ пронесся крикъ:

— Шпіонъ! Шпіонъ! Держите его крѣпче!

Русскіе солдаты, видя идущаго рядомъ съ ними иностранца въ гражданскомъ платьѣ, среди темной ночи, внезапно были охвачены приступомъ неразумнаго страха, котораго, зная ихъ, я ждалъ. Они набросились на меня и уже тянули, толкали меня и наносили сзади тяжелые удары колѣнами. Бѣдные люди!

XXXII

У меня былъ оффиціальный значокъ, выданный изъ штаба Куропаткина, но только что вновь прибывшая изъ Россіи бригада на Ляо его не знала. Пора, впрочемъ, оговориться, что, вопреки всеобщей увѣренности, войска, набираемыя въ Европейской Россіи невѣжественнѣе, ограниченнѣе и глупѣе сибирскихъ войскъ. Это явленіе замѣтили всѣ иностранные корреспонденты: самые тупые солдаты самодержавнаго царя тѣ, которые выросли въ крестьянскихъ провинціяхъ Европейской Россіи.

Бѣдные, бѣдные горемыки, не хотѣлъ бы я имъ этого. Я питалъ къ нимъ скорѣе братскую жалость. Я бы хотѣлъ вдохнуть имъ немного разума, немного мысли, немного разсудительности. Но развѣ ихъ вина, что они выросли подъ режимомъ отупѣнія, озвѣренія и гнета? Никогда грубость этихъ первобытныхъ и неотвѣтственныхъ созданій не возбуждала во мнѣ злобы.

Пѣхотинцы, которые меня забрали, были мужики, настоящіе, простые, лишь вооруженные мужики. Это были грубые люди, съ могучей, но плохо сложенной фигурой, наверху которой, въ лѣсу рыжихъ волосъ виднѣлся совсѣмъ маленькій черепъ съ крохотными, пугливыми и злыми глазами, съ огромнымъ носомъ, съ раздутыми, какъ мѣшки, ноздрями. Я съ грустью наблюдалъ за ихъ манерами; и ихъ физіономіи были скорѣе какъ у лѣсныхъ звѣрей, чѣмъ у европейцевъ двадцатаго вѣка. Изъ ихъ глотокъ исходили звуки, которые скорѣе напоминали ревъ, ворчаніе и блеяніе чѣмъ голоса людей. Я чувствовалъ вонь конюшенъ и стойлъ. Мнѣ казалось, что какимъ то чудомъ, я попался въ плѣнъ стаду быковъ, ословъ, муловъ. Ахъ! горемычные! Чѣмъ больше они меня тормошили, тѣмъ болѣе возростало то скорбное соболѣзнованіе, которое я ощущалъ къ нимъ.

Я имъ съ достоинствомъ повторялъ, что я французскій корреспондентъ и говорилъ о Куропаткинѣ и Каульбарсѣ. Но они съ пугливымъ и злобнымъ взглядомъ продолжали упорно повторять:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Шпіонъ! Шпіонъ!

И, какъ всегда, во время этого препирательства, нѣкоторые изъ этихъ наивныхъ сыновъ степей, пытались обшарить мои карманы.

Проходили офицеры. Я позвалъ ихъ по русски и по французски. Они, раздраженные, подавленные, возбужденные, и не думая больше скрывать своего безпокойства, подошли. Я показалъ имъ мой нарукавникъ. Я сказалъ имъ, что мои удостовѣренія остались въ рукахъ полковника, командовавшаго этапомъ на Ляо, которому я ихъ вручилъ для отмѣтки, согласно правиламъ. Полковникъ былъ въ колоннѣ и не могъ быть далеко отъ насъ. Было легко разыскать его и спросить. Но офицеры пожали плечами и удалились, оставивъ меня въ рукахъ своихъ солдатъ. Правда въ этой бригадѣ душа у всѣхъ была въ смятеніи, и всѣ думали лишь объ опасности, которая должна наступить съ разсвѣтомъ.

И я продолжалъ брести среди солдатъ царя. Ободренные безучастіемъ своихъ офицеровъ мужики обрушились на меня съ руганью, и, проводя пальцемъ прямую линію вокругъ своей шеи, давали мнѣ понять, что думаютъ меня повѣсить. Ахъ, бѣдные! Бѣдные бѣлые дикари!

Они шли медленно, тяжело, сгорбившись, волоча ноги въ своихъ валеныхъ сапогахъ и путаясь въ жесткихъ складкахъ своихъ шинелей или овчиныхъ тулуповъ. Они шли согнувши спину подъ тяжестью грузныхъ болтающихся мѣшковъ, хло-

павшихъ ихъ по заду и подъ тяжестью своего массивнаго ружья; они шли кряхтя и вздыхая и раскачиваясь на каждомъ шагу всѣмъ корпусомъ. Они шли деморализованные, унылые, съ тяжелымъ сердцемъ, усталые, истомленные ходьбой и всѣмъ. Временами они останавливались, обращая уши на югъ, словно слушая отдаленную перестрѣлку. Они клали на землю свои сумы и неподвижно, оттопыривая рукою уши, шептали:

— Стрѣляетъ! Стрѣляетъ!

Но тутъ же они убѣждались, что ошиблись и снова пускались въ путь, таща и меня за собой, и считая подъ конецъ меня за своего.

Вдругъ сзади насъ раздался шумъ и топотъ. На дорогу выскочили казаки, отбросили насъ, пѣшихъ, въ канаву, и впередъ рысью промчалась и обогнала насъ артиллерія. Я насчиталъ двѣ баттареи: шестнадцать орудій съ ихъ ящиками и всевозможными добавочными повозками.

Мои товарищи мужики рѣшили, что это передвиженіе что нибудь означаетъ. Они смотрѣли другъ на друга и вращая своимъ маленькими зрачками, приговаривали:

— Жарко! Жарко!

И мы продолжали задумчиво брести, прислушиваясь ко всякому шуму. Непріятель былъ по-

зади насъ. Непріятель былъ и на нашемъ правомъ флангѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не аттаковалъ. Что это могло означать?

Холодъ удвоился, когда показались первые лучи зари. На востокѣ, предъ нами, вдоль горизонта протянулась блѣдная полоска. По нему скользнули прозрачные мѣдноватые лучи, и все блеснуло великолѣпными, нѣжными оттѣнками, и появилось робкое холодное солнце. Вырвавшійся изъ монгольской пустыни сильный вѣтеръ ударилъ о землю и облака пыли понеслись по равнинѣ, какъ стадо сорвавшихся съ цѣпи звѣрей.

Какой то несчастный маньчжурскій крестьянинъ ъ дрянномъ балахонѣ на плечахъ, плелся въ Мукденъ. Напуганный военной бурей, этотъ несчастный хотѣлъ, несомнѣнно, какъ многіе другіе, поискать пристанища въ большомъ городѣ. Солдаты посмотрѣли на него минуту и вдругъ набросились всѣ. Одни обѣими руками тянули его за косу, чтобы убѣдиться не привязана ли она; другіе схватили его за руки и за ноги; а тѣ кто по тѣснотѣ, не могли его держать, били его ногами по ребрамъ и кулаками по лицу. Проходившій офицеръ спросилъ ихъ.

— Это хунхузъ, заорали солдаты, не отрываясь отъ своей жертвы. Мы его поймали.

— Ага! Хунхузъ! Это—хунхузъ! Проговорилъ офицеръ. И нисколько не задумываясь, онъ закатилъ беззащитному созданію пять шесть оплеухъ по глазамъ и по носу, ударяя, чтобы сдѣлать больнѣе, снизу вверхъ. Въ то-же самое время солдаты продолжали его ритмично колотить въ спину и вывертывать руки. Всего въ крови его толкнули въ ряды, около меня. Хунхузъ посмотрѣлъ на шпіона. О несчастное человѣчество! О безсовѣстный звѣрь человѣкъ! И мы опять пошли. Одинъ здоровый вышибало, съ угрюмымъ лицомъ, сдѣлалъ по адресу шпіона и хунхуза жестъ, показывая будто что пристраивая на воздухѣ, чтобы повѣсить. Дикарь, обезумѣвшій отъ страха! Нѣтъ! Я ошибаюсь, я виноватъ. Прости мнѣ жертва!..

Я замѣтилъ одного старшаго врача, который, углубившись въ мысли, брелъ, поджавъ подъ мышку свою шашку. У него былъ добродушный видъ.

Этотъ человѣкъ мнѣ показался умнѣе его сородичей. Я его кликнулъ на моемъ скверномъ русскомъ жаргонѣ. Я не ошибся. Врачъ получилъ образованіе въ Парижѣ. Онъ словоохотливо откликнулся мнѣ на совершенно чистомъ французскомъ языкѣ. Онъ приказалъ выпустить меня на сво-

боду, не безъ заминки однако, потому что для русскаго солдата, какъ я это много разъ замѣтилъ,— плѣнникъ — это жертва, частная собственность. И врачъ воскликнулъ:

— Какъ, вы парижанинъ! Да вѣдь я тоже, милый мой, я тоже! Я былъ студентомъ въ госпиталѣ Божонъ. Парижанинъ! Вы парижанинъ! И зачѣмъ, чортъ возьми, ввязались вы въ эту проклятую маньчжурскую свалку? Значитъ вы не понимаете, что мы здѣсь всѣ погублены, всѣ, всѣ, всѣ! Мы всѣ проплеваны, дитя мое! Запомните хорошенько, что я вамъ говорю. Сейчасъ же, какъ только станетъ немного свѣтлѣе, вы услышите плясовую. Хотите, милый мой, хорошій совѣтъ? Хорошо! Возвращайтесь въ Синминтинъ, садитесь въ поѣздъ на Тянь-Тзинь и возвращайтесь въ Европу, во Францію, въ вашъ старый Парижъ... У васъ еще жива ваша матушка? Да... Хорошо! Возвращайтесь же поцѣловать ее. Не дѣлайте больше ни одного шагу къ Мукдену, потому что Мукденъ завтра же будетъ адомъ.

Я объяснилъ врачу, что я исполнялъ свой долгъ, какъ онъ исполнялъ свой. И пока французское общество оказываетъ мнѣ довѣріе, я останусь на моемъ посту.

Онъ пустился негодовать.

— Общество! Общество! Что хотите вы ему разсказать? Разскажите ему, что мы погублены. Вотъ и все, что надо сказать ему, этому проклятому обществу, чтобы его чертъ побралъ. Повѣрьте мнѣ, мой другъ, я много старше васъ и могу позволить себѣ дать вамъ совѣтъ: дѣлайте полуоборотъ; не старайтесь попасть въ Мукденъ, потому что вы погибнете тамъ вмѣстѣ съ нами, если только мы туда доберемся.

XXXIII

Наступилю утро. Подъ конецъ я разыскалъ не только полковника, командовавшаго этапомъ на Ляо, но и повозку,на которой находился мой и Кудро багажъ. Кудро, тому даже посчастливилось найти возможность пріютиться на одной обозной повозкѣ, въ которой онъ и пропутешествовалъ безъ всякаго утомленія всю ночь. Я взобрался на одинъ возъ съ соломой и положеніе мнѣ стало представляться съ точки зрѣнія болѣе оптимистической.

Вдали отъ дороги на необъятное пространство вытянулся обозъ. Глядя на него можно было подумать, что съ береговъ Ляо возвращалась цѣлая армія. Хотя у насъ было не больше восьми тысячъ человѣкъ пѣхоты и полуторы тысячъ конницы, Откуда же явились безчисленныя повозки, слѣдовавшія за нашей колонной? Это было тайной, которую теперь слишкомъ поздно пробовать скры-

вать. Къ полковому транспорту многіе офицера присоединили еще китайскія арбы, на которыхъ помѣстили свои личныя вещи. Движимость этапа тоже занимала множество повозокъ. Большинство иностранныхъ торговцевъ, шедшихъ изъ Синминтина, когда узнало, что дорога не безопасна, рѣшило послѣдовать за русской арміей, вмѣсто того чтобы путешествовать одиноко на свой рискъ и страхъ. И ихъ фуры, гдѣ навалены были горы бутылокъ коньяку и шампанскаго, громыхая тащились за военнымъ обозомъ.

— Кому разсчитываете вы продать всѣ эти припасы? спросилъ въ моемъ присутствіи одинъ русскій офицеръ кого то изъ этихъ торговцевъ.

— Русскимъ!

— А, вы думаете? Воскликнулъ шутникъ. Не дурно! А я думаю, что вы скорѣе хлопочете теперь для японцевъ.

Когда я припоминаю теперь этотъ необъятный, растянувшійся утромъ 3-го марта по дорогѣ изъ Синминтина въ Мукденъ, обозъ, то ощущаю въ одно время и прискорбное и смѣхотворное впечатлѣніе. Сколько изъ числа всѣхъ этихъ повозокъ дѣйствительно необходимы были для нуждъ войны и сколько явилось лишь смѣшной обузой, которую при строгой дисциплинѣ удалили бы безъ

жалости. Положительно русскіе продолжали вести эту войну по колоніальному. Да и возможно ли европейцамъ вести ее иначе въ этой маньчжурской землѣ? Вотъ въ чемъ можно усумниться. Но японцы тѣ стояли на своемъ и воюютъ по европейски и въ этомъ большое несчастье.

Мы все шли и шли, и позади маленькихъ полковыхъ дрогъ тяжело двигались влекомыя шестью мулами огромные купеческіе возы, покачиваясь какъ корабли и громыхая ящиками съ алкоголемъ.

Отъ Ляо насъ уже отдѣляли пятнадцать километровъ, какъ вдругъ впереди насъ теряясь въ пыльномъ горизонтѣ и такъ далеко, что мы даже не могли разсмотрѣть, голова обоза остановилась и погонщики во всю мочь осадили запряжки. Пронеслись назадъ, въ хвостъ колонны, казачьи разъѣзды, разстилаясь на землѣ, и бросая на лету спрашивающимъ ихъ пѣхотинцамъ отрывистыя слова. И тутъ же съ одного конца до другого, по всей колоннѣ пронеслась злаполучная вѣсть:

— Непріятель на дорогѣ. Отступленіе къ Мукдену отрѣзано. Мертвое молчаніе воцарилось въ рядахъ и солдаты помотали головами. Нѣтъ, положительно этому не будетъ конца! Для войска нѣтъ хуже впечатлѣнія, какъ чувствовать себя заточеннымъ между двумя непріятельскими сила-

ми и вѣчно бѣжать, вѣчно отступать преслѣдуемыми, травимыми, тѣснимыми. Ахъ увѣряю васъ, что въ этой колоннѣ никого не было, кому бы очень хотѣлось лѣзть на рожонъ. Будемъ говорить откровенно: я отлично чувствовалъ, что будь я въ числѣ русскихъ солдатъ, я бы не былъ воодушевленнѣе ихъ. Уже одна мысль о томъ, что можно свалиться въ какую-нибудь канаву на этихъ рыжихъ, простирающихъ вокругъ насъ поляхъ и остаться тамъ безъ движенія окровавленнымъ, пока товарищи будутъ уходить, уже въ одной этой мысли было что то болѣзненное, захватывающее, отъ чего сжималось горло и заставляло глаза наливаться слезами. Ахъ, воевать въ этихъ чужихъ краяхъ, гдѣ отъ самой земли раздаются угрозы, и стоны слышатся въ вѣтрѣ, гдѣ каждый солдатъ трепещетъ при мысли, что если его ранятъ, то онъ можетъ быть брошенъ, потерянъ и можетъ оказаться въ положеніи человѣка, заживо выброшеннаго за бортъ съ идущаго парохода,—увѣряю васъ, что это много страшнѣе, чѣмъ воевать въ Европѣ, гдѣ находишься среди народовъ своей расы, гдѣ идешь черезъ деревни, въ которыхъ живутъ если не соотечественники, то по меньшей мѣрѣ, люди какъ ты, гдѣ нѣтъ хунхузовъ, чтобы приканчивать раненыхъ,

нѣтъ опустошенныхъ, разоренныхъ пространствъ, гдѣ попадаются лишь стаи дикихъ собакъ, гдѣ можно быть всегда увѣреннымъ, что тебя подберутъ, помогутъ, почеловѣчески вылечатъ, гдѣ бы ты не упалъ.

Весь обозъ повозокъ, остановился, но пѣхота продолжала молча, мрачно и уныло подвигаться впередъ. Едва она миновала какъ появилось множество сотенъ кавалеріи. Это была часть нашего арріергарда. Мчались изо всѣхъ силъ, какъ только было можно. Обозъ, который только, что шелъ впереди колонны, теперь оказался въ хвостѣ. Находясь безъ верховой лошади, что могъ я предпринять, какъ не терпѣливо ждать гдѣ былъ. Тоже не дурно: послѣ столькихъ мѣсяцевъ дѣятельности, я переступилъ къ эпохѣ мечтаній. Время, когда я безразсудно мчался впередъ при малѣйшей тревогѣ—миновало.

Оставшіяся въ резервѣ послѣднія роты пѣхоты сдѣлали привалъ и вокругъ насъ разставили козлы ружей. Я комфортабельно расположился за огромнымъ деревомъ, подъ его защитой отъ вѣтра и не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ только чтобы во чтобы то ни стало, рискуя всѣмъ, добраться до Мукдена. Я отлично сознавалъ, что если это сраженіе, станетъ рѣшительнымъ, то

отступленіе бригады съ Ляо, хотя бы даже она упорствовала до своего уничтоженія, не много будетъ значить въ общемъ ходѣ операцій, какъ всякій второстепенный эпизодъ. Будь у меня лощадь, я тогда немедленно бросился бы напрямикъ по полямъ и описавъ огромную дугу, попытался бы еще до ночи достигнуть въ какомъ нибудь пунктѣ желѣзной дороги. Но безъ лошади я могъ только считать шаги на одномъ мѣстѣ и ждать; и я ждалъ.

На нашемъ правомъ крылѣ началась обыденная, незамедляющаяся, настоящая авангардная перестрѣлка. Пѣхотные солдаты поспѣшно развели маленькіе костры. Не снимая своихъ мѣшковъ они бросились на края придорожной канавы и наскоро закусили немного хлѣба и консервированнаго мяса и запили чаемъ. И я ихъ разсмотрѣлъ снова. Это были люди тяжелые, придурковатые, изможденные, съ морщинистымъ лицомъ Въ ихъ маленькихъ пугливыхъ глазахъ затравленныхъ звѣрей не свѣтилось ни малѣйшаго духа воинственности. Эти полки были просто стадомъ людей, которыхъ гнали, и которые насильно повиновались, покоряясь мученіямъ и смерти; стадомъ тѣлъ безъ души.

Отдали приказъ снова стать въ ряды. Пѣхо-

тинцы поняли, что хотѣли этимъ сказать. И они съ поклонами и простираясь на землѣ начали размашисто осѣнять себя крестнымъ знаменемъ, крестились безъ конца, какъ это дѣлаютъ москвичи. Другіе оставались неподвижны съ воздѣтыми къ небу обѣими руками, въ позѣ трагической мольбы; были и такіе, которые ставъ на колѣни и шевеля губами, молили о помощи Всемогущаго, который обитаетъ въ небесной выси. Ахъ, несчастные!

Перестрѣлка мало-по-малу развивала силу и вдругъ приблизительно въ трехъ тысячахъ метрахъ отъ насъ начали гремѣть пушки. Наши двѣ батареи громили совершенно невидимаго, притаившагося за командующими дорогой холмами непріятеля. На самой дорогѣ развертывалась часть нашей пѣхоты, образуя стрѣлковую цѣпь приблизительно въ два километра длиной. Другія линіи двигались по полю. Много казачьихъ сотенъ пошли въ длинный обходъ равнины, чтобы зайти непріятелю въ тылъ. Какія непріятельскія силы имѣли мы передъ собой, мы не знали. Японцы упрямствовали въ своей скверной привычкѣ прятаться, какъ крысы въ норахъ. въ деревняхъ и никогда не давать русскимъ себя сосчитать. Очень возможно, что тамъ (3 марта) была лишь головная часть авангарда арміи Ноги. Но бѣдный ге-

нералъ Элліотъ не зналъ ничего. Предстояло ли ему драться съ двумя или съ двадцатью тысячами японцевъ? Вотъ чего онъ допытывался. Все, что русскіе знали, это то, что ружейные и пушечные выстрѣлы шли отъ деревень направо отъ дороги. Когда японцы изъ Синминтина выступятъ въ походъ и обрушатся на нашъ арріергардъ? Неизвѣстно.

На наше лѣвое крыло на Сѣверѣ, повидимому идя съ сѣверо-востока то-есть изъ района желѣзной дороги къ Югу отъ Телина, прибыло десятокъ казачьихъ сотенъ, шагомъ не торопясь, видимо не очень жаждая броситься въ бой. Мы долго слѣдили за ними взглядомъ, пока они плелись. Тѣмъ временемъ они подъ конецъ перешли дорогу и пустились на Югъ въ туже самую мѣстность, по которой японскіе разъѣзды проникли на сѣверъ.

Бой продолжался. Уже протекло много часовъ, и мы потеряли сотню человѣкъ, а ни шагу не подвинулись впередъ.

Торгаши, позади линіи возовъ, уже начали тревожиться. Неужели вдругъ окажется невозможнымъ завладѣть дорогой и пробраться въ русскія линіи? Развѣ бригада оказалась окруженной? Но что же тогда? Одинъ изъ купцовъ, итальянецъ,

который вложилъ все свое достояніе въ огромную закупку коньяку, приходилъ въ отчаяніе и съ свирѣпыми жестами кричалъ въ сторону солдатъ:

— Ну же, дѣтки! Немножко поусерднѣе за дѣло, per Baccho. Если мы не проберемся, то я разоренъ; разоренъ, знаете ли. И онъ испускалъ оглушительные: „Porca Madone!“ и „Tchidente“!

XXXIV

Я долженъ сознаться, что ничуть не заблуждался и былъ впередъ увѣренъ, что русскіе не смогутъ завладѣть проходомъ на дорогѣ. Офицеры и солдаты были слишкомъ угнетены, чтобы ринуться на врага, который съ начала войны взялъ за привычку оказываться неодолимымъ. Не имѣя возможности ничего предпринять, я философски ждалъ событій, пріютившись за моимъ толстымъ деревомъ. Кудро подлѣ меня качалъ головой и ограничивался повтореніемъ:

— Право, это странно, что Мукденъ насъ не выручаетъ. Мукденцы должны бы сдѣлать какую-нибудь диверсію на другомъ концѣ дороги.

Симпатичный морской строитель, отчасти по моей винѣ попавшій въ эту передрягу, началъ находить, что мы были „въ скверной штукѣ“. Таково же было и мое мнѣніе и я съ безпокойствомъ замѣтилъ, что солнце уже начало скло-

няться къ Западу. Если, думалъ я, мы здѣсь останемся, то возможно, что во время ночи подвергнемся нападенію, и съ такими деморализованными войсками, будемъ изрублены какъ начинка для пирога!

Небольшая группа жестикулировавшихъ солдатъ привлекла мое вниманіе. Казаки, не знаю какимъ образомъ, добыли у одного купца коньяку. Двое изъ этихъ кавалеристовъ мертвецки пьяные вытянулись въ канавѣ, неподвижные какъ бревна. Ихъ нѣсколько не такъ пьяные товарищи старались заставить ихъ принять стоячее положеніе; они ихъ колотили сапогами; хлестали по спинѣ своими нагайками. Усилія безполезныя. Оба кутилы были безъ сознанія и безъ чувствъ и только храпѣли какъ животныя. Ихъ бросили. Потомъ я узналъ, что всѣ отсталые отъ колонны были взяты хунхузами, уведены на Ляо и тамъ заживо изрублены. Эти два пьяныхъ должны были быть въ томъ числѣ.

Запряженная рысакомъ коляска пронеслась по дорогѣ. Это былъ экипажъ генерала. Я съ удивленіемъ увидѣлъ въ ней молоденькую женщину, накрытую мантильей, сидѣвшую рядомъ съ молодымъ офицеромъ, который, очень нагнувшись къ ней, говорилъ ей съ многозначительнымъ жеманствомъ,

складывая при разговорѣ сердечкомъ губы. Съ изумленіемъ я узналъ, что эта довольно пикантная пройдоха была женой одного изъ торговцевъ, который вздумалъ осуществить злополучный планъ устроиться въ Мукденѣ по семейному. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ буквально конфисковали женщину, а мужу объявили приказъ не отходить отъ своихъ повозокъ. И эту частную собственность такимъ манеромъ прогуливали на глазахъ добряка-генерала въ тылу войскъ въ самую минуту сраженія. Дисциплина въ русской арміи строго существуетъ только для солдатъ.

Офицера, когда они богаты и титулованы, могутъ себѣ все позволить. Это необходимо измѣнить. Но чтобы реформировать это, нужно, чтобы лица, обязанныя направлять эти реформы, не оказывались тѣми самыми привелигированными, которые больше всего проявляютъ злоупотребленій и даютъ всѣмъ примѣръ скандальной жизни.

Какой-то молодой офицеръ, почти мальчикъ, проходитъ мимо меня.

— Вы французъ? Спросилъ онъ меня.

— Да. Отвѣчалъ я.

Недовольный и какъ французъ и какъ уже давно прикомандированный къ арміи журналистъ,

обращеніемъ, оказаннымъ мнѣ въ бригадѣ на Ляо, я совсѣмъ не былъ склоненъ разговаривать.

Молодой человѣкъ порылся въ своемъ саквояжѣ и вытащилъ нѣсколько сухарей; онъ мнѣ далъ половину ихъ и сконфуженно сказалъ мнѣ:

— Положите это къ себѣ въ карманъ. Тутъ немного, но это много. Мы въ скверномъ положеніи. Богъ знаетъ, какъ мы изъ него выйдемъ.

Эта доброта меня такъ тронула, что я не умѣю выразить. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы дать моему собесѣднику понять, какъ я тронутъ его любезностью. Но онъ ушелъ, не желая ничего слышать.

Было около четырехъ часовъ пополудни, когда внезапно, по незамѣченному мною сигналу, обозъ живо тронулся, и я вообразилъ, что японцы отброшены наконецъ къ югу. Но скоро я понялъ, что не было ничего подобнаго. Головная часть обоза, покинувъ большую дорогу, повернула на лѣво и направилась по мало-замѣтной тропѣ, которая подъ прямымъ угломъ уходила на сѣверъ. Было ясно, что колонна отказалась идти прямо на Мукденъ. Она пошла описывать дугу, или полудугу, которую я предпринялъ-бы на свой рискъ и страхъ самъ съ утра, еслибы у меня была лошадь. Я былъ доволенъ тѣмъ оборотомъ, какой приняли дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, я былъ убѣжденъ, что еслибы

бригада заночевала на большой дорогѣ, то она не только-бы не отразила японцевъ, но еще была бы захвачена ими еще до зари. И еслибы такъ случилось, то уже никогда-бы я больше не увидѣлъ бюро, или вѣрнѣе мукденскій вагонъ-телеграфъ, гдѣ я однако рѣшилъ побывать.

Половина обоза уже взошла на ведущую на сѣверъ тропинку, когда съ глухимъ шумомъ среди послѣднихъ повозокъ упалъ снарядъ и разорвалъ одну лошадь.

Несомнѣнно японцы выдвинули одно изъ своихъ орудій и съ перваго же выстрѣла, безъ всякой пристрѣлки, попали въ цѣль. Въ колоннѣ произошла огромная, неудержимая суматоха, переднія повозки помчались во всю рысь; пѣхотный эскортъ перемѣшалъ свои ряды и смѣшался; и буря паники подхватила возы, пѣхоту, конницу и повозки, нагруженныя стонущими ранеными. И въ это время на соединеніи тропинки и большой дороги происходило огромное замѣшательство— задніе возы на этомъ сліяніи зацѣплялись, сталкивались, сваливались. Китайскіе погонщики, правившіе моей повозкой и повозками торговцевъ, въ страхѣ бросились назадъ. Что касается меня, то, ни во что не цѣня своего багажа, я пустился впередъ, безнадежно уцѣпился къ бригадному

обозу, и со всѣхъ ногъ понесся, подхваченный волною лошадей, пѣхоты и клади. Мы всѣ инстинктивно поняли, что если японцы могли такъ ловко угодить въ насъ первымъ снарядомъ, то имъ также будетъ легко отправить къ намъ и второй, и потомъ третій. Каждую минуту мы ждали свиста новаго снаряда. Мы мчались во всѣ лопатки прямо по вспаханной землѣ, и я проклиналъ все больше и больше несчастный случай, который лишилъ меня моего верхового коня. Мои, приспособившіеся къ верховой ѣздѣ, мускулы были не привычны къ ходьбѣ; даже мои сапоги не благопріятствовали подобному упражненію и начали мнѣ натирать щиколодки. А въ ближайшихъ повозкахъ были раненые, которые стонали, мучимые толчками. Пришла ночь. Мы были голодны. Въ это время мы встрѣтили два батальона, которые, сдѣлавъ привалъ, перестраивали свои ряды. Они предназначались прикрывать наше отступленіе къ сѣверу. Это будетъ тыломъ тѣхъ войскъ, которыя отходятъ, пока оставивъ на большой дорогѣ стрѣлковъ, перемежающуюся перестрѣлку которыхъ мы слышимъ. Люди новаго арріергарда смотрѣли на наше шествіе съ укоризненнымъ взглядомъ. Казалось, они хотѣли сказать: „Вы уходите, вы, — а мы остаемся!“ Охъ, бѣдныя, морщинистыя и безна-

дежныя лица! Увы! Мы слишкомъ понимаемъ, что всякій, кто падетъ въ этой сумятицѣ—пропащій человѣкъ, брошенный въ одиночествѣ, на холодъ, голодъ, въ жертву дикихъ собакъ и шаекъ хунхузовъ, если только ему не посчастливится быть подобраннымъ до ночи японскими санитарами.

Солдаты, которые шагали рядомъ со мною, были измучены своими ранцами и, опутанные своимъ нарядомъ, усталые, сбившіеся съ ногъ брели, понуривъ головы. Ихъ груди свистали, колѣнки подкашивались, и на ихъ лицахъ запечатлѣлась ихъ душевная и тѣлесная мука. Я въ первый разъ наблюдалъ новый видъ храбрости, внушаемой страданіемъ и отчаяніемъ. Я понялъ, что солдатъ можетъ до такой степени чувствовать себя несчастнымъ, что будетъ желать смерти.

Промчавшись со всѣхъ ногъ три километра и убѣдившись, что непріятель по тѣмъ или инымъ соображеніямъ насъ не преслѣдуетъ, мы остановились, задыхаясь всѣ люди и животныя; и колонна двинулась обычнымъ шагомъ. Я осмотрѣлъ прохожденіе мимо меня всего обоза. Моя повозка исчезла, а купеческій караванъ разсѣялся. Во время описанной мною паники купцы сочли для себя невозможнымъ направить свои тяжелые возы на цѣликомъ занятую боевыми повозками тропинку.

И они торопливо бросились назадъ, отходя отъ взрыва снарядовъ, и оказались отдѣлившимися отъ русскихъ. Имъ больше ничего не оставалось, какъ вернуться въ Синминтинъ, гдѣ одни изъ нихъ попались въ руки къ японцамъ, а другіе—къ хунхузамъ.

Наступила печальная, холодная, полная страховъ ночь. Вправо отъ насъ появилось три симметрическихъ огня. Очевидно, это былъ сигналъ. Пѣхотинцы смотрѣли на нихъ искося, не поворачивая головы. Кавалеристы остановились, и вставъ стоймя на своихъ стременахъ, старались понять. Такъ какъ огни обозначали три стороны треугольника, то ихъ должно было замѣтить съ огромнаго разстоянія. За нашимъ ночнымъ движеніемъ выслѣживали, подсматривали, о немъ доносили. Что такое сулитъ случиться еще и съ какой стороны ждать намъ на этотъ разъ нападенія? Горѣли фермы и скирды, подожженные во время сраженія, даннаго бригадой. Повсюду печально мелкало пламя; и леденящій вѣтеръ временами доносилъ ѣдкій запахъ дыма. Небо было облачное. Ни единой звѣзды. Я посмотрѣлъ на мой компасъ и увидѣлъ, что мы идемъ по дорогѣ на сѣверо-востокъ, слѣдовательно почти параллельно желѣзной дорогѣ, до которой отъ насъ должно быть приблизительно километровъ тридцать.

Мы были голодные.

Бригада, будучи на Ляо, получала свои припасы изъ Мукдена. Какъ только дорога была отрѣзана, припасовъ больше не стало! Уходя назадъ, люди имѣли съ собой лишь по одному раціону и онъ былъ уже съѣденъ. Я разсчитывалъ было на провизію, которая была въ моей повозкѣ, но повозка попалась въ руки къ непріятелю. Что дѣлать! Все итти и итти.

XXXV

Въ дали, далеко-далеко въ южномъ направленіи небо было красное, совсѣмъ багровое; на немъ словно отражалось пламя бушующаго вулкана, или скорѣе какого нибудь явленія, вродѣ не обыкновенной зари, которая занималась тамъ, вся въ волнахъ и крови — какъ вѣстница окончательной гибели. И чудовищное сіяніе въ ужасѣ разбѣгалось отъ этого зарева языками пламени, блестящими струями, синеватыми клубами, взрывами въ воздухѣ, цѣлымъ адскимъ фейерверкомъ, цѣлымъ пожарищемъ, про который нельзя было рѣшить, разливался ли онъ съ обезумѣвшаго неба, или то изрыгала свой внутренній огонь земля.

Шедшіе рядомъ со мной офицера качали головой и шептали:

— Большое сраженіе! Большое! Большое!

И дѣйствительно, еще никогда я не видѣлъ подобнаго зарева, ни подъ Ляояномъ, ни на Шахэ. Было очевидно, что къ юго-западу отъ Мукдена завязалась гигантская битва (ночь съ 3-го на 4-е марта) и чтобы развить такое огромное, такое непрерывное сіяніе, по истинѣ нужно было, что

бы множество деревень сразу были объяты пламенемъ. Несмотря на огромность разстояніи мы отчетливо могли различить стрѣльбу множества баттарей; каждый снарядъ на красномъ фонѣ чертилъ фосфорическую линію, казавшуюся совсѣмъ крохотной. И временами вѣтеръ доносилъ до насъ глухое эхо артиллерійскаго урагана. Каждую минуту казалось, что долженъ наступить окончательный взрывъ. Съ какою то страстью ждали грома циклопическаго горна, какой то титанической доменной печи, которые тамъ ковали, расплющивали и расплавляли всю атмосферу. Наша бригада безмолвно двигалась къ этому горнилу, со сдавленнымъ горломъ, со стиснутыми зубами, съ расширенными зрачками; я чувствовалъ, какъ мои ногти впивались въ ладони рукъ. И въ то же самое время я чувствовалъ, какъ какая то сладкая надежда наполняетъ мое сердце, такъ какъ этотъ огненный адъ, эта пучина мнѣ казалась маякомъ Мукдена.

Подъ конецъ одинъ обозный офицеръ предложилъ мнѣ мѣсто на своей повозкѣ; я взобрался туда съ облегченіемъ.

По секрету онъ прошепталъ мнѣ на ухо:

— Сейчасъ несомнѣнно будетъ сдѣланъ при-

валъ. Если вы дадите мнѣ немного вашего коньяку, то я вамъ дамъ кусокъ хлѣба.

Очень довольный торгомъ, я согласился. Но какъ это мой новый пріятель узналъ, что у меня была бутылка коньяку? Несомнѣнно онъ выслѣдилъ за мной, когда я хлебнулъ глотокъ, и заботливо стерегъ.

Холодъ сталъ невыносимымъ. Китайцы очень выразительно говорятъ, что зимній холодъ замораживаетъ землю, но не морозитъ людей, а холодъ весенній морозитъ людей, а землю не трогаетъ. На мой взглядъ, ничего нѣтъ вѣрнѣе. Леденящіе мартовскіе вѣтры, хотя термометръ не опускается ниже десяти градусовъ ниже нуля, въ дѣйствительности много тяжелѣе, чѣмъ сильные зимніе морозы, которые совпадаютъ съ абсолютной тишиной въ воздухѣ. Мы всѣ стучали зубами, прохватываемые непрерывнымъ вѣтромъ, пронизывавшимъ самыя толстыя шубы. Въ довершеніе несчастья я раньше времени разстался съ своими валеными сапогами, и всякій разъ, когда я пробовалъ заснуть на повозкѣ, я просыпался отъ дрожи, которая трясла меня съ головы до пятъ. Мнѣ невозможно было оставаться въ неподвижности. Я предпочиталъ усталость отъ ходьбы, чѣмъ опасность замерзнуть, и пустился

опять пѣшкомъ, вслѣдъ за повозками. У всѣхъ насъ наши бороды и усы покрылись инеемъ и превратились въ ледышки. Хотѣлось ѣсть. А мы все шли и шли во мракѣ ночи. Колонна то и дѣло останавливалась. Боялись засады. Казаки освѣщали путь далеко впереди насъ и все время ѣхали по бокамъ. Всякій разъ, какъ дѣлали привалъ, истощенные пѣхотинцы валились какъ бездушная кладь на землю и, стоная и задыхаясь, старались насколько возможно облегчить огромную тяжесть своихъ ранцевъ. А когда повозки снова двигались впередъ, солдаты, ни слова не говоря, съ трудомъ вставали, опираясь на свои ружья, и снова пускались въ путь. Въ теченіе цѣлой ночи, дня и еще одной ночи они безъ отдыха шли, сражались и опять шли. Да, повторяю, бываютъ обстоятельства, когда мысль о смерти не столько пугаетъ, сколько утѣшаетъ. Смерть, по крайней мѣрѣ,—покой.

Въ часъ утра мы остановились въ одной деревнѣ на продолжительный отдыхъ; прошелъ слухъ, что выступятъ лишь въ пять часовъ. Но куда же идутъ? Одни увѣряли, что наша бригада отступаетъ на Телинъ, а другіе утверждали, что ея назначеніе—Мукденъ. Въ дѣйствительности же ничего неизвѣстно. Генералъ Элліотъ ждалъ при-

казаній. Нѣкоторые солдаты раздобыли дровъ и зажгли большіе костры. Но большинство изъ нихъ не имѣло силъ даже на это. Они улеглись одинъ возлѣ другого подъ телѣгами и заснули на жесткой землѣ. А вѣтеръ продолжалъ свирѣпо дуть. Я началъ ужасно мучиться. Я завидѣлъ одну лачужку, откуда свѣтился огонекъ. Тамъ, оказалось уже набились офицера, уже храпѣвшіе на канахъ, всѣ въ кучѣ, въ тѣснотѣ.

— У васъ есть коньякъ? вдругъ раздался тоскливый голосъ. Я узналъ обознаго офицера. Онъ взиралъ на меня свѣтящимися глазками, жаждая заполучить нѣсколько капель драгоцѣннаго сокровища.

Но я съ изумленіемъ замѣтилъ, что бутылки у меня больше не было. Я потерялъ ее дорогой. Я постарался, какъ только могъ, извиниться. Мнѣ было очень неловко, потому что я хорошо понималъ, какое великое огорченіе причиняю я моему другу. Онъ взглянулъ на меня раздраженными глазами. Алкогольный гнѣвъ затмилъ ему мозги и онъ ворчалъ непонятныя фразы и повторялъ:

— Какъ, нѣтъ коньяку? Нѣтъ коньяку?

Онъ, казалось, думалъ: «Чего же нужно этому несчастному среди насъ, если у него даже нѣтъ коньяку?“ Я былъ чрезвычайно подавленъ, потому

что чувствовалъ, что имѣть бутылку коньяку было моимъ долгомъ. А гуляка продолжалъ ворчать; онъ показалъ мнѣ пальцемъ, и я понялъ, что онъ подниметъ противъ меня тѣхъ изъ офицеровъ, которые не спали.

Я протянулся на полу очень довольный, что, несмотря ни на что, нахожусь въ теплой атмосферѣ жилья, и тутъ же заснулъ, въ то время какъ офицера, унтеръ-офицера и даже простые солдаты толкались, спотыкались на мое тѣло и въ кучу ложились возлѣ меня. Быть въ домѣ хотя бы даже въ такомъ жалкомъ, какъ этотъ, было великимъ счастьемъ въ эту ужасную ночь.

Смутный шумъ, стукъ сапоговъ и сабель, крики и зовъ меня оторвали отъ моего сна. Было пять часовъ. Отправлялись въ путь. Наружи, прямо передъ нами, далеко-далеко къ сѣверу, къ небу безпрерывно подымались столбы дыма, огонь котораго, словно приклеившись къ небу, долго виднѣлся въ воздухѣ. И я не могъ оторвать взгляда отъ этого таинственнаго предзнаменованія. А на юго-западѣ, въ сторонѣ Мукдена, на горизонтѣ все еще продолжало пылать огромное зарево огня, цѣлое пекло багровыхъ языковъ.

Мы пошли прямо на сѣверъ. Для меня больше не было никакого сомнѣнія, что мы не будемъ

отступать на Телинъ. Идти въ Телинъ! Важно, прежде всего, добраться до желѣзной дороги. Мы шли по совершенно прямому пути, который прорѣзалъ пустынную печальную мѣстность, по которой все свирѣпѣе носился леденящій вѣтеръ. Мѣстность, очевидно, была, небезопасна. Пѣхота на каждомъ шагу останавливалась, и всякій сейчасъ же тяжело и безмолвно, въ полнѣйшемъ изнеможеніи духа и тѣла бросался на землю.

Однажды, когда войска поднялись чтобы снова идти, мы увидѣли людей, которые лежа безъ движенія, остались на землѣ, не отвѣчая ни на какіе крики. Ихъ товарищи нагнулись къ нимъ и потрясли ихъ за плечи и тутъ же отошли прочь, бормоча неслышныя слова. Взглянувъ немного поближе, я понялъ. Эти тѣла совсѣмъ не были заснувшими русскими солдатами. Это были замерзшіе трупы хунхузовъ, которыхъ убили казаки за нѣсколько времени передъ тѣмъ и которые замерзшіе и неподвижные, какъ статуи, такъ тамъ и остались.

Въ хвостѣ колонны произошла тревога. Прискакали казаки арріергарда и сообщили, что японская кавалерія идетъ за нами по пятамъ. Тогда весь обозъ помчался рысью. Пѣхотный конвой едва могъ поспѣвать гимнастическимъ шагомъ.

Хрипѣніе и стоны поднялись изъ сдавленныхъ грудей. Мы стиснули зубы, и на глазахъ навернулись слезы. Большинство солдатъ старалось положить свои ружья и свои огромные мѣшки на задокъ нѣкоторыхъ повозокъ и затѣмъ, по моему, бѣжать, схватившись обѣими руками за кладь. Ну жизнь!

Занялась заря; заря 4-го марта. Поблѣднѣвшее небо понемногу перестало отражать огонь сраженія. День начинался надъ равниной, которая съ сѣвера была заперта стѣной крутыхъ холмовъ. Пріятель мой Кудро исчезъ. Тѣмъ хуже. Гдѣ мы находимся, я не зналъ, но генералъ и его штабъ это знали. Этого мнѣ казалось достаточно. Повидимому желѣзная дорога должна бы находиться на востокъ отъ дороги, по которой слѣдовала колонна, то есть на право отъ насъ, а мы должны быть на равномъ разстояніи и отъ Мукдена и отъ Телина. Становится все болѣе и болѣе возможнымъ, что мы будемъ отступать на эту послѣднюю мѣстность, потому что мы продолжали идти на сѣверъ. Отступленіе на Тѣлинъ? Но тогда Мукденъ? Сомнѣнія больше не было. Мукденъ былъ въ опасности. Мукденъ, можетъ быть, уже взятъ. И мы печально, потерявъ послѣдній имѣвшійся у насъ остатокъ энергіи, пошли дальше.

Въ одинадцать часовъ утра вся колонна внезапно сдѣлала остановку. Я бросилъ обозъ и шелъ съ ротой пѣхоты; пришли отрывочныя приказанія; войска развернулись; пѣхота залегла, унтеръ-офицера засуетились, крича:

— Патроны! Патроны!

И съ руками въ карманахъ я оказался среди боевой линіи солдатъ. Наши обѣ артиллерійскія батареи стали на позицію позади пустынныхъ холмовъ и мы стали ждать. Что могъ я предпринять? Ничего. Я ничего и не дѣлалъ. Я залегъ въ борозду, думая, что приключенія очевидно затягиваются и осложняются исключительнымъ образомъ. Такъ какъ однако ничего не случилось, то любопытство во мнѣ превозмогло надъ страхомъ и я снова пошелъ бродить по рядамъ колонны. Мой пріятель, старшій врачъ, устроился въ брошенной фанзѣ и былъ очень занятъ.

Онъ мнѣ закричалъ:

— А! вотъ и вы! Я вамъ правду говорилъ! Мы окружены, совершенно просто! Въ любую минуту насъ могутъ аттаковать! Боже мой, какой сумбуръ! И къ чему все это?

Я подошелъ къ группѣ офицеровъ, которые, очень блѣдные и молчаливые, сидѣли на землѣ, опершись спиною о камень. Одинъ капитанъ на

чистѣйшемъ французскомъ языкѣ мнѣ буквально сказалъ слѣдующее:

— Дорога, на которой мы находимся, занята непріятелемъ. Казаки наши пошли на встрѣчу японцамъ, туда въ тѣ холмы, которые вы видите передъ собой. Такъ что отступленіе на Телинъ намъ отрѣзано. Что намъ теперь дѣлать? Можетъ быть, оставаться здѣсь. Можетъ быть, что нибудь произойдетъ. Что? Я ничего не знаю. Чего вы хотите! Движеніе, которое насъ заставили продѣлать за эти четыре дня, не имѣетъ общаго плана. Да нѣтъ ничего хорошаго и во всемъ этомъ. Я даже не скрою отъ васъ, что наше положеніе очень критическое.

— Но,—спросилъ я робко,—почему не отступаемъ на Мукденъ?

— Потому,—отвѣтилъ онъ,—что совсѣмъ не знаемъ, каково положеніе въ этомъ направленіи. Возможно, что непріятель также окажется и между Мукденомъ и пунктомъ, гдѣ мы находимся. Генералъ ждетъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ, мы съ минуты на минуту ждемъ аттаки, а она по меньшей мѣрѣ разрѣшитъ затрудненіе для нѣкоторыхъ изъ насъ.

XXXVI

Между тѣмъ часы текли въ этомъ мучительномъ ожиданіи, а непріятель насъ не аттаковалъ. Нѣсомнѣнно онъ для этого не обладалъ достаточными силами. Онъ собирался удерживать свои оборонительныя позиціи, ограничившись тѣмъ, что заперъ намъ путь на Телинъ. Ясно, что эта бригада съ Ляо, удаленная отъ главныхъ операцій, казалось была принуждена оставаться раздѣленной и отвлеченной неизвѣстнымъ непріятелемъ до того впрочемъ неизбѣжнаго момента, когда, умирая съ голоду, она должна будетъ рѣшиться на крайности: броситься на врага или сдаться. Оставаться съ ней, вдали отъ главной квартиры, безъ извѣстій объ общемъ ходѣ сраженія и при невозможности телеграфировать въ Парижъ, стало вещью слишкомъ невыносимой. Подгоняемый недостаткомъ пищи, я рѣшилъ убѣжать. Я незамѣтно удалился и, руководясь моимъ компасомъ отправился

напрямикъ по полямъ по приблизительному направленію къ Мукдену. И шагая, я повторялъ про себя рѣшительно: „Я пройду, пройду, пройду!“ Вскорѣ я дошелъ до какой то деревни, купилъ себѣ въ ней пищи, попытался, но тщетно, купить себѣ лошадь. Меня окружила цѣлая туча крестьянъ, которые заинтересовались моимъ появленіемъ въ такомъ округѣ, гдѣ еще никогда не видѣли никакихъ иностранцевъ, кромѣ русскихъ солдатъ. Тѣмъ не менѣе слово „Та-Фагуа“, то есть „французъ“, имъ было небезызвѣстно. Кажется, даже оно имъ было симпатично, такъ какъ труды нашихъ миссіонеровъ пользуются хорошей славой на всю Маньчжурію. Эти мужички увѣряли, что совсѣмъ еще не видѣли ни одного японца между ихъ деревней и Мукденомъ.

— А хунхузовъ? спросилъ я.

Они замолчали, подозрительно переглядываясь и опасаясь говорить. Потомъ сразу заговорили: „Мейо-ля“, „Хунхузъ мейо“. Благодареніе Богу! Я нанялъ проводника и отправился.

Едва я миновалъ три километра, какъ замѣтилъ въ полѣ крестьянина, который, сгорбившись надъ землей, казалось, трудился поистинѣ съ удивительнымъ по этимъ тревожнымъ временамъ, усердіемъ. Неподалеку отъ него, купа деревьевъ

вѣнчала уединенный курганъ, къ которому невольно должны были обращаться взоры путешественника, бредущаго по этой однообразной равнинѣ. Внимательно разсматривая эту заросль, я увидѣлъ два пятна, которыя мнѣ показались человѣческими лицами. Заинтересовавшись, я поднесъ къ моимъ глазамъ, бинокль. Я его тутъ же опустилъ и проворно спрятался въ канаву. Я открылъ, что эта рощица служила прикрытіемъ для двухъ туземныхъ всадниковъ, монгольскія лошади которыхъ были привязаны къ изгороди. Увидя меня, какъ я ихъ разсматривалъ въ мои стекла, эти таинственныя личности, которыя могли быть лишь стражей разбойничьей шайки, схватили свои ружья, которыя предъ тѣмъ имѣли на перевязи. Я очень хорошо уловилъ тотъ жестъ, который они сдѣлали, живо перекидывая черезъ голову. Если бы я подольше пробылъ у нихъ на виду, то возможно, что они меня поймали бы на прицѣлъ. Поспѣшно я перебѣжалъ дорогу, пользуясь для прикрытія всѣми почвенными условіями и съ ужасомъ думая, что если бы во время я не замѣтилъ ихъ засады, то попалъ бы въ руки этихъ разбойниковъ. Припоминая этотъ эпизодъ изъ моей жизни въ Манчжуріи, я даже теперь чувствую маленькую дрожь. Всякій, кто обладаетъ нѣкото-

рыми умственными данными, онъ скоро привыкнетъ къ смертельнымъ опасностямъ, съ какими сопряжена жизнь съ приключеніями. Мысль получить пулю и превратиться совершенно въ ничто, какъ она ни была непріятна, ничего не содержитъ въ себѣ ужаснаго. И наоборотъ: мысль о возможности попасть въ руки шайки китайскихъ разбойниковъ невыносима. Участь Кювервиля мнѣ всегда представлялась чѣмъ то ужаснымъ. И такъ, возвращаясь по своимъ слѣдамъ назадъ, я далъ себѣ обѣщаніе больше не удаляться отъ бригады и раздѣлить съ нею ея участь до самаго Мукдена. Присутствіе двухъ всадниковъ хунхузовъ въ этой мѣстности, гдѣ они очевидно выслѣживали передвиженіе русскихъ, ясно указывало, что недалеко была сильная шайка ихъ сородичей, и что мы можемъ ждать неожиданно получить пули этихъ свободныхъ стрѣлковъ. Есть хунхузы и хунхузы. Маленькія шайки — это просто шайки разбойниковъ. Но нѣкоторыя крупныя представляютъ собою настоящія команды, состоящія въ большей своей части изъ старыхъ китайскихъ солдатъ и предводимыя японскими офицерами. Онѣ не разъ причиняли русскимъ столько вреда, сколько и не подозрѣваютъ. Имъ удавалось окружать и истре-

блять большіе отряды и захватывать обозы со снаряженіемъ.

Казаки!

Изъ деревни, гдѣ я нанималъ проводника, шагомъ выѣхали два казака и направились въ мою сторону. Я побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу и, не давая времени проснуться ихъ недоброжелательству ко мнѣ, я указалъ на близость двухъ разбойниковъ. Оба всадника не заставили себѣ повторять два раза; выхвативъ шашки, они во весь махъ понеслись къ рощицѣ, гдѣ спрятались хунхузы. По моему они могли бы поступить лучше: спѣшиться, обойти холмъ и попытаться убить хунхузовъ изъ своихъ ружей или хоть отбить ихъ коней. Но они не сдѣлали ничего подобнаго; и я видѣлъ, какъ подъ конецъ они исчезли за возвышенностью, гдѣ меня ждала засада. Бандиты впрочемъ тоже не стрѣляли. Они несомнѣнно ускользнули при первой тревогѣ. Но казаки преслѣдователи ужасные. Кто далъ имъ возможность воспользоваться ихъ саблей или пикой,—тотъ пропалъ.

Деревня была наводнена русскими кавалеристами, и я имѣлъ удовольствіе видѣть приходъ моей бригады со всѣми ея повозками.

— Отступленіе на Мукденъ! закричалъ мнѣ одинъ офицеръ. Дорога свободна.

Съ необыкновенной радостью услышалъ я эти слова. Мукденъ! Мукденъ! Мукденъ! Это неотвязно, какъ молотило въ моемъ мозгу. Столько встрѣченныхъ препятствій мнѣ причинило какое то холодное раздраженіе, вродѣ внутренняго буйства. Мнѣ хотѣлось закричать:

— Но идемте же, идемте же скорѣе!

А время отъ времени я думалъ:

— Но что-то сталось съ Кудро?

Никто не видѣлъ, какъ онъ пропалъ. Умеръ ли онъ, замерзъ ли во время ужасной ночи, которую мы провели? Или онъ былъ убитъ?

Цѣлый день мы шли. Восточныя горы, у подножія которыхъ проходитъ желѣзная дорога, уже были въ виду. Мы шли прямо на нихъ, на Востокъ. Мы со всѣхъ сторонъ были окружены казаками. Мы ихъ замѣчали издали, какъ черныя точки; они же безъ отдыха ѣхали по сторонамъ нашей колонны; иногда они изчезали въ глубинѣ синеватаго горизонта; иногда ихъ неподвижный силуетъ возвышался на какомъ нибудь холмѣ, вырисовываясь на фонѣ неба. И успокоенная присутствіемъ этихъ бодрствующихъ сторожевыхъ псовъ, пѣхота пріободрилась, успокоилась, подумывая о слѣдующей остановкѣ.

Въ пять вечера мы, наконецъ, завидѣли вдали

желѣзнодорожный путь, и видъ его мнѣ придалъ что-то вродѣ блаженства. Я справился. Точка желѣзной дороги, куда привели насъ наши скитанія, оказалась на равномъ разстояніи отъ Телина и Мукдена, то есть въ 30 километрахъ отъ того и другого.

По дорогѣ медленно шли огромные поѣзда, каждый по пятидесяти вагоновъ; пять изъ нихъ, одинъ за другимъ, совсѣмъ близко одинъ отъ другого, послѣдовательно прошли на сѣверъ. Въ чистой вечерней атмосферѣ безмятежная природа казалась спящей. Ничто не нарушало величія ея глубокаго, какъ вѣчность, молчанія. Солдаты, даже и тѣ замолкли. Родъ религіознаго настроенія охватило всѣ сердца. Эти два рельса, сверкающіе какъ двѣ серебрянныя нити, эта симметричная насыпь, по которой скользятъ поѣзда и которая теряется въ дали безконечнаго сѣвернаго горизонта, — для всѣхъ насъ все это было—далекая родина, Европа; все это было тѣмъ, чего, можетъ быть, мы никогда не увидимъ. Солдаты дѣлали крестное знаменіе. Скрѣпя сердце, мы смотрѣли, какъ катились по направленію къ Россіи огромные поѣзда; необъятые, сочащіеся липкою кровью, поѣзда.

Мы знали, что содержится въ этихъ поѣздахъ. Что могли они содержать, какъ не продырявлен-

ныя, истерзанныя, окровавленныя тѣла, какъ не стонущихъ и страдающихъ раненыхъ, умирающихъ и мертвыхъ!

Надъ домами одной изъ сосѣднихъ деревень развѣвался флагъ дивизіоннаго генерала, и съ удивленіемъ я узналъ, что бригада съ Ляо получила приказъ остаться здѣсь для подкрѣпленія войскъ, къ которымъ мы шли на встрѣчу. Эта деревня, въ которой копошились солдаты, находилась въ центрѣ возвышенностей, которыя образовывали для желѣзной дороги съ запада, приблизительно на три километра, своего рода природный валъ. И я съ изумленіемъ открылъ, что эти высоты покрыты были окопами, баттареями пушекъ и войсками на позиціяхъ. Тамъ было по меньшей мѣрѣ два полка пѣхоты, да мы привели два! Что же однако произошло? Что предполагалось? Куда же наступалъ непріятель?

Такимъ образомъ 4-го числа вечеромъ, въ тридцати километрахъ къ сѣверу отъ Мукдена и въ одномъ мѣстечкѣ къ западу отъ желѣзной дороги на сильныхъ оборонительныхъ позиціяхъ остановилась маленькая армія; эта маленькая армія не могла быть изолирована отъ другихъ; другіе отряды ее должны были связывать съ гарнизономъ, который, какъ я зналъ, занималъ Телинъ.

Она должна была быть въ связи съ главнымъ ядромъ арміи, которое билось подъ Мукденомъ. Судя по этимъ признакамъ, а также по тѣмъ даннымъ, которыя я изложилъ выше, я заключилъ, что русскій главный штабъ долженъ былъ знать, или я думалъ, что онъ знаетъ, что на западѣ отъ желѣзной дороги двигается непріятель на сѣверъ. Когда я проходилъ деревню, направляясь къ рельсовому пути, меня замѣтилъ одинъ молодой офицеръ и, узнавъ мой нарукавникъ, весело окликнулъ меня:

— Куда, чортъ возьми, вы такъ бѣжите?

— Въ Мукденъ.

— Но это безуміе! Подъ Мукденомъ нѣтъ ничего, кромѣ оборонительныхъ дѣйствій. Сраженіе, настоящее стратегическое сраженіе произойдетъ завтра или послѣ завтра здѣсь. Повѣрьте мнѣ, останьтесь съ нами. Я вамъ дамъ мѣсто въ моей фанзѣ. Не ѣздите въ Мукденъ.

Въ Мукденъ я отправился потому, что такъ было нужно. Но я много разъ задавался вопросомъ, какимъ чувствомъ руководился этотъ молодой человѣкъ, убѣждая меня остаться съ ихъ полкомъ. Заблуждался ли онъ, руководясь слышаннымъ отъ своихъ начальниковъ? Или не былъ ли онъ скорѣе ясновидящимъ и сострадательнымъ

человѣкомъ, который предвидѣлъ, что̀ готовилось произойти, и старался, чтобы бѣдный журналистъ избѣгъ безполезныхъ опасностей? Не сумѣю этого сказать. Впрочемъ это для исторіи не важно.

Санитарные поѣзда шли къ Мукдену совершенно пустыми, и я успѣлъ вспрыгнуть въ одинъ изъ нихъ. Врачи и сестры, видя мое истощенное положеніе, соблаговолили мнѣ дать кое какой ищи. Въ десять часовъ я былъ на мукденской станціи и былъ въ сношеніи съ Journal'емъ.

XXXVII

Въ цензурѣ, гдѣ не надѣялись меня видѣть, мое появленіе произвело сенсацію. Я былъ покрытъ грязью и пылью и скорѣе походилъ на опаснаго бродягу, чѣмъ на представителя самой наипарижской газеты, и я валился отъ утомленія. Тѣмъ не менѣе я былъ очень счастливъ. И мнѣ было невозможно сдерживать свою радость. Наконецъ то я былъ въ Мукденѣ, былъ на концѣ этой Синминтинской дороги, гдѣ на берегахъ Ляо, я провелъ трудные часы. Никогда я такъ хорошо не понималъ относительность нашего счастья, никогда еще я такъ хорошо не понималъ, что наши самыя чистыя радости являются дочерьми нашихъ мукъ и нашихъ страданій.

— Много въ Синминтинѣ японскихъ военныхъ поѣздовъ? Вы видѣли, много прибываетъ японскихъ войскъ по линіи изъ Купантзе въ Синминтинъ? Вы не думаете, что тамъ, въ Синминтинѣ,

теперь большая японская армія? Вы не могли сосчитать число зарядныхъ ящиковъ на Синминтинскомъ вокзалѣ?

Таковы были вопросы, которыми русскіе офицера вечеромъ 4-го марта осыпали меня въ Мукденѣ. Она была гибельна для русской арміи, эта безусловно ошибочная, но считавшаяся въ первыхъ числахъ марта за дѣйствительность мысль, что аттака на равниiѣ запада будетъ произведена арміей, снабжаемой изъ Ньючуанга по линіи Купантзе-Хоинъ-Минъ-Фунъ и цѣлью которой будетъ Телинъ. Истина, увы, была совершеноо обратна. Какъ это было видно, въ Синминтинѣ было лишь нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, а къ сѣверу отъ него—разбросано по высотамъ нѣсколько очень слабыхъ отрядовъ. Когда, сбивъ крайній западъ русскихъ укрѣпленій, армія Ноги отважно поднялась, параллельно желѣзнодорожному путю, на сѣверъ то за нею просто послѣдовало безчисленное количество обозовъ, занявшихъ всѣ годныя дороги и везшихъ изъ главной квартиры въ Янтаѣ провіантъ и снаряженіе. Цѣлью былъ совсѣмъ не Телинъ, а просто императорскія могилы въ шести километрахъ къ сѣверу отъ Мукдена.

Мысль эта вызвала на берегахъ Ляо, въ Телинѣ и Мукденѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ

неподвижность значительныхъ русскихъ силъ. Будь эти силы введены въ огонь въ рѣшительные дни съ 1-го по 9-го марта, они могли бы если уже не дать полную побѣду, то по меньшей мѣрѣ удержать равновѣсіе между обѣими арміями и спасти Мукденъ.

Главнокомандующему, ему одному рѣшительно не управиться съ огромными силами. Требуется, чтобы онъ умѣлъ или могъ заставить ихъ всѣхъ сражаться и ввести ихъ проявить наибольшое количество своей энергіи, на какое они только способны. Здѣсь мы несомнѣнно касаемся одной изъ главныхъ причинъ постоянныхъ русскихъ пораженій. Армія Куропаткина цѣликомъ не сражалась ни въ одномъ большомъ сраженіи. Подъ Ляояномъ, какъ и подъ Мукденомъ, мы собственными глазами видѣли въ рѣшительные часы отряды, стоявшіе въ резервѣ или приставленные охранять такіе пункты, гдѣ никогда не долженъ былъ появиться непріятель.

Повидимому въ планахъ Куропаткина всегда прежде всего имѣлось въ виду обезпечить себѣ отступленіе и уберечь въ тылу своихъ позицій желѣзную дорогу. И тогда какъ японцы шли въ наступленіе со всѣми своими годными войсками, Куропаткинъ, наоборотъ, неизмѣнно держалъ на заднемъ планѣ въ своемъ распоряженіи войска,

предназначенныя отражать какое нибудь внезапное нападеніе. Я совершенно не обладаю такими знаніями, чтобы опредѣлить, могъ ли Куропаткинъ лучше обдумать и лучше поступить. Экспертамъ нужно всегда помнить о тѣхъ необъятныхъ трудностяхъ манчжурской войны, о которыхъ я пространно говорилъ въ другомъ очеркѣ.

Имѣя побольше смѣлости, Куропаткинъ могъ все спасти, но также могъ и все потерять. Подъ Ляояномъ, я думаю, онъ все спасъ. А подъ Мукденомъ?..

Куропаткинъ, какъ это ясно обнаружили событія, совсѣмъ не задумался надъ тѣмъ предположеніемъ, что непріятель можетъ попытаться обложить Мукденъ. Будучи плохо освѣдомленъ о численности японцевъ, не зная ихъ передвиженій, можетъ быть, также неправильно направленный предательскими сообщеніями нѣкоторыхъ шпіоновъ, всецѣло клонившимися, въ дѣйствительности, въ пользу японцевъ,—онъ просто думалъ, что это частичная попытка непріятеля удержаться на желѣзной дорогѣ къ сѣверу отъ Мукдена; онъ думалъ, что это повтореніе маневра Куроки подъ Янтаемъ. И случай, упущенный имъ тамъ, то есть къ сѣверу отъ Ляояна, онъ разсчитывалъ наверстать къ сѣверо-западу отъ Мукдена. Несомнѣнно,

очевидность ему должна была со 2-марта обнаружить, что ядро арміи Ноги находится на равнинѣ запада, возлѣ желѣзной дороги и возли Мукдена. Тѣмъ не менѣе многочисленныя указанія сходятся на подтвержденіи того, что онъ до самой развязки продолжалъ заблуждаться относительно японскаго плана сраженія.

4-го числа вечеромъ, въ домикѣ, который я нанималъ недалеко отъ станціи у монаховъ Ламаитскаго монастыря, и гдѣ я оказывалъ самое широкое гостепріимство моимъ друзьямъ, —я засталъ спящимъ одного молодого поручика, которому его титулъ и состояніе позволяли видѣться съ офицерами, приближенными къ Куропаткину,—и онъ мнѣ, весь сіяя, сказалъ:

— Сегодня вечеромъ Куропаткинъ былъ доволенъ; онъ большими шагами ходилъ по своему вагону и, потирая руки, повторялъ: „Они идутъ на сѣверъ. На этотъ разъ они намъ попались. Японцы идутъ на сѣверъ“.

И тогда я понялъ тѣ выраженія, которыя я слышалъ на станціи отъ штабныхъ офицеровъ:

— Въ особенности не пропустите отправиться завтра (5 марта) къ арміи Каульбарса. Тамъ, на западѣ отъ Мукдена, вы будете присутствовать при большомъ событіи, можетъ быть, даже, при ко-

нечномъ актѣ войны. Армія Ноги сильно увлекалась, и она потеряна. За свое отчаянное наступленіе она будетъ наказана тѣмъ, что будетъ окружена и истреблена. Куропаткинъ собирается произвести коренную перемѣну фронта. Всѣ годныя войска, всѣ резервы и всѣ полки, какіе можно было занять у арміи Центра и Восточной, были собраны здѣсь съ поразительной быстротой. Каульбарсъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, помимо своихъ собственныхъ войскъ, части, собранныя рѣшительно изо всѣхъ, безъ исключенія, корпусовъ. Завтра должно разыграться абсолютно рѣшительное сраженіе, да, рѣшительное, каковъ бы ни былъ его исходъ, потому что если мы не нанесемъ японцамъ смертельнаго удара, тогда...

Къ станціи, превращенной въ госпиталь, гдѣ перемѣшались хрипы умирающихъ, стоны страдающихъ и рыданія безнадежныхъ, стекались необъятые обозы раненыхъ. Пушки и ночью продолжали свой мучительный ревъ; словно хотѣли сказать: Мы здѣсь! Это мы! Мы все еще здѣсь! И жалкій путникъ, тащившійся по землѣ, могъ прочитать на небѣ позиціи враждебныхъ армій, на небѣ, окрашенномъ пылающимъ заревомъ, тучами дыма и снопами искръ; на небѣ, которое молне-подобными чертами повѣствовало о пыла-

ющихъ деревняхъ, о гремящихъ батареяхъ, о бивуачныхъ огняхъ, о всѣхъ взрывахъ и о всѣхъ пожарищахъ; на небѣ, которое провело вокругъ города отъ юго-востока до юго-запада и отъ юго-запада до сѣверо-запада ужасный полукругъ; на небѣ, на которомъ уже былъ начертанъ приговоръ Мукдена.

Заключеніе

Токіо, 2 сентября

XXXVIII

Бывъ очевидцемъ всей войны, съ 7 февраля 1904 года по 30 августа 1905 года, живши какъ въ Россіи, такъ и въ Японіи, видѣвъ армію рускую и армсію японскую, присутствовавъ, не считая множества стычекъ, при трехъ огромныхъ сраженіяхъ подъ Ляояномъ, на Шахэ и подъ Мукденомъ, развѣ не имѣю я права сказать, что спеціальный корреспондентъ Journal'я, благодаря несомнѣнно особому счастью, оказался единственнымъ журналистомъ, наблюденія котораго охватили столь обширное пространство?

Почему этого не высказать, если это правда?.. Какъ бы то ни было, но если это преимущество можетъ придать чести, то ее должно воздать на-

стойчивости Journal'я и личности его представителя. И вотъ какихъ нибудь читателей, можетъ быть, заинтересуетъ взглядъ этого представителя на заключеніе мира.

Тогда этотъ взглядъ вотъ.

Спеціальный корреспондентъ Journal'я на Дальнемъ Востокѣ полагаетъ, что Россія, спасши линію Харбинъ—Владивостокъ и избѣгнувъ уплаты военныхъ расходовъ, помирилась на условіяхъ выше чаянія. Послѣ Ляоянскаго пораженія можно было опасаться, что катострофа закончится безконечно болѣе тяжкимъ образомъ.

Но продолжительное сопротивленіе Портъ-Артура, благоразуміе и упорство Куропаткина, самоотверженная храбрость русскаго солдата, способность генералъ-интенданта Губера, и—прибавимъ еще—превосходный персоналъ Сибирской дороги подогрѣваемый геніальностью такого великаго дѣятеля, какъ князь Хилковъ,—ограничили размѣры разгрома, замедлили и стѣснили шествіе побѣдителей, которые, въ концѣ концовъ, пять мѣсяцевъ провели въ бездѣйствіи (съ 1-го апрѣля по 30-е августа 1905 г.) на томъ мѣстѣ, куда они могли бы торжественно вступить еще въ сентябрѣ 1904 года.

Я вамъ уже говорилъ это и повторяю снова:

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ матеріальныхъ и нравственныхъ реформъ русская армія будетъ самой несокрушимой военной организаціей на землѣ.

Честь Куропаткину! Честь Хилкову! Честь Губеру! Честь Витте!

Полковникъ **Богуславскій. ЯПОНІЯ.** Военно-географическое и статистическое обозрѣніе. Съ картою. Изданіе 2-е, исправленное. **3** р.

Изъ книгъ, вышедшихъ за послѣднее время о Японіи, особенно цѣннымъ является трудъ Богуславскаго,

(*«Новое Время» 17 марта 1904 г., № 10070*).

. Мы спѣшимъ обратить вниманіе на книгу г. Богуславскаго, появившуюся изъ печати такъ кстати... Свѣдѣнія о Японіи авторъ собралъ и обработалъ, надо сказать, весьма полно и добросовѣстно.

(*«Русскій Инв.» № 26, 1904 г.*).

. Книга эта Н. Д. Богуславскаго является безспорно вкладомъ въ военную литературу—не только нашу, но и западно-европейскую.

М. Грулевъ. (*«Развѣдчикъ № 695, 1904 г.*).

Канъ Рэжиналь. ИЗЪ ВРАЖЕСКАГО СТАНА.

„Организація побѣждаетъ“.

Переводъ съ французскаго. Изъ дневника военнаго корреспондента при Японской арміи **40** к.

Отзывы печати: „. . . . Книга Р. Кана заслуживаетъ совершенно исключительнаго вниманія и представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ работъ, которыя до сихъ поръ появились о русско-японской войнѣ, столь же по цѣнности точныхъ указаній, которыя онъ дѣлаетъ относительно многихъ до сихъ поръ оставшихся для насъ смутными пунктовъ, сколько и по поучительности, которую можно извлечь изъ текущихъ событій для тактики будущаго“. . .

(*Figaro № 109, 1905 г.*).

„. . . . Дневникъ изобилуетъ множествомъ талантливыхъ штриховъ и замѣтокъ, очень интересныхъ въ виду бѣдности свѣдѣній съ японской стороны и доказывающихъ наблюдательность автора... Книга эта написана живо и легко, читается“. (*«Вѣст. Общ. Ревн. Воен. Зн.» № 105*).

Сост. свящ. **Веніаминовъ. Религія и христіанство въ Японіи.** СПБ. 1905 г. **30** к.

„Авторъ толково и довольно подробно разъяснилъ „суть религіозныхъ системъ принятыхъ въ Японіи“.

(*Отзывъ изъ ж. «Вѣстовой» 1905 г. № 105*).

Н. И. Сувировъ. Тибетъ. Описаніе страны и отношеніе къ ней Китая и Англіи до послѣдняго времени. 1905 г. **1** р.

„. . . Книга г. Сувирова безспорно заслуживаетъ широкаго распространенія, особенно при недостаткѣ у насъ популярныхъ трудовъ о Тибетѣ и Тибетскомъ вопросѣ, который въ недалекомъ будущемъ, надо думать, вновь выдвинется на политическую сцену.

(*«Развѣдчикъ» № 746, 1905 г.*). **Энвишъ.**

30.–
12/V-44
Ц. 30 р.

Новыя изданія

Сочиненіе **Лянцичао.** **ЛИХУНЧЖАНЪ и политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ.**

Съ портретомъ Лихунчжана (фототипія) и приложеніемъ таблицы династій въ Китаѣ и біографій популярныхъ на родинѣ китайцевъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ. Перевели съ китайскаго языка: *Чжань-Чинь-Тукъ* (аташе Китайск. посол.) и *А. Н. Вознесенскій* 2 р.

Лянцичао одинъ изъ реформаторовъ Китая, стоящихъ во главѣ движенія. Въ 1898 году въ Пекинѣ произошли политическія перемѣны, и Лянцичао бѣжалъ въ Японію, гдѣ находится и до сихъ поръ.—Въ его сочиненіи не только подробно изложены событія Китая за послѣднія сорокъ лѣтъ, но и дается краткій обзоръ постепенныхъ перемѣнъ государственной жизни Поднебесной Имперіи.

Князь *В. П. Максутовъ.* **Исторія древняго Востока** (Культурно-политическая и военная) съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи Македонскаго завоеванія. Томъ I. **Египетъ и Финикія.** *6* р.

„ II. **Ассирія, Халдея, Мидія и Персія.** *6* р.

Требующіе одновременно оба тома за пересылку не платятъ.

Отзывы печати Читателя вышеупомянутое сочиненіе можетъ заинтересовать, въ особенности, такъ какъ развитію военнаго дѣла у древнихъ народовъ Востока удѣлено достаточно мѣста и многія открытія въ этой области опубликованы авторомъ впервые.

Къ числу достоинствъ «Исторіи» можно отнести легкій, живой и изобразительный языкъ, столь непохожій на тотъ высокій «штиль», которымъ пишутся подобнаго рода сочиненія.

(*«Вѣстн. О-ва. Ревн. воен. Зн.» № 101, 1905 г.*).

По богатству эрудиціи и обстоятельности, сочиненіе Князя Максутова представляетъ едвали не лучшее пособіе по исторіи древняго Востока на русскомъ языкѣ...

«Русь» 1 Ноября, 1906 г. **А. Б.**

М. Фоссъ. **Морская война.** Переводъ *П. Гельмерсена* 1906 г. Съ рисунками и планами. 2 р.

Популярное описаніе боевыхъ средствъ современнаго корабля. Понятіе о морской тактикѣ. Описаніе главнѣйшихъ морскихъ сраженій. Крейсерская война.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

Дозв. ценз. Спб., 12 Ноября 1905 г. Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

30.–
72/V-41

Со… политическая
Ля…
ис… нія 40 лѣтъ.

Съ … приложеніемъ таблицы
дин… хъ на родинѣ китай-
цев… ь. Перевели съ китай-
ска… таше Китайск. посол.)
и **А.** … **2** р.

движе… тая, стоящихъ во главѣ
Лянчиао… тическія перемѣны, и Лян-
не то… поръ.—Въ его сочиненіи
и да… послѣднія сорокъ лѣтъ, но
Подне… государственной жизни

В. …
Во… древняго
еван… и военная) съ отдален-
… и Македонскаго заво-
… **6** р.
Т… я. **6** р.
… ресылку не платятъ.

С… мянутое сочиненіе можетъ
заинте… военнаго дѣла у древнихъ
народо… открытія въ этой области
опубли…

К… легкій, живой и изобра-
зитель… стиль», которымъ пишут-
ся под…

… *Зн.» № 101, 1905 г.*).

П… чиненіе Князя Максутова
предста… древняго Востока на рус-
скомъ … *бря, 1906 г.* **А. Б.**

М. Ф… Переводъ ***П. Гель-***
мерсена 1906 г.
Съ ре… **2** р.

По… ннаго корабля. Понятіе
о морс… женій. Крейсерская война.

В… ВОВСКАГО

Дозв. ц… Исидора Гольдберга, Спб.

65
22

2022537151